Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи

БОМБАРДИР

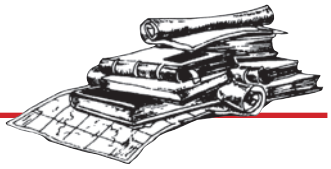
№ 34 2024

За город Ленина вперед!

Рисунок В. СЕЛИВАНОВА.

«За город Ленина». Художник В. А. Серов. 1941–1943 гг.

Уважаемые читатели!



Перед вами очередной номер журнала «Бомбардир».

27 января 2024 года в нашей стране отмечалась очень важная и памятная дата — 80 лет с момента полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады. Долгие трагические 872 дня город противостоял вражескому окружению. Подвиг жителей Ленинграда навсегда останется в наших сердцах, напоминая о силе духа, героизме и сплоченности в трудные моменты. Прорыву блокады — этому важнейшему событию — посвящена статья В. М. Крылова и Е. И. Юркевича «Первый Сталинский удар», открывающая номер «Бомбардира».

О выставочных проектах музея, посвященных актуальным темам, рассказывают публикации Н. Ю. Ефимовой «В нас подвигу память верна...» (80-летие полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады») и «СВОИ в Артиллерийском музее» (Специальная военная операция).

Под рубрикой «Научные исследования» Т. Н. Ильина в статье «Братья пруссаки. Из истории награждений» приводит ранее не известные факты обоюдных награждений после победы над Наполеоном отличившихся в боях чинов русской, прусской и австрийской армий.

Статья С. В. Ефимова посвящена генерал-фельдцейхмейстеру Якову Вилимовичу Брюсу — одному из самых ярких представителей блестящей плеяды «птенцов гнезда Петрова», внесшему огромный вклад в развитие российской артиллерии.

В. А. Шутиков в своей работе рассказывает о новинке инженерного вооружения российского солдата — малой пехотной лопате усиленной (МПЛ-У) конструкции П. А. Петухова. Несколько партий этого инструмента были направлены в зону СВО, где заслужили хорошие отзывы от бойцов.

Статья У. А. Гордеевой посвящена научно-просветительской деятельности русского ученого-экономиста, члена Государственного Совета профессора И. Х. Озерова, выпустившего во время Первой мировой войны серию почтовых открыток «За что мы боремся?». Они доступным и понятным способом знакомили широкие круги населения с различными сферами экономической жизни России.

Под рубрикой «На службе Отечеству» помещена публикация Р. А. Тимофеевой и Р. Н. Чумака «Дела очень и очень много... зато душой я спокоен» уточняет и дополняет биографические сведения о великом русском оружейнике В. Г. Федорове и о его семье. Это позволяет глубже понять масштаб личности этого яркого и самобытного человека.

А. Ю. Низовский в своей статье, основанной на материалах научного архива музея, повествует об истории создания памятника Павловскому гренадерскому полку на Бородинском поле.

К. А. Павлов — внук генерал-майора артиллерии Павлова Александра Федоровича — с любовью и уважением рассказывает о своем деде, крупном военачальнике Великой Отечественной войны и послевоенных лет.

Публикация В. В. Незговоровой посвящена истории церкви лейб-гвардии Саперного батальона и основана на материалах из собрания батальонного музея, хранящихся в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи.

А. С. Харьков в статье «“Французский немец”, несший смерть Ленинграду» приоткрывает тайну одного из экспонатов коллекции музея — снаряда 520-мм французской железнодорожной гаубицы обр. 1916 года, захваченной в 1940 году гитлеровцами при разгроме Франции и доставленной в ноябре 1941 года под Ленинград.

Надеемся, что каждый читатель найдет в журнале что-то интересное и полезное для себя.

Редакционный совет приглашает к сотрудничеству как профессиональных историков, так и любителей военной старины. Пишите, звоните, приходите. Ждем вас.

Главный редактор **Валерий Крылов**

Содержание

К 80-летию полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады

Крылов В. М., Юркевич Е. И. Первый Сталинский удар **3**

Научные исследования

Ефимов С. В. Второй генерал-фельдцейхмейстер Яков Вилимович Брюс. К 355-летию со дня рождения **8**

Ильина Т. Н. Братья пруссаки. Из истории награждений **26**

Шутиков В. А. Малая пехотная лопата усиленная МПЛ-У конструкции П. А. Петухова **36**

Гордеева У. А. Открытые письма «За что мы боремся?» члена Государственного Совета профессора И. Х. Озерова в собрании ВИМАИВиВС **44**

Мгновения истории

Тимофеева Р. А., Чумак Р. Н. «Дела очень и очень много... зато душой я спокоен»: К уточнению биографических сведений о семье В. Г. Федорова **49**

Низовский А. Ю. Об авторстве и обстоятельствах создания памятника Павловскому гренадерскому полку на Бородинском поле (по материалам ВИМАИВиВС) **54**

На службе Отечеству

Павлов К. А. Мой дед — генерал-майор артиллерии Павлов Александр Федорович **66**

Музейные предметы рассказывают

Незговорова В. В. Церковь лейб-гвардии Саперного батальона во имя святых бессребреников Косьмы и Дамиана **74**

Харьков А. С. «Французский немец», несший смерть Ленинграду **81**

Выставочные проекты музея

Ефимова Н. Ю. «В нас подвигу память верна...» Экспозиции и выставки Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи к 80-летию полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады **83**

Ефимова Н. Ю. СВОИ в Артиллерийском музее. Выставочные проекты Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, посвященные Специальной военной операции **90**

Сведения об авторах **96**

На обложке: на 1-й стр. — Окно ТАСС. «За город Ленина, вперед!» Художник В. Селиванов. 1943 г.;
на 4-й стр. — Выставка «Не смеют крылья черные над Родиной летать». Оформление изобразительными материалами, выполненными телеграмм-каналом «Рыбарь».

«БОМБАРДИР». Журнал, № 34, 2024. Издается с марта 1995 г. Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры и искусства «Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи» Министерства обороны Российской Федерации. Российская академия ракетных и артиллерийских наук.
Печатается по решению Редакционно-издательского совета.
Главный редактор *В. М. Крылов*. Редакционный совет: *С. В. Успенская* (зам. главного редактора), *С. В. Ефимов, Е. Г. Игнатьева, А. Н. Кайгородцев, В. В. Изонов.* Состав редколлегии: *Т. Н. Ильина* (председатель), *Р. Н. Чумак, Н. В. Медведев.*
Дизайн, вёрстка, допечатная подготовка: *Н. Ю. Якубовская, Т. И. Таранова.* Фотографы: *М. В. Дьяконов, И. А. Садова, М. Ю. Никитин*
Компьютерный набор: *Я. В. Камашина.* Дата выхода в свет 16.11.2024. Перепечатка материалов издания допускается только по согласованию с редакцией. Адрес редакции: 197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 7. Тел. (812) 498-09-34
www.artillery-museum.ru

©ВИМАИВиВС, 2024

К 80-летию полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады

В. М. Крылов, Е. И. Юркевич

Первый Сталинский удар

ВОСЕМЬДЕСЯТ ЛЕТ НАЗАД прогремели залпы Первого Сталинского удара — Ленинградско-Новгородской операции[1].

В конце 1943 г. Ставка Верховного Главнокомандования перешла к новому методу планирования наступательных операций — от метода одновременного наступления на всех фронтах к методу чередования наступательных операций по времени и значительному удалению по месту проведения. На 1944 г. Ставка запланировала 10 стратегических наступательных операций, вошедших в историографию как «десять Сталинских ударов». Первым из них был удар под Ленинградом[2].

К январю 1944 г. гитлеровцы создали здесь мощнейшую глубоко эшелонированную оборону. Ленинград осаждала 18-я немецкая армия под командованием генерал-полковника Г. Линдемана. Она состояла из 15 пехотных и пяти авиаполевых дивизий, полицейской дивизии СС, испанской дивизии, трех панцергренадерских и одной танковой дивизии[3]. И это только войска, расположенные у стен Ленинграда. А ведь в состав группы армий «Север» под командованием генерал-фельдмаршала Г. фон Кюхлера входила еще и 16-я немецкая армия. Всего войска двух немецких армий, поддерживаемых 1-м воздушным флотом, насчитывали 741 тыс. чел., свыше 10 тыс. орудий и минометов, 385 танков и штурмовых орудий, 370 боевых самолетов[4].

Первоначальный план разгрома гитлеровцев под Ленинградом был представлен в Ставку еще в начале сентября 1943 г. Ставкой он был несколько откорректирован: если первоначально предполагалось привлечь к операции только Ленинградский и Волховский фронты, то по откорректированному плану к операции привлекались еще и силы 2-го Прибалтийского фронта. Планом предусматривалось не только отбросить противника от Ленинграда, но и полностью разгромить группу армий «Север» и создать условия для дальнейшего освобождения Советской Прибалтики. Таким образом, к операции привлекались Ленинградский (командующий — генерал армии Говоров Л. А.), Волховский (командующий — генерал армии Мерецков К. А.) и 2-й Прибалтийский (командующий — генерал армии Попов М. М.) фронты, Краснознаменный Балтийский флот (командующий — адмирал Трибуц В. Ф.), четыре корпуса авиации дальнего действия (командующий — маршал авиации Голованов А. Е.), Ленинградская армия Войск ПВО страны и партизанские соединения. Всего в предназначенной для удара советской стратегической группировке насчитывалось 1252 тыс. чел., 20 183 орудия, 1580 танков и САУ, 1386 боевых самолетов. В составе Балтийского флота насчитывалось 527 боевых кораблей, в том числе 26 подводных лодок, и 319 самолетов[5].

«Военный совет Ленинградского фронта решил разработать два варианта операции против 18-й немецкой армии. Один, получивший условное наименование “Нева-1”, предусматривал боевые действия фронта при отводе противником своих войск из-под Ленинграда. Согласно другому оперативному плану, названному “Нева-2”, войска фронта должны были прорвать сильную оборону неприятеля и разгромить его группировку под Ленинградом...

Предусматривалось осуществить прорыв из осажденного Ленинграда на Гатчину (Красногвардейск) и с Ораниенбаумского плацдарма — на Кингисепп. Одновременно Волховский фронт должен был нанести удар из районов Чудово и Новгорода в направлении города Луга. Совместными действиями двух фронтов предполагалось разгромить наиболее сильные фланговые группировки противника, находившиеся юго-западнее Ленинграда и у Новгорода, а затем нанести решающее поражение главным силам 18-й армии...

Ленинград в дни Великой Отечественной войны. На площади Ленина. Январь 1944 г. Фотография Г. Чертова

Для того, чтобы не допустить в ходе операции переброски соединений 16-й немецкой армии под Ленинград и Новгород, перед войсками 2-го Прибалтийского фронта ставилась задача разгромить группировку противника севернее Невеля и развивать наступление на идрицком направлении», — отмечалось в «Истории Ленинградского военного округа»[6].

Краснознаменный Балтийский флот участвовал в операции прежде всего силами своей корабельной артиллерии — войска Ленинградского фронта поддерживали свыше 200 корабельных орудий, разделенных на четыре группы, плюс 101-я морская бригада железнодорожной артиллерии (на Красносельском направлении). При этом треть орудий имела калибр от 180 до 406 мм[7].

Подготовка к операции велась с соблюдением строжайшей секретности. Все передвижения войск производились только ночью и, как правило, под видом инженерного оборудования оборонительных позиций[8].

Особенно сложной задачей была скрытная переброска на Ораниенбаумский плацдарм частей 2-й Ударной армии. И флот блестяще справился с этой задачей. В Ораниенбаум было доставлено около 53 тыс. чел., 2300 автомашин и тракторов, 214 танков и бронемашин, 700 орудий и минометов, 5800 т боеприпасов, 4 тыс. лошадей, 14 тыс. т воинских грузов[9].

Первый, важнейший собственно для Ленинграда этап Ленинградско-Новгородской операции, — Красносельско-Ропшинская операция (14–30 января 1944 г.)[10].

14 января 1944 г. 2-я Ударная армия генерал-лейтенанта Федюнинского И. И. начала наступление с Ораниенбаумского плацдарма в направлении на Ропшу. Уже в этот день были взяты сильно укрепленные пункты Гостилицы, Перелесье, Порожки и др.

15 января еще более сильный удар от Пулковских высот также в направлении на Ропшу нанесла 42-я армия под командованием генерал-полковника Масленникова И. И. На 17-километровом участке прорыва на головы врага обрушили свой огонь 2300 орудий, минометов и машин реактивной артиллерии. Артиллерийская подготовка продолжалась 100 минут, уничтожая узлы сопротивления противника и его артиллерийские батареи. Затем в атаку пошли пехота и танки, поддерживаемые авиацией 13-й воздушной армии. На острие удара был 30-й Гвардейский стрелковый корпус под командованием отличившегося при прорыве блокады генерал-майора Симоняка Н. П. 16 января войсками армии были взяты Финское Койрово и Александровка.

Части 2-й Ударной армии вели успешное наступление в направлении Глядино — Дятлицы — Сокули[11].

В бою под Дятлицами 16 января 1944 г. отличился экипаж командира танковой роты старшего лейтенанта Спирина А. И. Танк Спирина уничтожил немецкий «Тигр», три артиллерийских орудия, шестиствольный миномет и до 30 гитлеровцев, но был подбит. Механик-водитель и башенный стрелок были убиты, а Спирин тяжело ранен. Выбравшись из танка, он начал отбиваться от окруживших его гитлеровцев из автомата, уничтожив до 60 врагов.

В этом бою старший лейтенант погиб. За мужество и отвагу А. И. Спирин посмертно был удостоен звания Героя Советского Союза[12]. В тот же день на подступах к Ропше отличился и командир артиллерийского взвода старший сержант Рытов Н. А. Огнем своих орудий он уничтожил вражеский дот, чем обеспечил захват выгодного рубежа. Когда раненного в бою Н. А. Рытова окружили гитлеровцы, он подорвал их и себя последней гранатой. Посмертно Н. А. Рытов был удостоен звания Героя Советского Союза[13]. Орудие из взвода Н. А. Рытова находится на экспозиции Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи[14].

2-я Ударная и 42-я армии продолжали пробиваться навстречу друг другу. 19 января советскими войсками были освобождены Красное Село и Ропша. 20 января находящиеся в этом районе немецкие войска были полностью уничтожены, а войска 2-й Ударной и 42-й армий, выйдя в район Русско-Высоцкое, образовали единый фронт наступления и погнали врага дальше от Ленинграда[15]. 20 января войска Волховского фронта освободили Новгород[16].

19 января был освобожден Петергоф, 24 января — Пушкин и Слуцк (Павловск), 26 января — Тосно и Красногвардейск (Гатчина)[17].

А 27 января 1944 г. пришел, наконец, и день Ленинградской Победы. К этому дню враг был отброшен от города на 65–100 километров. Советские войска освободили более 700 населенных пунктов[18].

27 января по радио был зачитан приказ Военного совета Ленинградского фронта об итогах двенадцатидневных боев, в результате которых город полностью был освобожден от вражеской блокады. А в 20 часов в этот день в Ленинграде прогремел салют. 24 залпа из 324 орудий. И единственный раз за всю войну салют был не в Москве, а в самом освобожденном городе! Так И. В. Сталин и Ставка высоко оценили роль Ленинграда в борьбе с фашистами[19].

Артиллерия для салюта была распределена следующим образом: 75 орудий на Марсовом поле, 75 орудий на площади Революции у Дома политкаторжан и 74 орудия на стрелке Васильевского острова, у здания Биржи. Плюс 100 орудий корабельной артиллерии. Залпы производились через каждые 30 секунд. Для сопровождения салюта были также выделены 40 прожекторов, которые до конца салюта должны были освещать небо над городом[20]. Холостые заряды для орудий нашли. А вот ракеты в небо пускали из ракетниц красноармейцы и краснофлотцы, расставленные вдоль набережных в центре города[21]. Да, это был самый удивительный, самый необычный салют в истории Великой Отечественной войны!

«Замысел советского командования на первый удар 1944 г. отличался оригинальностью, смелостью и масштабностью», — отмечал А. М. Соколов[22].

«Идея удара из осажденного города... рождала могучий наступательный порыв, сокрушивший

Советские воины в освобожденной Гатчине. 26 января 1944 г.

Ленинград. Салют 27 января 1944 г.

на своем пути все преграды, — писал впоследствии командующий Ленинградским фронтом Маршал Советского Союза Говоров Л. А. — Идея удара из осажденного города имела и другое крупное значение: она давала в руки советских войск могучий фактор — оперативную внезапность...

Выбор формы прорыва в виде двух концентрических ударов, наносившихся на относительно узких участках со стороны Пулковских высот и с Ораниенбаумского плацдарма, был обусловлен стремлением получить после соединения обеих ударных группировок настолько широкий прорыв, который уже в начальном этапе операции привел бы к полному крушению фронта обороны врага и создал бы благоприятные условия для развития удара в глубину и упреждения противника на подготовленном тыловом рубеже по реке Луге.

Как показал ход операции, избранная форма удара полностью отвечала обстановке и привела после соединения наших войск, наступавших с Пулковских высот и Ораниенбаумского плацдарма в районе Ропши, к полному развалу всего немецко-фашистского фронта под Ленинградом. Этим были созданы условия для развития наступления на тыловой рубеж по реке Луге и форсирования ее сходу, не дав возможности противнику задержаться на нем.

В такой же мере успешному развитию операции способствовало нацеливание главного удара на Гатчину. Выбор главного удара наряду с принятой формой прорыва привел уже на начальных этапах операции к окружению и уничтожению противника в районе Петергоф — Стрельна, разгрому его основных сил, выходу в тыл вражеской Мгинской группировки и свободе маневра в глубину.

Ход боевых действий полностью подтвердил правильность построения операции»[23].

Да, операция завершилась блестяще! И затягивать с полным освобождением Ленинграда тоже было нельзя — ведь немцы не собирались сидеть сложа руки, поняв, что город не удастся уничтожить голодом и обстрелами из обычной артиллерии. Мало кому сейчас известен факт, что летом 1944 г. гитлеровцы планировали начать обстрел Северной Пальмиры ракетами Фау-1. Пришлось срочно выделять на прикрытие от возможных обстрелов 200 аэростатов заграждения, свыше 400 зенитных орудий, четыре полка истребительной авиации. В январе 1944 г. город был спасен от этой напасти[24].

В истории блокады много удивительного, подчас даже мистического...

Опять же мало кто помнит, что самый страшный день блокады — 27 января 1942 г., когда выработка электроэнергии в городе была самой низкой за последние 25 лет[25]. В результате встали все хлебозаводы города. Вместо хлеба выдавали муку, но ее смогли подвезти далеко не во все магазины. В итоге значительная часть населения Ленинграда 27–29 января вообще не получила никаких продуктов, что привело к тому, что в феврале 1942 г. смертность в Ленинграде была самой большой за всю блокаду[26]. А 27 января 1944 г. стало самым светлым и радостным для блокадников днем...

А. Адамович и Д. Гранин отметили в Ленинграде еще одну особенность, которой в других фронтовых городах практически не было:

«Вообразите себе солдата, который живет сегодняшним мирным бытом, но окружен теми же стенами, предметами, как бы все в той же землянке, в том же окопе...

...Тут его, ленинградца, обстреливали, обрушивали на него смерть — снаряды, бомбы. Тут его истребляли голодом. Он потерял здесь стольких близких, соседей, здоровье потерял. А сейчас (здесь же!) живет, как все. Как все, только со всех сторон окружен памятью...»[27]. Да, многие блокадники так и не получили отдельных квартир, прожив всю жизнь в своих коммуналках, по еще блокадным адресам...

Страшно своими масштабами число погибших в блокаду ленинградцев. Страшно не только числом, которое доходит до полутора миллионов человек[28], но и тем, что точную цифру погибших не узнать никогда — слишком трудно было вести учет умерших в первую блокадную зиму, слишком много ленинградцев погибло в эвакуации и было погребено в безымянных могилах...

А самое страшное — что блокада — это не только прошлое тех, кто ее пережил. Это настоящее и будущее их потомков... Да, длительный голод в сочетании с длительным холодом и стрессом, вызванным обстрелами, бомбежками, смертью близких и другими ужасами блокады, повлиял на здоровье блокадников на генетическом уровне. А значит — на здоровье их детей, внуков, правнуков. В медицине этот букет заболеваний — гипертония, ревматизм, болезни опорно-двигательного аппарата и позвоночника, астма и др. — получил название «блокадный синдром Рачкова» — по имени доктора медицинских наук, профессора Б. М. Рачкова, впервые серьезно обратившего внимание на взаимосвязь блокады и болезней блокадников и их потомков[29]. И никто не знает, на каком поколении блокада перестанет брать свою смертельную дань...

И эти страшные факты тоже должны заставлять нас помнить. Помнить о тех, кто отдал свою жизнь за Ленинград, но не отдал его врагу. И помнить о тех, кто восемьдесят лет назад освободил его из оков фашистской блокады.

---

[1] Десять сокрушительных ударов: Краткий обзор наступательных операций Красной Армии в 1944 г. М., 1945. С. 15–22.

[2] Бурлаков А. И., Похилюк А. В. Боевые действия по деблокаде Ленинграда 1941–1944. СПб., 2013. С. 273.

[3] Первый [Сталинский] удар: Разгром немцев под Ленинградом в январе–феврале 1944 г. // Ленинград. Война. Блокада. Снятие осады: Материалы и исследования. СПб., 2019. С. 236; История ордена Ленина Ленинградского военного округа. М., 1988. С. 263.

[4] Соколов А. М. 1944 год: Сокрушительные удары Красной Армии: Монография. СПб., 2024. С. 19; Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945: Краткая история. М., 1984. С. 284.

[5] История ордена Ленина Ленинградского военного округа. С. 264–266, 271, 272; Соколов А. М. 1944 год: Сокрушительные удары Красной Армии. С. 18, 19.

[6] История ордена Ленина Ленинградского военного округа. С. 264, 265.

[7] Дважды Краснознаменный Балтийский флот. М., 1990. С. 217, 218.

[8] История ордена Ленина Ленинградского военного округа. С. 273; Соколов А. М. 1944 год: Сокрушительные удары Красной Армии. С. 21.

[9] Дважды Краснознаменный Балтийский флот. С. 219.

[10] Военная энциклопедия. Т. 4: Квашнин — Марицкая. М., 1999. С. 267, 268.

[11] История ордена Ленина Ленинградского военного округа. С. 275–279.

[12] История ордена Ленина Ленинградского военного округа. С. 279; Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь. Т. 2: Любов — Ящук. М., 1988. С. 512.

[13] Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь. Т. 2: Любов — Ящук. С. 393.

[14] Крылов В. М., Успенская С. В., Ефимов С. В., Юркевич Е. И. Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи: Путеводитель. СПб., 2018. С. 144.

[15] Важнейшие операции Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сборник статей. М., 1956. С. 273.

[16] Там же. С. 274.

[17] Молчанов А. В. Героическая оборона Ленинграда: Документальная памятка. СПб., 2007. С. 15; История ордена Ленина Ленинградского военного округа. С. 285, 286.

[18] История ордена Ленина Ленинградского военного округа. С. 286, 287.

[19] История ордена Ленина Ленинградского военного округа. С. 287; Одинцов Г. Ф. Повелители огня. Л., 1980. С. 210.

[20] Соболев Г. Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде: Книга третья: Январь 1943 – январь 1944. СПб., 2017. С. 704–706.

[21] Рубинский Г. Чья ракета выше? // Санкт-Петербургские ведомости. 27 января 2021 г. № 14 (7097).

[22] Соколов А. М. 1944 год: Сокрушительные удары Красной Армии. С. 20.

[23] Говоров Л. А. Первый из десяти ударов // Славная победа под Ленинградом: Воспоминания, статьи и документы, посвященные разгрому немецко-фашистских войск под Ленинградом. Л., 1976. С. 27–29.

[24] Чернухин В. А. Фау над Ленинградом в 1944 году? Да, такое могло быть!.. // Бомбардир. 2004. № 16. С. 68–70.

[25] Буров А. В. Блокада день за днем. Л., 1979. С. 132.

[26] Соболев Г. Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга первая: Июнь 1941 – май 1942. СПб., 2013. С. 399–401; Яров С. В. Повседневная жизнь блокадного Ленинграда. М., 2013. С. 151, 167.

[27] Адамович А., Гранин Д. Блокадная книга. М., 1982. С. 3, 4.

[28] Молчанов А. В. Героическая оборона Ленинграда. С. 50.

[29] Тульский И. В., Багров Г. И. Блокадный синдром Рачкова. СПб., 2006. С. 33–35, 52, 54, 68–140.

С. В. Ефимов

Второй генерал-фельдцейхмейстер Яков Вилимович Брюс. К 355-летию со дня рождения

В 2024 г. исполнилось 355 лет со дня рождения начальника русской артиллерии, генерал-фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюса (1669–1735), который, несомненно, принадлежит к блестящей плеяде «птенцов гнезда Петрова» и к числу ближайших сподвижников первого российского императора.

Точную дату рождения Якова Брюса установили лишь недавно, когда была обнаружена надгробная проповедь первого пастора московской лютеранской кирхи Фрейгольда[1]. В ней сказано, что Я. В. Брюс родился в Москве, прожил 65 лет и 18 дней и умер 19 (30) апреля 1735 г. Отсюда датой рождения следует считать 1 (11) мая 1669 г. Эти же сведения подтверждает и траурный штандарт семьи Брюсов, хранящийся в фондах Государственного исторического музея (Москва). На нем по-немецки перечислены титул и звания Брюса и по-латыни указаны даты рождения и смерти, совпадающие с данными из проповеди[2].

Яков Вилимович Брюс «произошел из древней благородной фамилии шкоцкой Брюсов, из дому Клакманан, ис которого дому были два короля шкоцкия (шотландские. — *С. Е.*), а именно, 1306 году по рождестве Христове Роберт, а по нем сын его Давид»[3]. Роберт I (1274–1329) — первый из Брюсов король Шотландии. В 1314 г. он одержал победу над датчанами в знаменитой битве при Баннокберне и в 1328 г. добился независимости Шотландии от Англии. Роберт Брюс — национальный герой Шотландии.

С его незаконнорожденного сына Томаса и начинается история семьи, в которой через несколько сотен лет родится Яков Брюс. Сын Томаса Брюса Роберт положил начало роду баронов Клакмананов (Clackmannan). Королевская династия Брюсов после

Начальник русской артиллерии Яков Вилимович Брюс. Неизвестный художник первой четверти XVIII в.

смерти сына Роберта I короля Дэвида II пресеклась. Внук Роберта I Роберт II Стюарт (сын его дочери Майории и графа Уолтера Стюарта) основал новую династию шотландских королей, с которой Клакмананы также состояли в родстве.

Копия «Родословия» Брюсов на латинском языке, хранящаяся в Российском государственном архиве древних актов (Москва), подписанная обер-герольдмейстером Шотландии Александром Арескиным и завизированная Я. В. Брюсом, проливает свет на историю рода. Перевод этого документа, сделанный в 1720 г. и хранящийся в том же деле, стал основой многих ошибок в последующих копиях и описаниях. В нем написано: «*...а прадед ево Якова Брюса, Яков же Брюс происшел... от родителя своего Роберта Брюса, ... которой был брат меншой седмаму Барону по линеи ис Клакманана Роберту*». Здесь вкралась ошибка, вошедшая в многие позднейшие документы и литературу. Следует читать: «осмому Барону»[4].

Родовой герб так описан в копии родословия Я. Брюса: «*На поле златом крест Святаго Андрея, и верх щитовый краснорожовыя. Над шлемом же, тогожде степени приличным плащем красным серебром раскрашенным и венцем от тех же цветов украшенным, место периа нарисуется плечо вооруженное, булаву в руце держащее. Поддержат, от десныя страны лев краснорожовый, от левыя же единорожец природного цвета с щитовым сим надписанием: «БЫХОМ»* (перевод латинского девиза «Fuimus», означающего многозначительное «Мы были»)[5].

Отец Я. В. Брюса Вилим Романович в 1649 г. прибыл в Россию на службу к царю Алексею Михайловичу («*...выехал он порутчиком из Галанской земли з боярином с Ильею Даниловичем Милославским к Москве, как он был Галанской земле послом...*»)[6]. Будучи на русской военной службе, он принимал участие в войне с Речью Посполитой (1654–1667) и Швецией (1656–1657), был несколько раз ранен. За свою службу В. Брюс был пожалован поместьями и в 1658 г. произведен в чин полковника. Он скончался в 1680 г., честно и преданно прослужив новой Родине более тридцати лет.

По документам следует, что Вилим Брюс прибыл в Россию без жены, известные нам дети появились спустя два десятилетия после его приезда — Роман[7] (в 1668 г.) и Яков (в 1669 г.). Из этого следует, что он женился в России, однако кем была его супруга — неизвестно.

Однако есть и другая версия появления Брюсов в России. Известный мемуарист первой половины XVIII в. и выходец из прусской ветви рода Питер Генри Брюс, основываясь на семейных преданиях, рассказывает историю иначе. Братья Джеймс (Яков) и Джон (Иоанн) Брюсы, спасаясь от английской революции, решили попытать счастья за границей. Они договорились пересечь Балтику на корабле, отплывающем из эдинбургского порта Лит. Но в дело вмешался нелепый случай. Владельцами двух кораблей в порту оказались однофамильцы, причем оба корабля отплывали в страны с весьма похожими

Герб рода графа Брюса

названиями. В то время как семья Джеймса уже садилась на корабль, идущий в Архангельск, Джон со своими домочадцами ступил на борт парусника, отправлявшегося в Кенигсберг. Поскольку *Russia* — Россия и *Prussia* — Пруссия по-английски звучат практически одинаково, в результате этого досадного казуса обе семьи разъехались в разные страны, а братья больше никогда не виделись[8].

Канадский исследователь В. Босс полагает, что Джеймс Брюс действительно скончался в 1680 г., а его сын Вильям, родившийся в Шотландии и ребенком вывезенный в Россию, будучи полковником, погиб в Азовском походе против турок в 1695 г.[9]

Интересно, что и современники Я. В. Брюса косвенно подтверждают версию Босса. Так, например, известный мемуарист Христофор-Генрих Манштейн, в продолжение нескольких царствований после кончины Петра I служивший в русской армии, упоминает о «Брюсе, шотландце по происхождению, дед которого приехал в Россию после несчастной кончины Карла I»[10]. Однако, к сожалению, до настоящего времени полной ясности в вопросе о появлении рода Брюсов в России нет.

В 17-летнем возрасте в 1686 г. Я. В. Брюс поступил на службу корнетом (прапорщиком) в кавалерию.

В 1687 и 1689 гг. он, уже в чине поручика, участвовал в Крымских походах князя В. Голицына — фаворита тогдашней правительницы России царевны Софьи Алексеевны (старшей сводной сестры Петра I).

В 1692 г. Брюс назначен в Белгородский полк под командой боярина и воеводы Б. П. Шереметева, а в 1693 г. пожалован в капитаны кавалерии. Вероятно, летом 1693 г. Брюс выехал вместе с Петром I в Архангельск и участвовал там в строительстве заложенных царем Адмиралтейства Новодвинской крепости и первого корабля «Святой Павел».

В 1694 г. Брюс женился на Марфе Андреевне (Маргарите) (1675–1728), дочери генерал-поручика от кавалерии на русской службе, эстляндца по происхождению Генриха (Андрея) Цеге фон Мантейфеля. От этого брака родились две дочери, умершие во младенчестве: Маргарита (02.1698–03.1698) и Наталья (1708–?).

В начале января 1695 г. Я. В. Брюс получил чин майора, а во время Азовского похода — чин подполковника, а затем полковника[11]. После двухмесячной осады Азова по результатам замеров генерал-майора фон Менгдена Брюс составил подробную географическую карту от Москвы до Черного моря, отпечатанную в Голландии, в типографии Тессинга.

В марте 1697 г. Петр I с Великим посольством отправился в путешествие по странам Западной Европы. В огромной свите московского государя среди приближенных к нему людей неизменно находился Брюс. Достигнув основной цели своей поездки — Голландии, Петр I через некоторое время отправился изучать передовое корабельное дело в Англию, взяв с собой наиболее доверенных лиц, среди которых вновь оказался и Я. В. Брюс.

Есть основание предполагать, что Брюс способствовал формированию и развитию научных интересов Петра I. Кроме того, он говорил по-английски, по-немецки, по-голландски. Это в сочетании с ясным пониманием нужд России отводило Брюсу роль одного из ближайших помощников русского государя. Ему поручено приобретение математических и астрономических приборов, книг по навигации, кораблестроению, артиллерии, фортификации и другим отраслям знаний, подбор и наем на службу в Россию специалистов и мастеровых.

Покидая Англию, царь оставил там Брюса для совершенствования в науках. Перед отъездом царь заплатил Джону Колсону 48 гиней «за обучение Якова Брюса в течение шести месяцев как обусловлено контрактом, включая кров и пропитание»[12]. Кроме того, 50 гиней Брюс получил на приобретение приборов и книг, и еще столько же было выплачено за кипарисовую яхту для него же. В то время это составляло огромную сумму!

Находясь в Англии, Я. В. Брюс приобщился к самому передовому уровню европейской науки. Он познакомился с разработанными И. Ньютоном научными основами мироздания, бывшими обобщением исследований как его предшественников, так и самого великого ученого. Без преувеличения можно сказать, что Я. В. Брюс был первым человеком в России, который понял огромное значение научных трудов по математике, физике, астрономии и оптике.

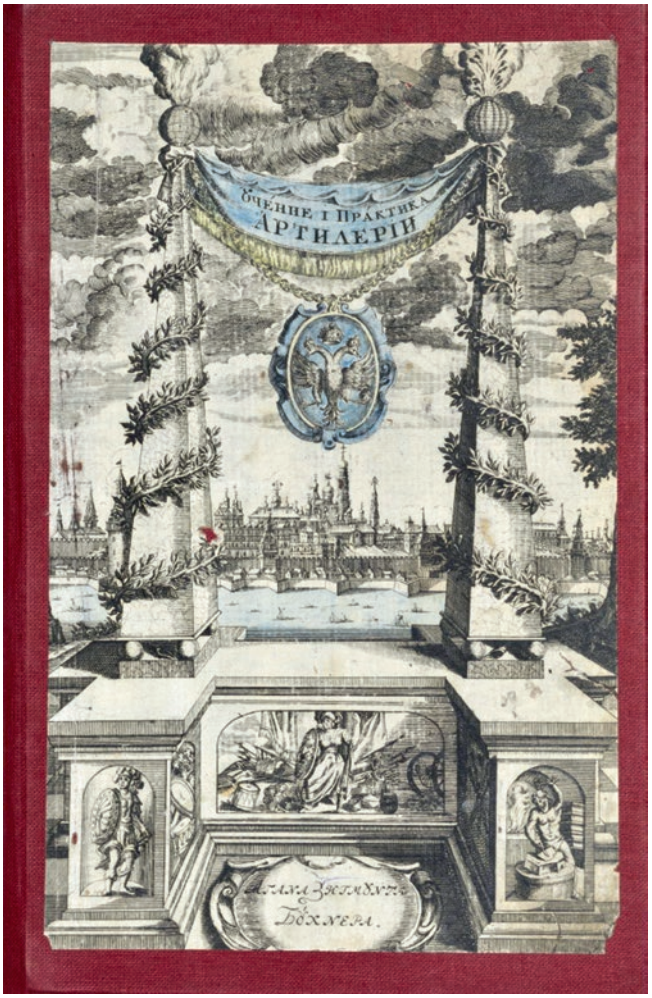
В 1981 г. в английских архивах была обнаружена рукопись Я. В. Брюса «Теория движения планет», датированная 1698 г. «*Таким образом, Россия далеко опередила страны Восточной Европы по распространению учения Ньютона. Это позволяет сделать важный вывод о том, что фактическое проникновение идей Ньютона в Россию следует отнести на четверть века раньше, чем была Санкт-Петербургская Академия наук*»[13], — писал опубликовавший рукопись канадский профессор В. Босс.

Благодаря таланту, огромной работоспособности и постоянному самоусовершенствованию в науках Я. В. Брюс стал одним, а возможно, и самым просвещенным из людей Петровского времени. Это был ученый-энциклопедист, поражавший современников разносторонними глубокими знаниями в самых разных областях знаний.

По возвращении из-за границы Брюс занимался подготовкой к наблюдению за солнечным затмением и, возможно, изготовил для этого зрительную трубу. Спустя краткое время он письменно разъяснял Петру I способ определения высоты Полярной звезды и определения места полюса при помощи «циркула и линеала». Я. В. Брюс перевел на русский язык книгу «Геометриа славенски землемерие...», которая стала первой книгой, напечатанной гражданским шрифтом (1708), и первым в нашей стране опубликованным учебником. Позднее он перевел труд М. Кугорна о фортификации «Новое крепостное строение...» (М., 1709, 1710) и труд И. Бухнера по артиллерийской науке «Учение и практика артилерии...» (М., 1711). Находившаяся в Москве типография печатала кроме научных и учебных книг также географические карты и календари, получившие название «Брюсовых» (поскольку Я. В. Брюс надзирал за работой типографии). Первая «Книга, именуемая Брюсовский календарь» вышла, по-видимому, в 1709 г. Под руководством Я. В. Брюса готовился к печати географический атлас, состоявший из 24 карт (1715–1716), а сам он между тем переводил знаменитый труд немецкого ученого И. Гибнера (Хюбнера) «География...» (М., 1716; СПб., 1716), составлял голландско-русский и русско-голландский лексиконы (СПб., 1717). В 1717 г. вышла из печати в переводе Я. В. Брюса книга голландского ученого Христиана Гюйгенса «Космотеорос», в которой излагалась гелиоцентрическая система великого польского ученого Николая Коперника. Эта «богопротивная» книга на многих людей в России произвела впечатление разорвавшейся бомбы[14].

Ученый-рационалист, неординарный математик, автор многих оригинальных изобретений и технических приборов Я. В. Брюс внес достойный вклад не только в российскую, но и в европейскую культуру.

Брюс вернулся в Россию, очевидно, в конце 1698 г. или в начале 1699 г. В начале следующего года при



[Бухнер И. З.] Учение и практика артиллерии. М., 1711 г.

учреждении регулярной армии он пожалован в генерал-майоры от артиллерии.

Летом 1700 г. Петр объявил войну Швеции и направил Брюса для «блокира (блокады. — *С. Е.*) и пресечения путей в Ижорскую землю». Тем временем русская армия приступила к осаде крепости Нарва. Первая осада Нарвы окончилась катастрофой. Карл XII, высадившийся в ноябре в Пернове (совр. Пярну, Эстония), форсированным маршем двинулся к осадному лагерю русских войск под Нарвой. 19 ноября он успешно атаковал вчетверо превосходящую армию противника. Отсутствие единого руководства, плохая погода, недостатки в снабжении привели к тому, что русские войска заняли пассивную, выжидательную позицию. В ночь на 20 ноября русская армия капитулировала и, сложив знамена и оружие, стала переправляться на правый берег р. Наровы. Во время переправы часть русских полков была вероломно захвачена шведами, в плен попали почти все русские генералы и значительная часть командного состава (10 генералов, 10 полковников, 6 подполковников, 7 майоров, 14 капитанов). В шведском плену оказался и генерал-фельдцейхмейстер (начальник артиллерии) русской армии и главный судья Пушкарского приказа Александр Арчилович царевич Имеретинский (Милитинский, Милитийский, Меретинский, 1674–1711) из грузинского царского рода Багратидов, сын имеретинского царя Арчила II Вахтанговича.

Сразу же после Нарвского разгрома Петр назначил Я. В. Брюса, вместо попавшего в плен боярина И. Ю. Трубецкого, управлять Новгородом и Новгородской землей. К концу года Брюс принял в свое ведение и управление часть артиллерии, которую пришлось создавать практически заново, поскольку под стенами Нарвы было потеряно, по разным данным, до 180 орудий.

В 1702–1703 гг. русская армия одержала первые победы над шведами. Я. В. Брюс участвовал в осаде и взятии крепостей Нотебурга (у истока реки Невы из Ладожского озера) и Ниеншанца. В мае 1703 г. он стал очевидцем закладки крепости Санкт-Петербург, превратившейся через несколько лет в новую столицу России и главный форпост российского влияния на Балтике.

В 1704 г. Петр I назначил Я. В. Брюса начальником всей русской артиллерии, однако звание продолжало сохраняться за царевичем Александром Арчиловичем до его смерти в финском городе Умео по дороге из шведского плена 3 февраля 1711 г.

Обширные теоретические знания, особенно в области математики, практическое знакомство с материальной частью английской артиллерии в Вуличском арсенале в Лондоне, а также длительный боевой опыт позволили Я. В. Брюсу осуществить глубокие преобразования в области артиллерии.

Одной из самых важных проблем, стоявших перед Петром I и его ближайшими сподвижниками в первые годы Северной войны (1700–1721) было обеспечение русской армии единообразным и надежным оружием. Напряженная военная обстановка требовала постоянного наращивания всех видов вооружения и прежде всего артиллерии.

Новому начальнику артиллерийского ведомства необходимо было восстановить материальную часть артиллерии, значительная часть которой была утрачена во время «Нарвской конфузии» 1700 г., а оставшаяся не отвечала современным условиям ведения войны. В кратчайшие сроки Брюс разработал единую систему измерения всех частей артиллерийских орудий, в основу которой был положен калибр орудия. Им же была разработана и введена в практику русская артиллерийская шкала и артиллерийский вес. Шкала представляла собой металлическую линейку, на которой были нарезаны диаметры каменных и чугунных ядер, соответствовавшие определенным линейным калибрам. Этот инструмент служил основной мерой не только при проектировании, но и при проверке готовых орудий и снарядов. Одновременно Я. В. Брюс ввел понятие об артиллерийском весе, при помощи которого определялись калибры орудий и снарядов. За единицу измерения был принят вес чугунного ядра диаметром в 2 английских дюйма (5,08 см). Этот вес получил наименование артиллерийского фунта, а ядро названо однофунтовым. Для разрывных полых снарядов был принят торговый вес.

Этот факт известен в отечественной историографии, но обычно его датируют 1707 г. Информация, извлеченная из писем руководителя артиллерийского ведомства, дает основание отнести не только разработку, но и применение шкалы к более раннему времени. 22 ноября 1705 г. Брюс отдает распоряжение, чтобы на Пушечном дворе «*исчисление во всяких делех употребляли и считали... футами* (т. е. фунтами. — *С. Е.*) *аглийскими; також... и в школе у Петера Грана, чтоб при учение начертания мортир и гоубицов употреблял меру аглийского фута, а каменного веса меру отставить*»[15].

Очевидно, что какой-то период существовали две меры измерения. Для создания предпосылок к единообразному изготовлению вооружения Брюс распорядился применять более совершенную систему измерения — английский фунт.

Исполняя обязанности генерал-фельдцейхмейстера[16], Я. В. Брюс вникал во все процессы производства материальной части артиллерии, неукоснительно требуя единообразия в изготовлении не только орудий и снарядов, но также лафетов, станков и даже колес к ним. Образцовые варианты их хранились в Приказе артиллерии[17].

Особое внимание Я. В. Брюс уделял производству боеприпасов. В исторической литературе достаточно подробно рассматриваются виды боеприпасов, существовавших в то время, описывается их устройство, указываются центры производства и даже количество изготовленных снарядов в год. Вопрос о качестве, как правило, не ставится. А между тем, вопрос снабжения артиллерии пригодными для стрельбы боеприпасами стоял в первые годы Северной войны не менее остро, чем во время похода под Нарву в 1700 г.

3 июля 1705 г. Брюс писал в Приказ артиллерии, что из доставленных в Полоцк 600 двухпудовых бомб только 40 оказались годными для стрельбы. В письме он отдал распоряжение об осмотре всех бомб и ядер, находившихся на Пушечном дворе в Москве, и отборе их строго по специальным меркам — кружалам[18].

22 июля Брюс опять обращает внимание дьяка Артиллерийского приказа Н. И. Павлова, что привезенные ядра к 3-, 6- и 12-фунтовым пушкам не пригодны, «по свидетельству» многие слишком маленькие, а «иные велики и в пушки не годятся». В этом же письме начальник артиллерии отдает распоряжение отобрать по чертежам и кружалам образцовые ядра, держать их в Приказе и принимать партии снарядов с заводов строго по этим образцам[19]. На железные заводы посылаются не только чертежи снарядов, но и деревянные шаблоны[20].

Брюс предъявляет жесткие требования к заводам-изготовителям. В случае отливки бомб и ядер, не соответствующих чертежу, они «взяты будут на государя безденежно»[21]. Узнав, что с частных заводов в Приказ артиллерии присылаются некачественные боеприпасы, Брюс распорядился «за артилерные припасы, которые принимаются с железных заводов Льва Кирилловича (Нарышкина. — *С. Е.*)[22] и Вахромея Меллера[23], не отписываясь ко мне, денежной дачи до указу никому не давать»[24]. Напомним, что Л. К. Нарышкин (хотя и умерший к тому времени) был дядей царя. Таким образом, Брюс не побоялся возможного конфликта с могущественным кланом родственников царя, чьи финансовые интересы могли быть ущемлены.

С не меньшими трудностями происходила доставка «скорострельных патронов» к 3-, 6- и 12-фунтовым пушкам. Особенно нуждалась армия в скорострельных пороховых зарядах к 3-фунтовым пушкам. По подсчетам Брюса, их требовалось около 10 000 единиц. Начиная с апреля 1705 г., он неоднократно отдает распоряжения о присылке зарядов. Наконец, потеряв всякую надежду получить готовые патроны, Брюс требует прислать как можно скорее 1000 аршин понитного полотна и 10 пар портняжных ножниц, чтобы приступить к изготовлению патронов на месте, в действующей армии[25].

Я. В. Брюс неоднократно вынужден был посылать в Артиллерийский приказ напоминания о проверке качества не только боеприпасов, но и всей поставляемой продукции. Он даже распорядился «*объявить подрядчикам образцовые припасы, против которых им ставить..., запечатав образцовые припасы государевой печатью и дьячиею, и беречь до моего приезду; и подрядчикам клеймить припасы своим клеймом, наипаче смотреть за веревками и за железными припасы, чтоб были сделаны прочно, а не против того образца никаких припасов не принимать; и взять у подрядчиков сказки, что им против образцов те припасы готовить, а когда ж явятся припасы ху[ды] образцом обратно, тогда им быть лишенными припасов*»[26].

Большую заботу проявлял Брюс и о хранении боеприпасов. «*Да съезди в Ладогу,* — писал он подьячему Д. Е. Козлову, — *и при себе пересмотри порох и всякую бочку переворoти, которые дно и не в низу, то повороти в верх, потому что тот порох от долгова лежания без переворачивания портится, и надобно сие чинить весною и летом, а осенью и не одного того ради сего усматривай, и в забвении не оставь не токмо ладожский, но и новгородский порох*»[27].

Получив известие, что старых солдат-караульщиков, охранявших пороховую казну, заменили новобранцами, Брюс обратился к князю Н. И. Репнину[28] с письмом: «*Доносил я милости вашей о перемене караульни солдат при артиллерии. И ныне тех солдат переменяют только ж новыми, которые зело оплошно стоят на караулах. А наипаче при пороху опасно таким людем быть, чтоб какова бедства не было. Тако ж присылаются из начальных людей иноземцы, о которых мне приказано, чтоб их не приставлять к пороховой казне. Того ради прошу милости, пожалуй изволь приказать, присылать для караулов русских начальных людей. И буде можно, чтоб с ними старых солдат присылать же*»[29].

В связи с пожаром в мае 1706 г. на Истенских и Угодских заводах значительно усложнились вопросы обеспечения боеприпасами действующей армии. Несмотря на то, что в производство снарядов,

помимо Тульских и Каширских заводов, включилась Устюжна Железнопольская, их катастрофически не хватало[30]. По распоряжению Я. В. Брюса были направлены в Ахтырку и Сумы, где хранились артиллерийские припасы, оставшиеся еще от Крымских походов 1687 и 1689 гг., два дворянина для отбора всего годного вооружения. Но особенно тщательно «по кружалам и цыркелям» требовалось отбирать боеприпасы, так как в них была острая нужда[31].

Не все просто обстояло и с изготовлением картузов и скорострельных ящиков. Вероятно, конструкция и тех и других окончательно не была отработана. Занимался этим сам Брюс, впрочем, как и многим другим.

Дьяк Н. П. Павлов неоднократно запрашивал Якова Вилимовича, каким образом делать жестяные запаянные картузы с ядрами к 12, 6 и 3-фунтовым пушкам[32].

Относительно скорострельных зарядных ящиков, в которых перевозились картузы, из переписки известно, что они были разделены на ячейки соответственно калибрам снарядов и внутри оббивались холстом. Изготовление их шло медленно. Е. П. Зыбин доносил Брюсу в августе, что ящики не готовы, потому что «делать их зело мешкотно»[33].

Следует отметить, что Брюс предпринимал немало усилий для обеспечения артиллерии необходимыми боеприпасами, но не все его распоряжения были полностью реализованы. Это была объективно трудная задача.

Материальная часть русской артиллерии создавалась и совершенствовалась в ходе Северной войны. На основании полученного опыта вносились соответствующие корректировки в ее конструкцию. В этом плане примечательно участие Я. В. Брюса в создании нового образца 3-пудовой мортиры. 14 июня 1705 г. он отдает распоряжение об отливке 3-пудовой мортиры, конструкция которой была аналогична конструкции 2-пудовой, изготовленной ранее по чертежам капитана артиллерии Я. У. Шперрейтора[34]. Станок и роспуск 3-пудовой мортиры должен был соответствовать новому образцу[35].

«*А литье нового мортира 3-х пудового,* — напоминал Я. В. Брюс дьяку Артилерийского приказа, — *о котором наперед сего чрез почту писал, прикажи его лить наскоро и таковым образцом, каков по чертежу капитана Шперрейтера; и чтоб к нему и станок зачали вдруг с мортиром делать таким образцом как последние новые 3-х пудовые; и вели смотреть, чтоб делали денно и ночно*»[36].

Находясь «в походе», Брюс постоянно интересовался ходом работ по отливке новой мортиры. В неоднократных распоряжениях Н. П. Павлову он требует скорейшего завершения работ и немедленной отправки мортиры со станком и роспуском в Поречье, откуда осуществлялось снабжение русской армии. Брюс даже распорядился оставить специальный струг для ее перевозки[37].

В июле капитан Я. У. Шперрейтер сделал чертеж и даже форму для отливки нового образца, но отливка не состоялась по инициативе самого автора. Шперрейтер мотивировал свой отказ тем, что у чертежа и у формы сделана острая камора, а в письме к нему Брюса от 30 июля заключалось требование отлить мортиру с «прямой каморой»[38].

Шперрейтор сделал новый чертеж мортиры, по которому пушечный мастер Семен Леонтьев отлил 3-пудовую мортиру весом 904 пуда. 25 сентября мортира вместе со станком и роспуском была отправлена в Поречье[39].

История создания одного из вариантов 3-пудовой мортиры дает основание сделать, правда, весьма рискованное, предположение, что поиском рациональной конструкции камор Брюс занялся ранее, чем предполагают историки вооружения[40].

Известны его опыты над различными формами зарядных камор, в том числе и над вариантами так называемых «бутель-камор»[41], приведшие к проекту конической каморы для гаубицы с длиной ствола в 10 калибров, т. е. удлиненной, что дало основание некоторым историкам материальной части артиллерии считать ее прообразом единорогов[42].

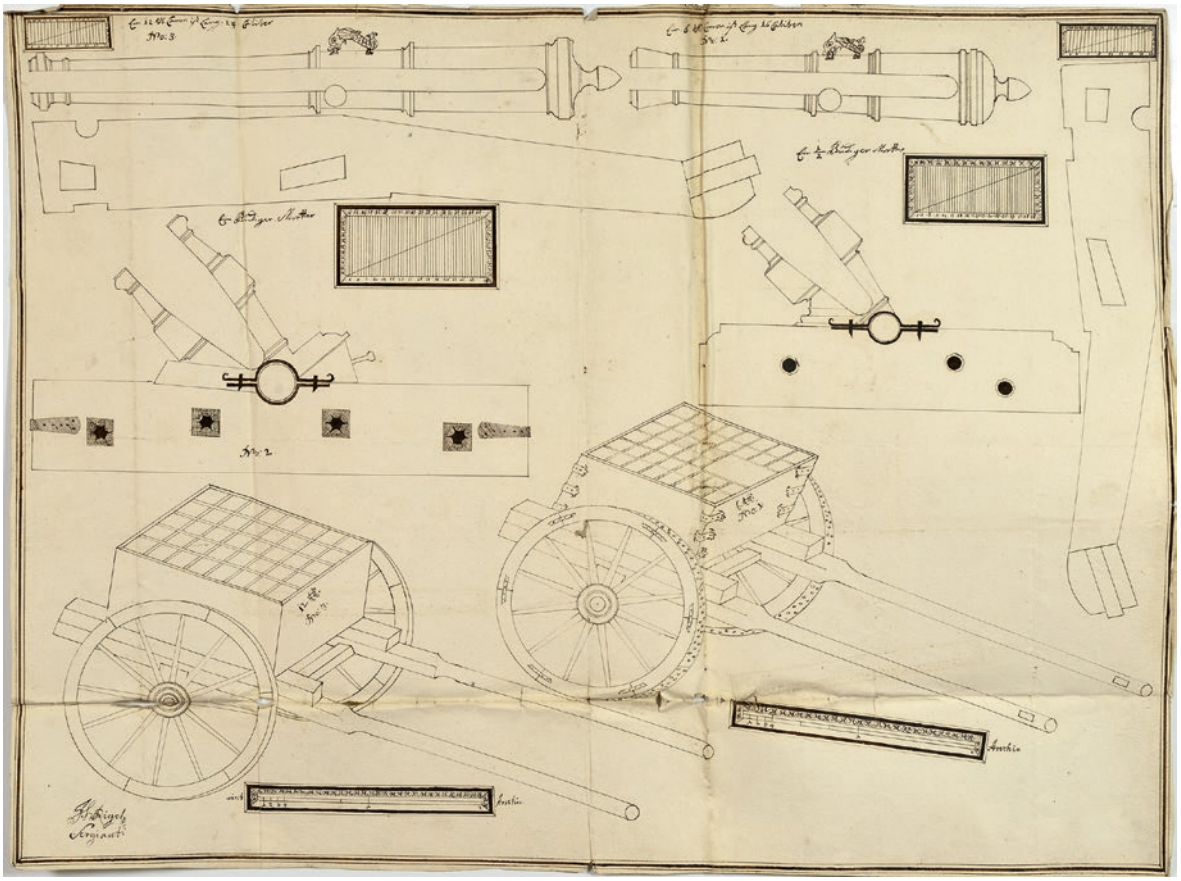
Опыты велись с целью увеличения дальности стрельбы из орудий (гаубиц и мортир), в боекомплект которых входили разрывные снаряды и картечь.

Для повышения огневой мощи пехотных и драгунских полков разрабатываются различные варианты ручных мортирок[43].

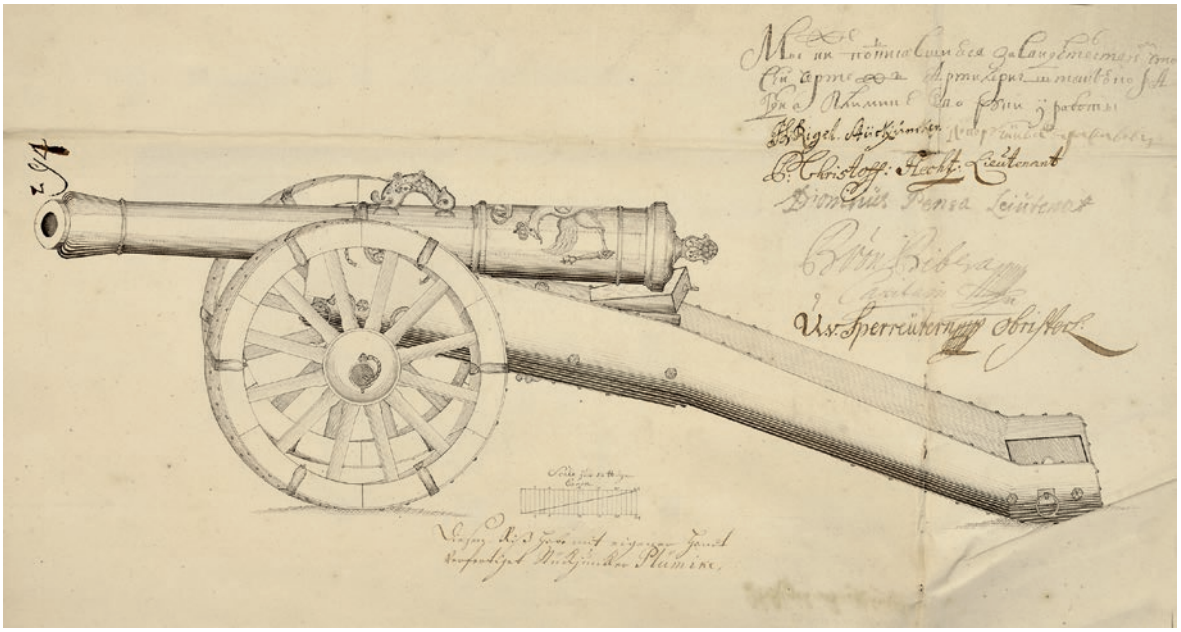
К созданию одного из образцов, а именно к 2-фунтовой бронзовой мортирке с прикладом фузейного типа, Брюс имел непосредственное отношение. При очередном посещении Пушечного двора он отдал распоряжение об отливке 2-фунтовой бронзовой мортирки, предназначенной «для бросания гранат». Позднее, находясь при армии, Брюс приказывал в письмах к Н. П. Павлову, чтобы у этой мортирки приклад был сделан как у фузей, «чтоб мочно стрелять из него (мортирца. — *С. Е.*)»[44]. 23 октября 1705 г. Павлов сообщил Я. В. Брюсу о готовности мортирки, сделанной точно по его указаниям[45].

Не все начинания Я. В. Брюса претворялись на практике в соответствии с его распоряжениями, но даже, если учесть, что многие мероприятия проводились с определенными отступлениями, они не могли не дать положительных результатов. Уже к концу 1705 г. в русской армии появились следующие типы орудий: пушки — 2-, 3-, 6-, 12-, 18- и 24-фунтовые; гаубицы — 20-фунтовые; мортиры — 9-, 3- и 2-пудовые. В начале 1705 г. на вооружение были приняты 1- и ½-пудовые мортиры[46].

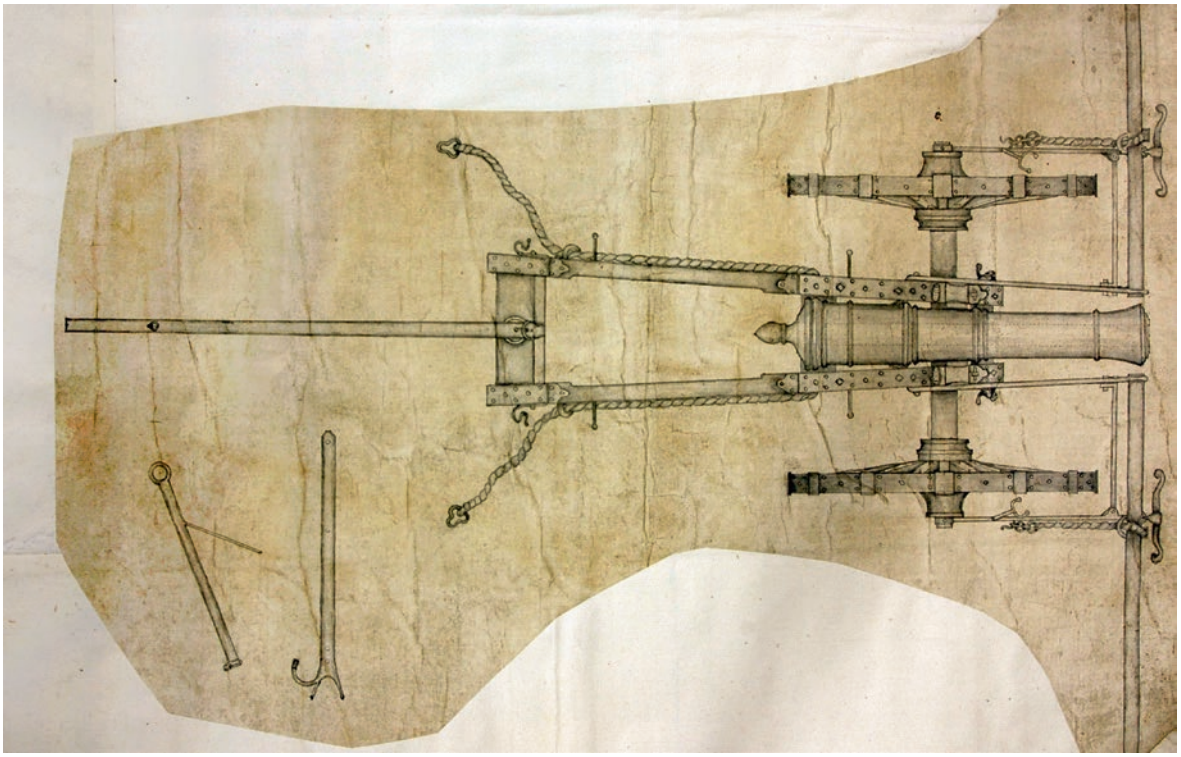
В 1706 г. шли поиски рациональной конструкции орудий и полевой артиллерии. 10 февраля Я. В. Брюс обратился с просьбой к А. Д. Меншикову[47] доложить Петру I о необходимости «вылить в запас тонким размером» шесть 12 фунтовых пушек длиною в 25 калибров и двенадцать 6-фунтовых пушек длиною в 25 калибров. Он мотивировал свою просьбу тем, что находившиеся в Гродно 12-фунтовые пушки «гораздо тяжелы», а, следовательно, неудобны для быстрой транспортировки[48].



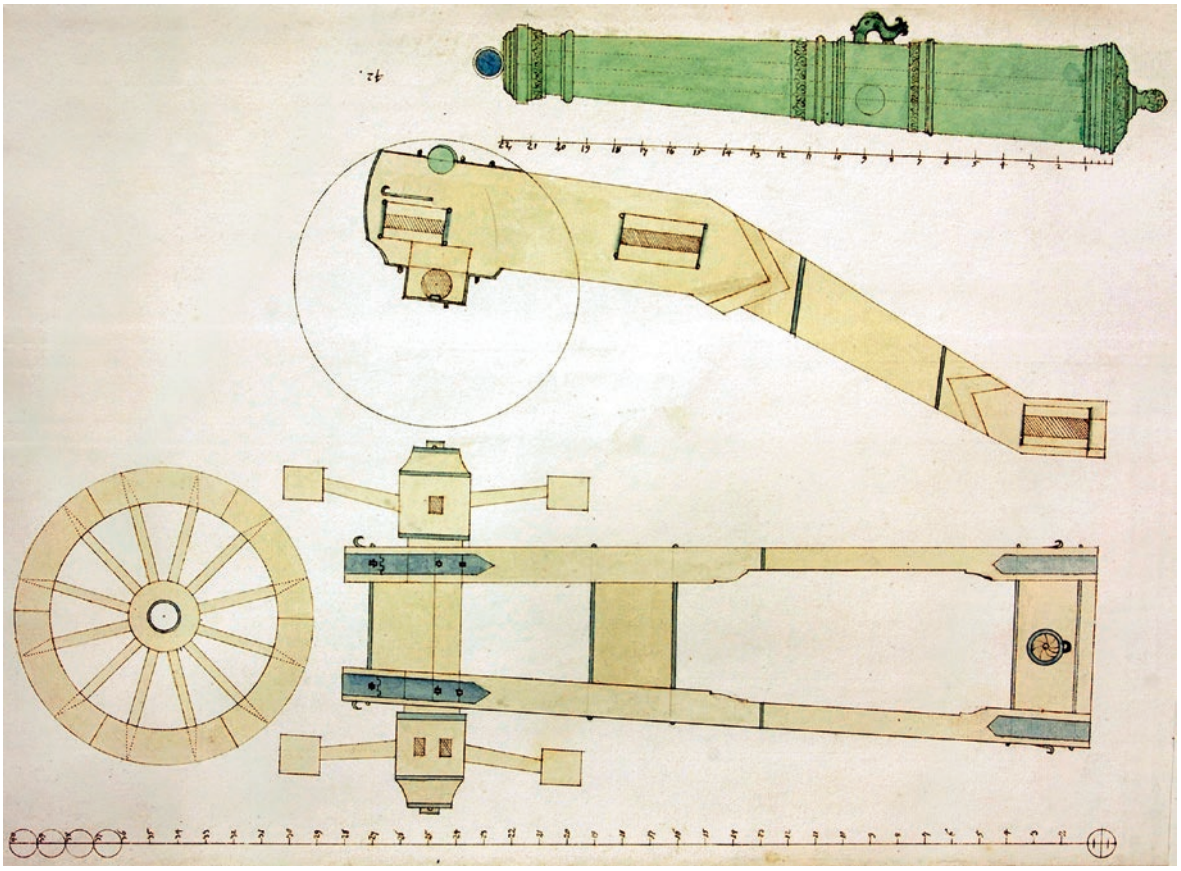
Чертеж 12-фн и 6-фн пушек с частями лафета и зарядными ящиками, 1-пуд. и ½-пуд. мортиры на станках. Россия. Первая четверть XVIII в. АВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 2. Д. 32. Л. 64



Чертеж 12-фн пушки. Россия. Первая четверть XVIII в. АВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 2. Д. 32. Л. 274



Чертеж 3-фн полевой пушки на лафете. Первое десятилетие XVIII в. АВИМАИВиВС. Ф. 27. Оп. 15. Д. 41. Л. 34



Чертеж 6-фн полевой пушки на лафете. Первое десятилетие XVIII в. АВИМАИВиВС. Ф. 27. Оп. 15. Д. 41. Л. 31

Н. П. Павлов докладывал 1 марта Брюсу, что получен указ об отливке на Московском пушечном дворе двенадцати 12-фунтовых пушек и стольких же 6-фунтовых по присланным чертежам[49].

В апреле 1706 г. одиннадцать 12-фунтовых пушек и девять 6-фунтовых «нового литья» были отправлены в Смоленск, а оттуда часть из них спустили водным путем в Киев. Вес прибывших в Киев пушек был следующим: 12-фунтовые пушки — 3 штуки по 105 пудов, две — по 102 пуда, одна — 101 пуд и еще одна — 100 пудов; 6-фунтовые пушки — 4 штуки по 61 пуду, у остальных трех — 65, 63 и 60 пудов[50].

Одновременно с улучшением конструкции пушек отрабатывалось устройство зарядных камор мортир и гаубиц. 2 июля 1706 г. последовал царский указ о литье в Киеве пяти 1-пудовых гаубиц. Отливку осуществлял мастер Киево-Печерской лавры Карп Яковлевич Златковский. Он по «уговору» (договору) должен был отлить пять гаубиц и пятьдесят трехфунтовых пушек «новой манеры». Контролировал его поручик Иван Стражин, который регулярно докладывал Я. В. Брюсу о ходе работ. Мастеру удалось благополучно отлить гаубицы, а вот 3-фунтовых пушек он смог изготовить только 34 штуки[51]. 1-пудовые гаубицы были с конической зарядной каморой, весом в 34 пуда и предназначались для «полевой походной артиллерии»[52].

В том же 1706 г. была отлита одна 2-пудовая гаубица по чертежу подполковника И. Я. Гинтера и срочно отправлена в Санкт-Петербург[53]. В августе туда же были отосланы изготовленные в спешном порядке 3-пудовые морские мортиры и гаубицы. Кроме того, по приказу Петра I следовало немедленно отправить в Петербург все готовые железные (чугунные) пушки. В том случае если готовых орудий не оказалось бы, их безотлагательно следовало отлить в количестве 100 штук и калибром в 18, 12, 8 и 6 фунтов на заводах Адмиралтейского приказа[54]. Все это говорит о подготовке петербургского гарнизона и приданных к нему частей к походу на Выборг. Заметим, в качестве отступления, что осада Выборга в 1706 г. закончилась неудачей главным образом из-за отсутствия в русском лагере тяжелой осадной артиллерии.

В начале декабря 1706 г. потребовалось срочно вооружить построенные бастионы Киево-Печерской фортеции. Сто тридцать шесть чугунных крепостных пушек (из них: шестнадцать 24-фунтовых, двадцать 18-фунтовых, пятьдесят 12-фунтовых, двадцать пять 8-фунтовых и двадцать пять 6-фунтовых) должны были быть привезены с Романовских и Сокольских заводов, также принадлежавших Адмиралтейскому приказу[55].

Одной из важных проблем, связанных с модернизацией отечественной артиллерии и стоявших перед Я. В. Брюсом, было повышение качества артиллерийских станков и лафетов. Начальник артиллерии требовал, чтобы «*к деланым станкам колесам, которые окованы в готовности, накладывать к ним клейма..., для того, что которые станки и колеса, и палубные и простые телеги в приказе в Смоленску и в Поречье явились в оковке плохи и переделывают вновь*»[56].

Занимался Я. В. Брюс и усовершенствованием конструкции лафетов, главным образом колес, потому что именно на последние было много жалоб в войсках[57]. Из переписки известно, что на Пушечном дворе в Москве сделано было более 50 так называемых «косятчетых» или «косящетых» колес[58]. Но что они из себя представляли, сказать трудно, поскольку нет их описания. В сентябре в Москву из похода было прислано три образцовых колеса к лафетам 12-, 6- и 3-фунтовых пушек. По-видимому, работы над усовершенствованием лафетов интенсивно продолжались. Так, в письме Н. П. Павлову от 31 декабря 1706 г. Брюс требовал прислать «в поход», т. е. в действующую армию, колесного мастера Томаса Боумана[59].

Многочисленные справедливые нарекания военачальников на плохое качество лафетов, станков, роспусков и артиллерийской принадлежности принуждало начальника артиллерийского ведомства обратить пристальное внимание не только на их устройство, но и качество материала, из которого они изготавливались. Брюс обстоятельно разъясняет в письме к Ф. Ю. Ромодановскому, в какое время года следует заготавливать лес для артиллерии и как его хранить[60].

Низкое качество шанцевого инструмента — лопаток, кирок, мотыг, которые являлись в то время дополнением артиллерийской принадлежности, заставляет главу артиллерии заняться и этой проблемой. Рассмотрев все предложенные виды кирок, мотыг и лопаток, Я. В. Брюс остановился на шведских образцах. Он потребовал, чтобы их образцовые варианты сделал шведский кузнец, только дополнительно для прочности на концах металлических частей «наварил уклад или сталь». 19 июля в письме к Павлову начальник артиллерии распорядился отослать их на заводы и осуществлять прием готовых изделий только по присланным из Приказа артиллерии образцам. В случае нарушения приказа дворянам, которые приняли кирки, мотыги и лопатки плохого качества, грозила потеря «чести, поместий и вотчин»[61].

Как глава артиллерии Брюс пытался навести строгую отчетность в приеме и отпуске артиллерийских припасов и установить сроки их доставки, ужесточив наказание за любое нарушение[62].

Артиллерия постоянно ощущала его требовательность во всех больших и малых делах. Брюс вникал во все «мелочи» подготовки ее к походу. Недаром он писал Павлову в конце августа: «*И впредь буде у каких присланных чертежей и у других писем будут являться знание артиллерийские, и с тех писем ведомости присылать не надлежит, понеже я известен и без того*»[63].

Большое внимание Я. В. Брюс уделял становлению и развитию артиллерийского образования в России. Еще в 1698 г. при Пушкарском приказе в Москве была основана школа «цыфири и землемерия» (то есть геометрии), где пушкарскому делу учеников

обучал мастер Иван Зерцалов[64]. Эта школа действовала под присмотром главы Пушкарского приказа дьяка А. А. Виниуса. Однако в 1699 г. она сгорела во время большого июльского пожара. В январе 1701 г. почти одновременно со Школой математических и навигацких наук была открыта возрожденная Московская пушкарская школа (Новая пушечная или Артиллерийская). Размещалась она на Новом пушечном дворе. В 1703 г. Виниус впал у царя в немилость, и школа осталась без присмотра. Кураторство над ней было передано новому начальнику Приказа артиллерии Я. В. Брюсу, немало сделавшему для закупки инструментов, приборов и учебных пособий для Математико-Навигацкой школы как за границей, так и в самой России[65]. Если в 1701 г. в ней обучалось 180 человек, то к концу 1704 г. (т. е. в первый год ее руководства Брюсом) было уже 300 учеников.

Я. В. Брюсу как главному начальнику артиллерии приходилось выполнять и ряд административных функций. Он был непосредственным начальником Приказа артиллерии — центрального органа артиллерийского управления. Приказ артиллерии стал преемником Пушкарского приказа. Указа о переименовании артиллерийского управления из Пушкарского приказа в Приказ артиллерии не обнаружено. Поэтому дата преобразования в исторической литературе приводится различная (1700, 1704 и 1708 гг.). Военный историк Н. Е. Бранденбург полагал, что образование Приказа артиллерии следует отнести к промежутку не ранее февраля и не позднее марта 1701 г.[66] Однако наиболее вероятной датой представляется 26 июня 1701 г., когда в Вседневной книге Пушкарского приказа впервые официально упоминается Приказ артиллерии[67]. Личный состав Приказа состоял из дьяков и подьячих. Подьячие разделялись на три категории — старых, средних и молодых, каждый из них возглавлял тот или иной отдел (повытье). Кроме них в распоряжении Приказа были так называемые царедворцы — стольники, дворяне, стряпчие, жильцы, которые выполняли отдельные поручения. Денежной казной ведали бурмистры, а учетом и расходом артиллерийских припасов — целовальники. До 1712 г., по-видимому, никакого постоянного штата Приказа не было, так как число его членов в разные годы было непостоянным. По штату 1712 г. было определено иметь в Приказе артиллерии одного дьяка и 24 подьячих. В ведении Приказа находились: личный состав артиллерии; артиллерийские школы; полковая, полевая и осадная артиллерия; средства тяги артиллерии; артиллерийское производство; инженеры (саперы); колокольное дело и гражданская типография. Приказ также занимался вопросами обеспечения вооружением и боеприпасами всех войск. Кроме того, в его функции входило судебное разбирательство над личным составом[68].

Несмотря на наличие помощников, Брюс как глава Приказа подробно вникал в его работу. Даже находясь в военных походах, он продолжал действенно управлять вверенным ему ведомством. Без его участия не решался ни один вопрос, который находился в компетенции приказа, вплоть до самых незначительных. Я. В. Брюсу посылались копии всех указов, отчеты о производстве вооружения, ведомости о наличии и расходе артиллерийских припасов, списки личного состава и росписи на выдачу денежного жалования и хлебного довольствия, — одним словом, все документы, требовавшие его решения.

Параллельно с Приказом артиллерии существовал еще один административный орган — Походная артиллерийская канцелярия, которая была создана при генерал-фельдцейхмейстере только на время ведения военных действий, когда он находился в походе. Первые упоминания о существовании канцелярии относятся к 1705 г. Штат ее состоял всего из трех человек: одного старого и двух молодых подьячих. До окончания Гродненской операции (1706) канцелярия упоминается под названием «Походная артиллерия в Гродне» или «Приказ воинский походной артиллерии»[69].

Таким образом, в тяжелейших условиях первых лет Северной войны Я. В. Брюс внес значительный вклад в повышение боеспособности русской артиллерии, а, следовательно, и всей русской армии перед лицом надвигавшегося шведского нашествия и суровых испытаний.

Я. В. Брюс не только создал современную на тот момент артиллерию, реформировал систему артиллерийского управления в России, но и лично участвовал в главнейших сражениях Северной войны. В 1705–1706 гг. он принимал участие в так называемом «польском походе».

В июле 1706 г. Брюсу был пожалован чин генерал-лейтенанта. Осенью того же года военные действия развернулись на территории Южной и Юго-Западной Польши, куда из Киева выдвинулись русские войска под командованием А. Д. Меншикова.

В окрестностях Калиша на квартирах стояли шведские войска под командованием шведского генерала А.-А. Мардефельда. На них-то и намеревался напасть Меншиков, еще не зная, что король Август II заключил перемирие с Карлом XII, согласился разорвать союз с Россией, отказаться от польской короны в пользу Станислава Лещинского и выплатить шведам огромную контрибуцию. Сепаратный мирный договор был заключен между Карлом и Августом в Альтранштадте 25 сентября 1706 г. и содержался в глубочайшей тайне от русского государя[70].

Когда Меншиков сообщил Августу II о своем намерении атаковать шведов, положение последнего стало крайне щекотливым: с одной стороны, он боялся сразиться с Мардефельдом, зная, что прогневает Карла XII, чьи войска стояли в его собственной вотчине — Саксонии, с другой — опасался открыто объявить о своей измене Петру I. После долгих колебаний Август решился на последнее средство. Он дважды посылал к А.-А. Мардефельду с извещением о заключении мира со шведами и советовал им заблаговременно отступить. Шведский генерал, не имея никаких распоряжений от Карла XII, не поверил Августу, тем более, что русско-польско-саксонская

конница теснила его со всех сторон[71]. Тогда Август II, принуждаемый к решительным действиям Меншиковым, согласился атаковать шведов.

Известно, что Я. В. Брюс участвовал в Калишской баталии. Об этом он лично сообщает в росписи своих «служб»: «*Был на баталии в Польше под Калишем с генералом князем Меншиковым против шведских войск, которыя были под командою шведского генерала Марденфельта*»[72]. Скорее всего, он командовал артиллерией. По мнению одного из биографов Брюса, именно благодаря артиллерийскому огню удалось с минимальными потерями преодолеть сопротивление шведов, построившихся в ходе сражения в каре[73].

В награду за Калишскую победу Брюс был награжден нагрудным портретом Петра I, усыпанном брильянтами ценою в 1000 рублей. Король Август II наградил его высшим польским орденом — Белого Орла[74].

Известно, что Я. В. Брюс принимал непосредственное участие в сражении при Лесной. В уже упоминавшейся собственноручной записке («Службы генерала-фельдцейхмейстера Брюса»), составленной в 1721 г., он записал следующее: «*1708. Был под Лесным на левенгоуптской баталии и командовал левым крылом*». Петр I высоко оценил заслуги начальника артиллерии и пожаловал ему крупную вотчину — Брянские слободы, состоящую из 219 дворов, с 903 четвертями земли и 286 рублями годового дохода[75].

Однако победа русских войск в баталии при Лесной еще не означала перелома в войне со шведами. Летом 1709 г. противоборствующие армии сошлись у маленького украинского городка Полтавы.

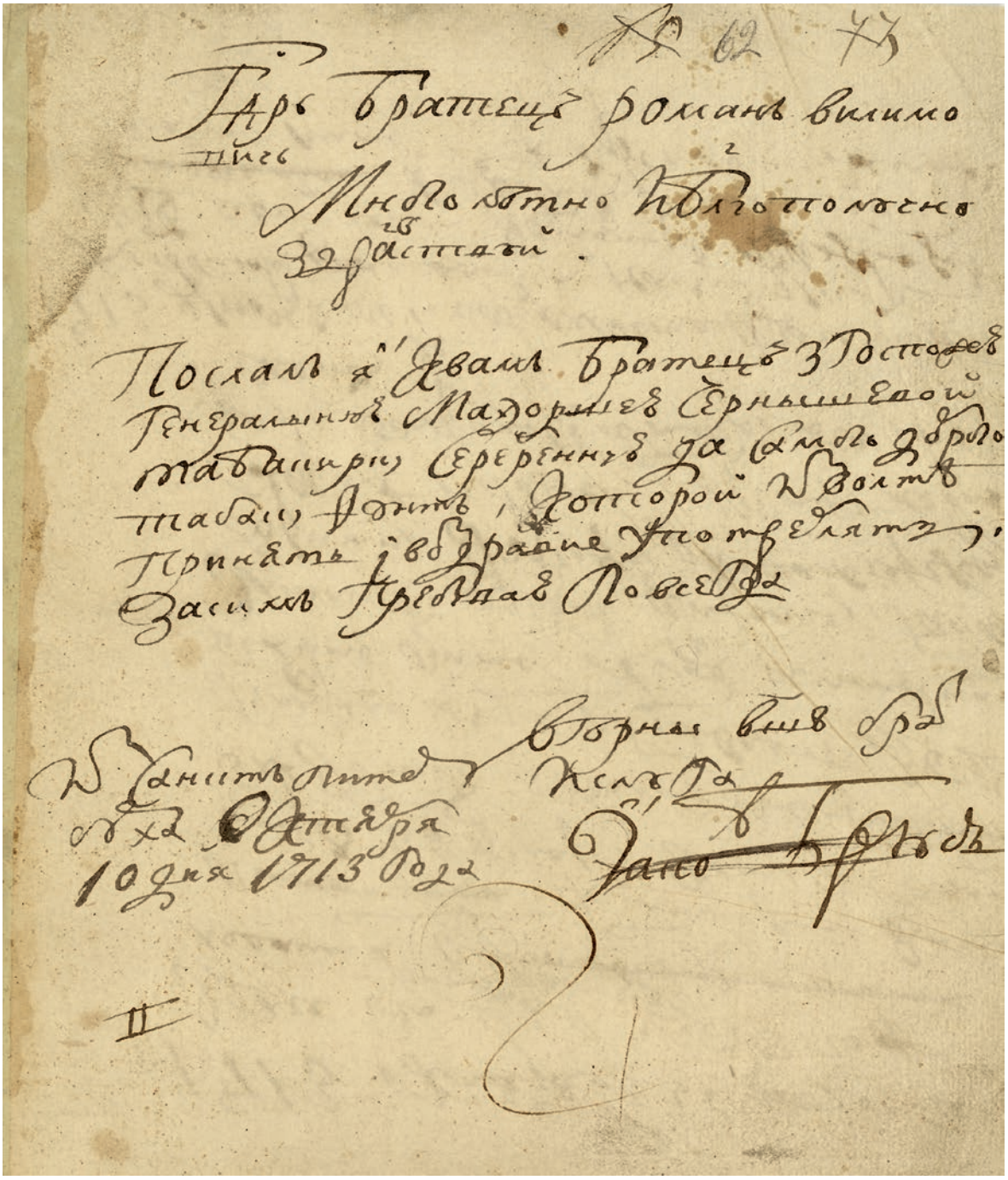
В главном сражении Северной войны — Полтавской баталии (27 июня 1709 г.) Яков Брюс, «*командуя исходною русскою артиллерию, состоявшею из 72-х орудий сначала поражал шведов перекрестным огнем с батарей на редутах, потом выстроился в первой линии армии, впереди редутов, с ней двинулся вперед, громил неприятельский фронт почти в упор*»[76]. Во время переломного этапа битвы была реальная угроза, что штыковой удар шведов, который не выдерживала ни одна армия в Европе, сметет русские порядки. Однако, шестьдесят восемь русских полковых пушек, поставленных по три ряда в интервалах между батальонами, а также орудия конной артиллерии и переносные мортирцы встретили шведов огненным валом. На дистанции 800–300 метров шведов расстреливали ядрами, на расстоянии в 300–200 метров в дело шла картечь, а затем мушкетный огонь. Расчеты трехфунтовых орудий могли выстрелить в минуту 1 ядро или до 2,5 выстрела картечью. С таким артиллерийским обстрелом шведская армия впервые столкнулась за все годы Северной войны. Только 3-фунтовых ядер по неприятелю было выпущено 2795 и, кроме того, 2206 3-фунтовых зарядов картечи. Летящие со скоростью 200–250 метров в секунду ядра и бомбы пробивали огромные бреши в наступающих шведских батальонах. Картечь (иногда ее называли «сеченое железо» или

Портрет Я. В. Брюса. Гравюра М. Бернигерота. После 1711 г. Под портретом надпись на немецком языке «Я[ков] Д[аниэль] Брюс, московитский генерал фельдцейхмейстер, кавалер ордена Святого Андрея и Белого Орла»

«виноградная дробь») выкашивала целые шеренги каролинов. Большинство картечных ранений оказывалось смертельным[77].

Эта битва, завершившаяся полным разгромом шведской армии, была кульминационным событием Северной войны. После Полтавского разгрома Карл XII уже не смог оправиться. В качестве награды за эту победу Брюс получил из рук Петра высший российский орден святого Андрея Первозванного. 21 декабря 1709 г. начальник русской артиллерии принял участие в триумфальном вступлении Петра в Москву в ознаменование Полтавской виктории.

В октябре 1709 г. началась осада Риги русской армией под командованием генерал-фельдмаршала Б. П. Шереметева. Взятие этой сильно укрепленной крепости требовало тщательной подготовки. 10 мая 1710 г. под Ригу прибыл с осадной артиллерией Я. В. Брюс. В своем послужном списке, позднее он записал: «*Был при добывании Риги во всю оную осаду, и многие труды... при этом были, как в делании апрош, так и в бомбардировании и прочем*»[78]. 4 июля шведский гарнизон Риги капитулировал, 12 июля вместе с русскими войсками Брюс торжественно вступил в древнюю лифляндскую столицу.



Письмо генерал-фельдцейхмейстера Брюса Я. В. от 10 октября 1713 г. из Санкт-Петербурга брату Р. В. Брюсу о посылке ему в подарок с генеральшей А. И. Чернышевой серебряной табакерки и фунта самого доброго табаку. АВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 38. Л. 105

В конце 1710 г. Турция, спровоцированная укрывшимся на ее территории (в Бендерах) Карлом XII, объявила войну России. Петр вынужден был прервать военные действия в Европе и выступить с армией в начале 1711 г. против турок. Русские силы выдвинулась в Молдавию — начался Прутский поход. Вместе с артиллерией в походе участвовал и Я. В. Брюс. 3 августа 1711 г. Петр официально утвердил Брюса в звании генерал-фельдцейхмейстера вместо скончавшегося по дороге на родину из шведского плена царевича Александра Арчиловича.

По возращении из неудачного для России Прутского похода (русская армия оказалась в западне на р. Прут, царь, высшее командование и вся армия чудом избежали плена) Брюс сопровождал Петра I в поездке за границу. Там он выполнял ряд дипломатических поручений царя. Во время зарубежных поездок Брюс стремился завязать личные контакты с видными учеными, посещал их лаборатории и библиотеки, приобретал новинки научной литературы и произведения искусства. Так, в Торгау он познакомился со знаменитым философом Лейбницем, с которым потом состоял в переписке.

Возвратившись к армии в 1712–1713 гг., Брюс командовал объединенной русской, датской и саксонской артиллерией в Померанском походе

Мастер и столяр артиллерийского полка. 1728–1732 гг.

Кузнец и плотник Артиллерийского полка. 1728–1732 гг.

к Стральзунду и Штеттину, после чего, находясь за границей, занимался вербовкой на русскую службу опытных офицеров, архитекторов, живописцев, садовников и мастеровых.

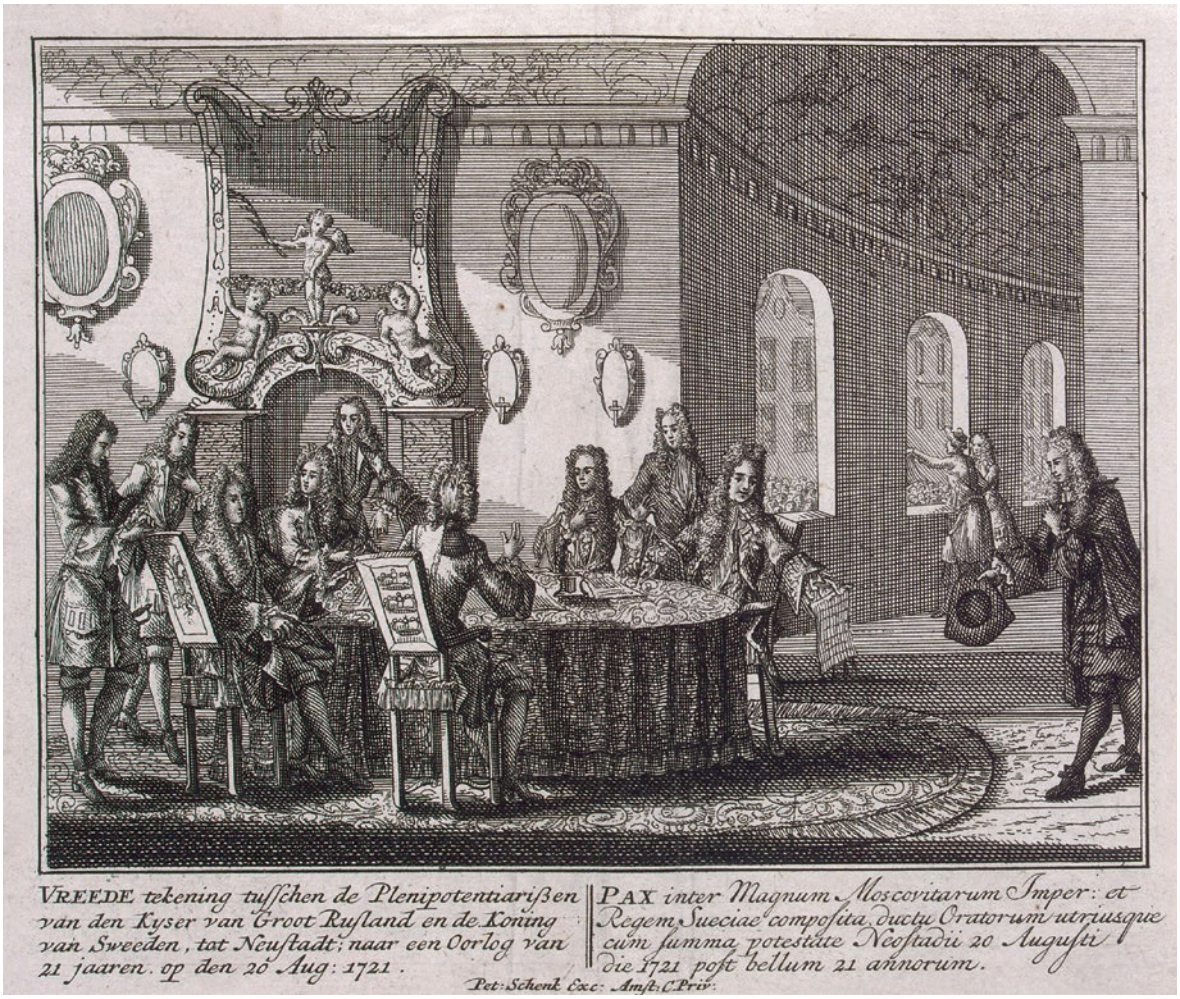
С приездом Я. В. Брюса в Санкт-Петербург его Походная канцелярия становится с 1714 г. стационарной. Тогда приказ артиллерии был разделен на две части — Московскую и Петербургскую. За первой осталось название Приказа артиллерии, вторая получила наименование Артиллерийская канцелярия. Постепенно с переводом центральных учреждений в Санкт-Петербург роль Артиллерийской канцелярии возрастает. Она становится фактически главной, а Приказ артиллерии — второстепенным административным органом. Эта система организации управления артиллерией оставалась по существу без изменений до окончания Северной войны[79].

Современники отмечали, что русская артиллерия благодаря Брюсу стала одной из лучших в Европе. «*Брюс... первый в царствование Петра I ввел хорошее основание и порядок в артиллерию, и смело можно утверждать, что русская артиллерия так хорошо устроена и ею умеют действовать так искусно, что с нею могут сравниться весьма немногие артиллерии в Европе, а превосходят ее и еще менее того*»[80], — писал мемуарист Х.-Г. Манштейн.

В 1718–1719 гг. Я. В. Брюс был главой русской делегации на Аландском, а затем, в 1721 г., Ништадтском мирных конгрессах. Он сыграл важную роль в заключении долгожданного Ништадтского мира между Россией и Швецией[81]. Благодаря дипломатическим талантам Брюса мир был заключен на крайне выгодных для России условиях.

Труды Брюса на дипломатическом поприще были щедро вознаграждены Петром Великим. Генерал-фельдцейхмейстеру были пожалованы «*в Кексгольмском уезде Сердобольской погост с мызы и деревнями двести дворов, да к тому ж в 1724 году дано в том же погосте достальных платежных и бобыльских всего тридцать девять дворов, да в 1722 году в Козельском уезде и с прежде бывшими дворцовых сел Дудино с селы и деревни ж четыреста восемьдесят четыре двора со всеми в тех погосте и селах и деревнях угодьи...*». Таким образом, награда Брюса за Ништадский мир составила 723 двора. Кроме того, он получил графский титул.

С 1717 г. Петр поручил Брюсу подготовку и назначил его президентом создаваемых Берг- и Мануфактур-коллегий и сенатором. Эту новую огромную работу Брюс совмещал с деятельностью генерал-фельдцейхмейстера. Под его руководством происходит организация этих коллегий, разработка



Русско-шведские переговоры в Ништадте. Гравюра начала XVIII в.

их структуры, комплектование штатами. С первых лет существования коллегий начинается планомерная разведка ископаемых, принимаются меры по улучшению работы казенных горнозаводских предприятий, активно поощряется частное предпринимательство. Благодаря этому развитие промышленного производства получает новый мощный толчок.

С 16 февраля 1720 г. Брюсу поручают возглавить Монетный и Денежный дворы. В сентябре того же года, осуществляя денежную реформу, подчиненный ему Монетный двор чеканит первые 7000 монет нового образца.

20 февраля 1720 г. в числе 18 высших сановников России Брюс подписал новые воинские штаты, затем участвовал в редактировании узаконенной впоследствии «Табели о рангах», одновременно занимался делами строящегося в Петербурге Охтенского порохового завода. Заметим, что он лично составил рецепт лучшего, чем у профессиональных мастеров, пороха.

23 мая 1720 г. согласно указу Петра I и в соответствии с «Уставом воинским» Я. В. Брюс был назначен генерал-директором над фортификациями и принял в свое ведение «все крепости и в них обретающихся артиллерийских служителей и артиллерии, амуницию, цейхгаузы, и прочее, что к артиллерии принадлежит»[82]. Таким образом, кроме подчиненной ему ранее полевой артиллерии в ведение генерал-фельдцейхмейстера были переданы все крепости и укрепленные города вместе с гарнизонной артиллерией.

8 января 1723 г. Брюс назначается первым членом комиссии Верховного Генерального Суда при разборе дела о преступлениях вице-канцлера П. П. Шафирова[83].

19 июля по царскому указу Я. В. Брюс принял в свое подчинение начальника горных заводов генерал-майора В. Геннина.

Благодаря своей исполнительности, эрудированности, а также равноудаленности от группировок правящей элиты Брюс пользовался большим расположением и доверием Петра Великого. 7 мая 1724 г. во время коронации императрицы Екатерины I он, по распоряжению Петра, во время торжественной церемонии нес перед императором новую императорскую корону. Супруга генерал-фельдцейхмейстера Марфа Андреевна вместе с другими знатными дамами поддерживала шлейф императрицы[84].

28 января 1725 г. после тяжелой болезни скончался Петр Великий. Сразу же после его смерти Я. В. Брюс принял участие в совещании первейших чинов империи, на котором решался вопрос

Усадьба Я. В. Брюса Глинки в Подмосковье. Современная фотография

престолонаследия, поскольку скончавшийся государь не оставил завещания. Под давлением гвардии, приведенной А. Д. Меншиковым, императрицей была провозглашена жена покойного государя Екатерина Алексеевна. Брюсу была поручена организация церемонии похорон императора, во время которой он носил титул Верховного обер-маршала Печальной комиссии[85]. Детально разработанная им церемония стала образцом для всех последующих императорских траурных ритуалов в России[86].

Важным событием в жизни Брюса стало торжественное открытие 27 декабря 1725 г. Санкт-Петербургской академии наук. По поводу этого события он писал будущему академику И.-Г. Лейтману: «*Возможно, Вашему высокоблагородию уже известно, что на третий день Рождества состоялось открытие здешней Академии, на котором, я, к сожалению, из-за своего недомогания не смог присутствовать*»[87].

После смерти Петра обстановка при дворе резко меняется. Среди различных придворных группировок обостряется борьба за власть, в которой Брюс не участвует. Хотя Екатерина I 30 августа 1725 г. награждает его незадолго до этого учрежденным орденом святого Александра Невского (как кавалера ордена Андрея Первозванного), он чувствовал, что отношение к нему меняется. Так, будучи одним из ближайших сподвижников Петра, Брюс не был включен в состав вновь образованного Верховного тайного совета, в то время как другие «птенцы гнезда Петрова» в него вошли. Вероятно, он был опасен рвавшемуся к власти и ставшему фактическим правителем империи князю А. Д. Меншикову и подыгрывавшему ему в этом вице-канцлеру А. И. Остерману. Брюс был опасен временщикам своим большим влиянием в придворных кругах, огромными заслугами перед Россией; своей государственной мудростью и дальновидностью. Вскоре после создания Верховного тайного совета он подал прошение об отставке.

По просьбе Брюса Екатерина I специальной жалованной грамотой от 31 марта 1726 г., перечисляя «многие к нам и Российской империи верные и усердно-радетельные его службы», подтвердила права на жалованные ему поместья и графский титул[88]. 6 июля 1726 г. Брюс получает отставку с чином генерал-фельдмаршала.

Освободившись от государственных дел, Яков Брюс переезжает подальше от придворных интриг в Москву. Здесь 24 апреля 1727 г. он покупает у князя А. Г. Долгорукова подмосковное «сельцо Глинково с вотчинниковым двором, с хоромным и гуменным и со всяким строением... да деревню Вачутину, Кабанову, Мишукову, Громликову»[89]. Усадьба располагалась в 42 верстах от Москвы, при впадении реки Вори в Клязьму.

Новый хозяин заново планирует и отстраивает усадебный ансамбль, причем каменными постройками, что не свойственно было для того, да и для более позднего времени. Усадьба имела господский дом, парадный и хозяйственный дворы, регулярный парк с прудами[90].

Последние годы жизни Брюс провел в одиночестве: две дочери умерли в детском возрасте, а 30 апреля 1728 г. скончалась любимая жена — Марфа Андреевна. Он значительную часть времени жил в Глинках, занимаясь науками. Сюда же Брюс перевез из Петербурга астрономические инструменты и устроил здесь обсерваторию. В Глинки была перевезена и огромная по тем временам (более 1400 книг)

библиотека Брюса. Она была одной из лучших в России и содержала издания по различным отраслям знаний на различных языках[91].

Об ученых занятиях Я. В. Брюса в этот период его жизни имеются лишь отрывочные сведения, но и они свидетельствуют о широком диапазоне его научных интересов. Находящиеся в архиве Академии наук России пять писем Брюса к профессору механики и оптики Петербургской Академии наук И.-Г. Лейтману и отрывок его же письма неизвестному лицу относятся к периоду с 8 января 1726 г. по 1 февраля 1731 г. Из них мы узнаем, что в течение этих пяти лет он занимался разработкой проблем практической оптики, нахождением точных методов определения удельного веса металлов, отысканием способов очистки металла от посторонних примесей, ведением астрономических наблюдений[92].

Хранящиеся в Государственном Эрмитаже большое вогнутое металлическое зеркало для отражательного телескопа, изготовленное «собственным тщанием» Брюса в августе 1733 г., и две им же изготовленные зрительные трубы не уступают по качеству лучшим образцам приборов не только того, но и более позднего времени.

Упоминаемые в письмах Я. В. Брюса к Лейтману его опыты по определению удельного веса металлов имеют несомненную связь с тем, что он принимал в эти годы деятельное участие в работе Московского монетного двора, одним из руководителей которого был его ученик В. Н. Татищев. Для правильной постановки пробирного дела точные весы и совершенные методы определения удельного веса металлов были необходимы. Характерно, что установленный Брюсом удельный вес золота, серебра и меди почти не отличается от современных значений. Он интересовался и другими научными проблемами. Это подтверждается относящейся к 1732–1733 гг. перепиской Я. В. Брюса с Леонардом Эйлером — 25-летним профессором Петербургской Академии наук, будущим великим математиком. Из нее следует, что Брюс и в последние годы своей жизни сохранил интерес к чистой математике[93].

Следует отметить, в народном сознании память о Я. В. Брюсе сохранилась как о колдуне и чернокнижнике. Этому в немалой степени способствовали ученые занятия сподвижника Петра Великого, которые были непонятны и подозрительны для абсолютного большинства людей того времени[94]. В художественной литературе XIX–XX вв. прочно закрепилось такое же восприятие Брюса[95].

Я. В. Брюс умер 19 (30) апреля 1735 г., «*...погребение учинено с надлежащею ево рангу честию сего мая 14 дня с пушечного и из мелкого ружья стрельбою и погребли в Немецкой слободе в Старой обедне*»[96] (ныне улица Радио в Москве).

В 1929 г. при строительстве Центрального аэрогидродинамического института в Москве в старой лютеранской кирхе было обнаружено захоронение Я. В. Брюса и его жены. Останки передали в мастерскую известного антрополога М. М. Герасимова, и след их затерялся. При вскрытии склепа были также извлечены части сохранившейся одежды Брюса: шитый золотом парчовый кафтан, камзол и полуистлевший ботфорт. На кафтане была нашита звезда к ордену Андрея Первозванного. Все эти вещи отреставрированы и ныне хранятся в фондах Государственного исторического музея.

Научным наследием Брюса по ходатайству Академии наук распорядилась императрица Анна Иоанновна, приказав произвести опись и доставить в Академию библиотеку, приборы, инструменты и коллекции редких вещей, для чего потребовалось 30 подвод. «*Что ж касается до прочих мелких инструментов, которых еще обсерватории недостает, то понеже Академия наук получила... многие инструменты из пожитков покойного фельдмаршала Брюса, для того не потребно будет из других земель более выписывать*»[97].

Близко знавший Я. В. Брюса государственный деятель и историк В. Н. Татищев характеризует своего учителя и покровителя следующим образом: «*...генерал-фельдмаршал Брюс был человек елико высокого ума, острого рассуждения и твердой памяти, в науках физики и математике довольно искусный, а к пользе Российской во всех обстоятельствах ревнительный рачитель и трудолюбивый соискатель был...*» И далее, что немаловажно: «*Будучи же у государя в великой милости никого ни малейшем чим не преобидел, но всякому искал любовь и благодеяния изъявить и о страждущих великий был предстатель и помощник, но в том себя никогда не показал*» (т. е. старался помогать тайно и бескорыстно. — *С. Е.*)[98].

Яков Вилимович Брюс принадлежит к числу замечательнейших личностей своего времени не только в России. Его имя было широко известно в Европе. «*Астроном и математик, артиллерист и инженер, ботаник и минералог, сфрагист и географ, автор нескольких и переводчик многих сочинений, Я. В. Брюс бесспорно был просвещеннейшим из всех сподвижников Петра...*»[99], — так характеризовал Я. В. Брюса один из первых его биографов.

К сожалению, памятника этому великому человеку в России нет и до сего дня. Усадьба «Глинки» сохранилась, но превращена в профсоюзный санаторий. Созданный в усадьбе на общественных началах в 1980–1990-х гг. музей разорен и частично расхищен...

Память о Я. В. Брюсе живет в его бережно сохраняемой библиотеке (ныне в составе библиотеки Академии наук России), архиве (в Российском государственном архиве древних актов, архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи), а также издаваемом его эпистолярном наследии[100].

[1] Freyhold, Eckhard Philipp. Zwey wichtigc Dinge... Jakob Daniel von Brüce... St. Petersburg, [1735]. S. 37, 44; См. также: Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII в. Л., 1984. Т. 1. № 1012.

[2] Петр Великий и Москва. Каталог выставки. М., 1998. С. 145.

[3] Отдел рукописей и старопечатных книг Государственного исторического музея (далее: ГИМ). Ф. 440. Д. 567. Л. 9–11. Копия диплома на графское достоинство Я. В. Брюса.

[4] Родословная Я. В. Брюса // Исторический архив. 1996. № 5–6. С. 216, 217.

[5] Там же. С. 223. См. также: Полищук А. С. Герб графа Якова Вилимовича Брюса // Историческая генеалогия. Екатеринбург; Париж, 1995. Вып. 5. С. 31–35.

[6] Российский государственный архив древних актов (далее: РГАДА.). Ф. 137. Оп. 1. Д. 5. Л. 2. «Скаска» полковника Брюса.

[7] Брюс Роман (Роберт) Вилимович (1668–1720) — первый обер-комендант Санкт-Петербурга. Получил отличное домашнее образование, в 1683 г. был записан в царские потешные, в 1695 получил чин капитана и роту Преображенского полка. Участник Азовских походов 1695 и 1696 гг. В 1700 г. был назначен полковником одного из пехотных полков, с которым участвовал в первой осаде Нарвы. В 1702 г. находился при осаде и взятии Шлиссельбурга, в 1703 участвовал во взятии Ниеншанца и закладке Санкт-Петербурга, а 19 мая 1704 г. назначен его первым обер-комендантом. Много сделал для строительства Петербурга и защиты его от нападения шведов. Отразил троекратное нападение шведского генерала Г. И. Майделя, решившегося уничтожить город и крепость (1704 и 1705), за что был награжден чином генерал-майора. В 1706 г. участвовал в неудачной осаде г. Выборга. Осенью 1708 г. совместно с Ф. М. Апраксиным уничтожил отряд шведского генерала Г. Любекера, посланного для ведения военных действий в Ингерманландии. В 1710 г. Я. В. Брюс участвовал в осаде и взятии Выборга, за что был награжден поместьями. В сентябре 1710 г. после осады захватил Кексгольм, за что был произведен в генерал-лейтенанты. В 1719 г. был назначен членом Военной коллегии. Погребен в Петропавловской крепости близ алтаря собора Св. Апостолов Петра и Павла.

[8] Bruce P. H. Memoirs of Peter Henry Bruce, esq., a military officer in the services of Prussia, Russia, and Great Britain: Containing an account of his travels in Germany, Russia, Tartary, Tyrkey, the West-Indies... London, 1782. S. 2, 3.

[9] Boss, V. I. Newton and Russia, the Early Influence 1698-1796. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1972. S. 256.

[10] Манштейн Х.-Г. Записки о России // Перевороты и войны. История Росси и Дома Романовых. XVII–XX века. М., 1997. С. 262.

[11] ГИМ. Ф. 440. Д. 567. Л. 1, 2. Копия жалованной грамоты Я. В. Брюсу от 31 марта 1726 г.

[12] Богословский М. М. Петр I. Материалы для биографии. М., 1941. Ч. 2. С. 378.

[13] Босс В. Ньютон и Россия // Вопросы истории, естествознания техники. 1973. № 3. С. 32, 33.

[14] См. подробнее: Забелин И. Е. Библиотека и кабинет графа Я. В. Брюса // Летописи русской литературы и древности, издаваемые Н. С. Тихонравовым. М., 1859. Т. I. С. 28–62; Хлебников Л. М. «Русский Фауст» // Вопросы истории. 1965. № 12. С. 195–200; Савельева Е. А. История в жизни и трудах Я. В. Брюса // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Российской Академии наук. 1990. СПб., 1994. С. 226–240.

[15] Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее: АВИМАИВиВС). Ф. 2. Оп. 1. № 6. Л. 535 об.

[16] Ватейшвили Д. Л. Побратим Петра Великого: Жизнь и деятельность Александра Багратиони // Ватейшвили Д. Л. Грузия и европейские страны: Очерки истории взаимоотношений XIII–XIX вв. Т. 3. М., 2003. С. 516.

[17] Маковская Л. К. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XV–XVIII в. Определитель. М., 1992. С. 18.

[18] АВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6. Л. 551, 552.

[19] Там же. Л. 526 об., 533.

[20] Там же. Л. 563 об.

[21] Там же.

[22] Нарышкин Лев Кириллович (1664–1705), боярин, глава Посольского приказа, родной брат царицы Натальи Кирилловны.

[23] Меллер Вахромей (Вернер) Петрович, голландский купец, совладелец железоделательных заводов в Боровском уезде на р. Истье.

[24] АВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6. Л. 624 об.

[25] Там же. Л. 39, 644, 645, 645 об.

[26] Там же. Л. 225, 225 об.

[27] Там же. Д. 1. Л. 200.

[28] Репнин Никита (Аникита) Иванович (1668–1726), князь, поручик Потешной роты (с 1685), генерал-аншеф (с 1696), генерал-майор (с 1699), лифляндский генерал-губернатор (1710, 1719–1726), президент Военной коллегии (1724–1725), генерал-фельдмаршал (с 1724).

[29] АВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6. Л. 71.

[30] Там же. Л. 234.

[31] Там же. Л. 76, 77 об.

[32] Там же. Л. 420 об.

[33] Там же. Л. 42, 42 об.

[34] О деятельности Я. У. Шперрейтера см. подробнее: Ефимов С. В. Необыкновенный и в войске и в службе гражданской»: Шведский артиллерист Я. У. Шперрейтер в России // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Материалы международной научной конференции. СПб., 2010. Ч. 1. С. 226–248.

[35] АВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6. Л. 508.

[36] Там же. Л. 525, 526 об.

[37] Там же. Л. 508, 526, 542, 558 об.

[38] Там же. Л. 540 об.

[39] Там же. Л. 119.

[40] См., например: История отечественной артиллерии. М., 1960. Т. 1, кн. 2. С. 26.

[41] В архиве ВИМАИВиВС хранятся чертежи «бутель-камор» к которым прилагаются расчеты, как из цилиндрической каморы сделать «коносферическую», и наоборот, а также чертеж гаубицы с конической каморой (Ф. 27. Оп. 15. Д. 41. Л. 18, 20, 21, 22).

[42] АВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6. Л. 487, 494–494 об., 507–508, 525–526 об.

[43] О ручных мортирках первой четверти XVIII в. см. подробнее в кн: Маковская Л. К. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV–XVIII вв. С. 63–65.

[44] АВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6. Л. 609, 624.

[45] Там же. Л. 625.

[46] Там же. Л. 471 об., 472.

[47] Меншиков Александр Данилович (1673–1729) — сподвижник Петра Великого, виднейший государственный, политический и военный деятель эпохи. В 1702 г. назначен комендантом новозавоеванного Шлиссельбурга. С 30 ноября 1705 г. — генерал-аншеф (генерал от кавалерии), с 1706 г. — майор Преображенского полка. 13 октября 1705 г. возведен в княжеское достоинство Священной Римской империи. 30 мая 1707 г. пожалован титулом светлейшего князя Российского и герцога Ижорского, назначен петербургским генерал-губернатором. В 1706 г. совместно с Я. В. Брюсом разбил шведов в сражении при Калише, участвовал в битве при Лесной (1708). В Полтавском сражении (27 июня 1709 г.) командовал кавалерией, принудил шведскую армию к капитуляции при Переволочне. С 13 июля 1709 г. генерал-фельдмаршал. В 1712–1713 гг. командовал российским экспедиционным корпусом в Померании. С 1717 г. — сенатор, с 1719 г. — президент Военной коллегии. В 1714 г. избран членом Лондонского королевского общества (диплом об избрании подписан И. Ньютоном). С 1716 г. руководил строительством Санкт-Петербурга, Кронштадта, Петергофа, Стрельны и Ораниенбаума. В 1718 г. участвовал в суде над царевичем Алексеем. Принял деятельное участие в возведении на престол императрицы Екатерины Алексеевны после смерти Петра Великого. 30 августа 1725 г. пожалован в кавалеры ордена св. Александра Невского. С 8 февраля 1726 г. — член Верховного Тайного совета и фактический правитель Российской империи. С 13 мая 1727 г. — генералиссимус. Свое положение задумал укрепить браком своей дочери Марии с императором Петром II. В результате придворных интриг князей Долгоруких (Долгоруковых) и вице-канцлера А. И. Остермана 8 сентября 1727 г. взят под домашний арест, приговорен к лишению чинов, наград и ссылке с семьей в нижегородские деревни, замененной ссылкой в Раненбург (г. Чаплыгин, Липецкой области). 27 марта 1728 г. был приговорен к ссылке в Пустозерск, 4 апреля сослан с семьей в Березов, где построил деревянную церковь Рождества Пресвятой

Богородицы, близ которой и был похоронен. Могила А. Д. Меншикова не найдена.
[48] АВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 9 об.
[49] Там же. Л. 321.
[50] Там же. Л. 346; Д. 10. Л. 372, 372 об.
[51] Там же. Л. 377, 436.
[52] Там же. Ф. 27. Оп. 15. Д. 130.
[53] Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 367, 367 об., 445.
[54] Там же. Л. 377, 378.
[55] Там же. Л. 400, 401.
[56] Там же. Д. 6. Л. 609, 624.
[57] Там же. Л. 381.
[58] Там же. Л. 21, 22.
[59] Там же. Л. 138.
[60] Там же. Л. 186 об., 187.
[61] Там же. Л. 131.
[62] Там же. Л. 187.
[63] Там же. Л. 188, 188 об.
[64] Очерки русской культуры XVIII века. М., 1987. Ч. 2. С. 192.
[65] Струков Д. Московская Пушкарская школа // Военный сборник. М., 1892. Т. 20. С. 145.
[66] Бранденбург Н. Е. Материалы для артиллерийского управления в России. Приказ артиллерии. СПб., 1876. С. 7–8.
[67] Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 665. № 7. Л. 50. Вседневная книга Пушкарского приказа.
[68] Струков Д. П. Главное артиллерийское управление // Столетие Военного министерства. СПб., 1902. Т. VI. Ч. 1. Кн. 1. С. 34–80.
[69] Бранденбург Н. Е. Материалы. С. 55–57.
[70] Возгрин В. Е. Россия и европейские страны в годы Северной войны: История дипломатических отношений в 1697–1710 гг. Л., 1986. С. 157–170.
[71] Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1863. Т. IV. Ч. 1. С. 510–523.
[72] РГАДА. Ф. 154. Оп. 2. Д. 162. Л. 10.
[73] Филимон А. Н. Яков Брюс. М., 2003. С. 60.
[74] Freyhold E. P. Zwey wichtige Dinge... Jakob Daniel von Bruse... S. 39.
[75] Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. I. Приложение XII. С. 399.
[76] Хмыров М. Д. Главные начальники русской артиллерии: Второй генерал-фельдцейхмейстер граф Яков Вилимович Брюс (1704–1726) // Артиллерийский журнал. 1866. № 3. С. 163, 164.
[77] Колосов Е. Е. Артиллерия в Полтавском сражении // Полтава: К 250-летию Полтавского сражения. Сборник статей. М., 1959. С. 107; Артамонов В. А. Полтавское сражение. К 300-летию Полтавской победы. М., 2009. С. 568.
[78] РГАДА. Ф. 154. Оп. 2. Д. 162. Л. 11.
[79] Струков Д. П. Главное артиллерийское управление. С. 40–80; История отечественной артиллерии. Т. 1. Артиллерия русской армии эпохи феодализма. Кн. 2. Артиллерия русской армии в период укрепления абсолютизма (XVIII в.). М., 1960. С. 48.
[80] Манштейн Х.-Г. Записки о России. С. 262.
[81] См. подробнее: Фейгина С. А. Аландский конгресс. Внешняя политика России в конце Северной войны. М., 1959; Никифоров Л. А. Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадтский мир. М., 1959. С. 395–487.
[82] Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 6. № 3588.
[83] Шафиров Петр Павлович (1673–1739) — российский государственный деятель, дипломат. Переводчик в Посольском приказе (с 1691 г.), тайный секретарь там же (с 1703), подканцлер и управляющий почтами (с 1709 г.), барон (с 1710 г.), тайный советник (с 1711 г.). Вице-президент Коллегии иностранных дел (с 1717 г.), сенатор (с 1718 г.).
[84] РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 78. Д. 34742. Л. 10.
[85] Феофан Прокопович. Краткая повесть о смерти Петра Великого. СПб., 1831. С. 20; Логунова М. О. Печальные ритуалы императорской России. М., 2011. С. 85, 99.
[86] Описание порядка держанного при погребении блаженныя, высокосланыя и вечнодостойнейшия памяти всепресветлейшего державнейшего Петра Великого, императора и самодержца Всероссийского и блаженыя памяти Ея императорского высочества, государыни цесаревны Наталии Петровны. СПб., 1725.
[87] Ченакал В. Л. Письма Я. В. Брюса к Иоганну-Георгу Лейтману // Научное наследство. М., 1951. Т. 2. С. 1083–1101.
[88] ГИМ. Ф. 440. Д. 567. Л. 9–11. Копия жалованной грамоты Я. В. Брюсу от 31 марта 1726 г.
[89] РГАДА. Ф. 1250. Оп. 1. Д. 3. Л. 38. Купчая крепость Я. В. Брюса на с. Глинково.
[90] Синдеев В. В., Ерофеева А. Ф. Усадьба Глинки и ее владелец // Памятники Отечества. 1989. № 2. С. 68–75; Кайдышев С. В. Род Брюсов и памятники московского зодчества // «Мы были!» Генерал-фельдцейхмейстер Я. В. Брюс и его эпоха. Материалы Всероссийской научной конференции. СПб., 2004. Ч. I. С. 69, 70; Краснов А. А. Три дворца Я. В. Брюса // Там же. С. 71–73.
[91] Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973. С. 184–203; Библиотека Я. В. Брюса: Каталог / Составитель Е. А. Савельева. Л., 1989.
[92] Ченакал В. Л. Письма Я. В. Брюса к Иоганну-Георгу Лейтману. С. 1083–1101.
[93] Копелевич Ю. Х. Переписка Л. Эйлера и Я. В. Брюса // Историко-математические исследования. М., 1957. Вып. X. С. 95–116.
[94] Хмыров М. Д. Главные начальники русской артиллерии: Второй генерал-фельдцейхмейстер граф Яков Вилимович Брюс (1704–1726) // Артиллерийский журнал. 1866. № 4. С. 270, 271; Хлебников Л. М. «Русский Фауст». С. 195–200.
[95] Постнов О. Г. Образ Я. В. Брюса в русской литературной традиции XX столетия // «Мы были!» Ч. II. С. 103–108.
[96] РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 79. Д. 35774. Л. 53.
[97] Материалы для истории императорской Академии наук. СПб., 1886. Т. 8. С. 104; Ченакал В. Л. Очерки по истории русской астрономии. М.; Л., 1951. С. 78.
[98] Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 88.
[99] Хмыров М. Д. Главные начальники русской артиллерии. С. 272.
[100] Архив генерал-фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюса. Т. 1. Письма Я. В. Брюса (1704–1705 гг.) // Публ. подг. С. В. Ефимовым и Л. К. Маковской. СПб.; Щелково, 2004; Т. 2. Письма Я. В. Брюса (1706 г.) СПб.; Щелково, 2005; Т. 3. Письма Я. В. Брюса (1707 г.) СПб.; Щелково, 2006; Т. 4. Письма Я. В. Брюса (1708 г.) СПб.; Щелково, 2008.

Т. Н. Ильина

Братья пруссаки. Из истории награждений

«Нет на земле памяти о сделанном благодеянии.
Европа давно забыла то, что мы для нее сделали.
Не обеспечены мы и теперь
от нашествия двунадесяти языков.
Земли наших соседей переполнены народом;
им тесно, мы вновь можем оказаться
под ударами вооруженной Европы»
А. Зайончковский. 1913 г.

ПОСЛЕ ПОБЕДЫ НАД НАПОЛЕОНОМ император Александр I награждал российскими орденами союзников — отличившихся в боях чинов прусской и австрийской армии. Так, 26 марта 1819 г. казначей Российских орденов генерал-майор Крыжановский получил указание из управления Его Величества: прислать грамоты для австрийской службы генералов: генерал-фельдмаршалу князю Шварценбергу — на ордена Святого Георгия 1 класса, Святого Андрея Первозванного, Святого Андрея Первозванного, украшенного алмазами, ему же на золотую шпагу с алмазами, лавровыми украшениями и надписью «За сражение 20 января 1814 г.» (при Бриенне); генералу от кавалерии «Гюлаю»[1] — на орден Святого Александра Невского, генералу от инфантерии графу Кленау — на орден Святого Владимира 2-й степени... Всего в списке значилось 125 человек.

Ордена Святого Апостола Андрея Первозванного фельдмаршал Шварценберг (1771–1820) был удостоен по указу Александра I от 18 августа 1813 г. за сражение при Кульме. 12 марта 1819 г. ему же за заслуги и храбрость, оказанные в 1813–1814 гг., последовали орден Святого Владимира 2-й степени, алмазные знаки ордена Святого Андрея Первозванного; за блистательную храбрость и особенные заслуги, проявленные 4–7 октября 1813 г. при Лейпциге, где он был главнокомандующим всех союзных армий, пожалован орден Святого Георгия 1-й степени[2].

21 апреля 1821 г. орденом Святого Андрея Первозванного был награжден австрийский фельдмаршал граф фон Беллегард (1757–1845), с этим орденом, согласно правилам, ему поступили знаки орденов Святого Александра Невского и Святой Анны 1-й степени[3].

В 1816 г. император повелел исключить из числа кавалеров российских орденов Наполеона Бонапарта, братьев его и Мюрата, но оставить разных французских чиновников, имеющих российские ордена — решение принято в связи с печатанием ежегодного

Император Александр I. Литография, раскрашенная акварелью. Печатано в литографии редакции Российской военной хроники (В. Дарленг). ВИМАИВиВС 1ИФ 18-466_17

календаря кавалеров российских наград[4]. Немало почетных наград предназначалось прусскому воинству.

Российские знаки отличия Военного ордена прусским союзникам

Знаками отличия Военного ордена[5] император Александр I щедро награждал нижних чинов союзной прусской армии. В одном из списков награжденных знаками отличия Военного ордена святого Георгия с 1809 г. значится немало нижних чинов прусской службы[6]. В этом списке за ними числятся кресты № 16435–16448, 19804–19805, 21311, 21313–21599, 21965–22058, 22091–22102 и другие[7].

Награждения продолжались и после окончания боевых действий. Из Управления Его Императорского Величества казначею (с 1816 г.) Капитула

Прием Наполеоном королевы Луизы в Тильзите. 1807 г. Наполеон изображен с лентой ордена св. Андрея Первозванного, Александр I — с лентой ордена Почетного Легиона. Справа от него королева Луиза и ее супруг король Пруссии Фридрих-Вильгельм III. Хромолитография в 12 красок с картины Госса. Собрание великого князя Михаила Николаевича. ВИМАИВиВС 1ИФ 1-3931

Офицер 2-го Шлезвигского гусарского полка в парадной форме. 1812 г. Художник Рихард Кнётель (1857–1914). Издательство «Max Babenzien», Патенау. Германия. 1890 г. ВИМАИВиВС 1ИФ 1-9757/40

императорских орденов генерал-майору (с 1826 — генерал-лейтенанту) М. К. Крыжановскому (1777–1839) летели предписания: «В городе Ахене 24 сентября 1818 года государь император Александр I жалует за отличие, оказанное в кампаниях 1813 и 1814 годов, нижним чинам прусской армии 126 знаков отличия Военного ордена. Доставить»[8]. Список увеличили до 140, но среди них оказались семь человек, уже награжденных ранее. Важно было не допустить путаницы в списках, которые вел российский Капитул орденов.

Второе предписание от того же числа требовало доставить еще 14 знаков отличия Военного ордена, которыми Александр Павлович наградил пять сержантов и девять волонтеров прусского отряда подполковника Коломбо, отличившихся в кампанию 1814 г.[9]

2 ноября 1818 г. император пожаловал знак отличия Военного ордена № 37659 поручику 29-го пехотного полка прусских войск за его отличия, оказанные в прошлую войну еще в бытность унтер-офицером[10].

18 ноября того же года знак отличия Военного ордена № 37657 получил отставной фельдфебель баденской службы Либрант[11].

11 апреля 1819 г. Капитул уведомили, что знаки отличия ордена святой Анны пожалованы прусской гвардии 1-го гренадерского полка гобоисту Гебенроту и горнисту Боку и уже выданы начальником Главного штаба из числа приготовленных без номеров[12].

Министерство иностранных дел прислало в Капитул ноты прусского посланника генерала Шёлера, «заключающие в себе домогательства знаков отличия Военного ордена» для двух нижних чинов прусской службы. Унтер-офицер 2-го гусарского полка германского легиона Ламмерсдорф был награжден по удостоверению командира того полка полковника Доны за отличие в сражении 12 октября 1813 г., а пионер Григориус был назначен к награждению еще в 1813 г. за отличие при осаде Данцига. Александр I приказал выдать обоим знаки из Капитула без всяких выяснений[13].

Тот же военный агент генерал Шёлер передал пожелание прусского короля Фридриха-Вильгельма III[14] наградить состоящих в 1-м полку королевско-прусской пешей гвардии русских чинов — фельдфебеля Ивана Вавилова и унтер-офицеров Степенна Волгина и Ивана Яблокова. В ответ Александр I удостоил их знаками отличия ордена святой Анны[15].

Чины 2-го Восточно-прусского пехотного полка. 1812–1814. Художник Р.Кнётель. Издательство «Max Babenzien», Патенау. Германия. 1890 г. ВИМАИВиВС 1ИФ 1-9757/41

Король Пруссии Фридрих-Вильгельм III (1770–1840). Открытка. Е. Линденбург. Издательство Raphael Tuck & Sons «Oilette». Берлин. 1913 г. Выпущена «к 100-летнему юбилею Освободительной войны 1813 г.». Собрание великого князя Михаила Николаевича. ВИМАИВиВС 1ИФ 21/14-1

В 1823 г. в ответ на ноту генерала Шёлера о желании короля прусского, чтобы служащему в армии Его Величества поручику графу Гарденбергу выдан был новый знак отличия Военного ордена, взамен потерянного, Александр I приказал желание исполнить[16].

Генерал от инфантерии Клейст Ноллендорфский подал просьбу оставить трубачу Мерзенбургского полка Гартунгу полученный им в 1813 г. знак отличия Военного ордена без номера. Знак этот трубач обязан был снять, поскольку в российском Капитуле не оказалось никаких сведений о его награждении. Русский император 31 января 1821 г. указал знак Гартунгу оставить[17]. «В уважение к ходатайству прусского правительства» Александр I дозволил и прусскому поручику Цобелю носить знак отличия Военного ордена[18].

Награждение по наследству

В делах Капитула имелись документы от 10 октября 1814 г., поясняющие награждение прусских солдат русскими наградами по наследству. Император Александр I «согласно с желанием Его Величества Короля Прусского Высочайше повелел, чтобы знаки отличия Нашего Военного ордена, розданные нижним чинам прусской армии в течение походов 1813 и 1814 годов, были по смерти сих чинов отдаваемы другим, в оных участвовавшим, доколе состоять будут воины, которые в означенных походах находились»[19].

Капитул императорских наград скрупулезно вел и хранил списки всех награжденных российскими орденами и медалями. На 30 ноября 1821 г. в составленном по полкам списке чинов прусской армии, получивших «русский орден Георгия 5 класса» (то есть знак отличия Военного ордена), значилась 1921 фамилия получивших награды во время боевых действий и 199 фамилий чинов, получивших кресты по наследству[20]. Напротив каждой фамилии значится номер полученного креста. Нередки были случаи, когда один знак отличия переходил по наследству два, а то и три раза. Так, знак отличия Военного

Король Пруссии Фридрих-Вильгельм III. Гравюра из альбома «Прусское войско», посвященного Его Величеству Кайзеру Вильгельму. Берлин. Издательство H. J. Meidinger

ордена № 21911 в 9-м пехотном полку первоначально получил Jogann Schwandt, который умер в 1813 г. В 1819 г. этот знак получил его тезка Jogann Tornow, а уже после него, в 1820 г. — Kurth[21].

Во второй список «военных чинов королевской прусской армии, имеющих знаки Императорского Российского ордена святого Георгия 5-й степени» были включены фамилии прусских нижних чинов, получивших знаки отличия Военного ордена в 1822–1837 гг. В этом списке значилось 2758 фамилий чинов прусской армии, получивших русские Георгиевские кресты первоначально, и 780 человек, получивших кресты по наследству[22]. Из всех награжденных 59 человек были лишены знаков за различные провинности, 13 человек «убили себя». Знаки и тех, и других передавались по наследству. Любопытно отметить, что в этом списке отмечены рекорды передачи одного знака отличия по 4 и даже по 5 раз. Так, например, знак отличия Военного ордена № 21475 вручался чинам Гвардейской артиллерийской бригады четыре раза: сначала его получил бомбардир Карл Потмахл, умерший 23 декабря 1815 г. Затем знак передали лекарю Фридриху Луксу. Тот умер 22 октября 1830 г. После его смерти знак оказался у фейерверкера Иоганна Гейнке. И, наконец, после его смерти 11 июля 1834 г. знак перешел к унтер-офицеру Карлу Роттоку[23]. Знак отличия № 39974 переходил из рук в руки чинов 5-й артиллерийской бригады пять раз. 24 октября 1831 г. умер его первый владелец бомбардир Фердинанд Ланге. Уже в январе 1832 г. знак перешел к фейерверкеру Л. Стеллеру, который скончался 21 апреля 1833 г. В августе того же года его получил фельдфебель Франц Швиде. После него, в июне 1834 г. — Самуил Клаутш и, наконец, в октябре того же года — фейерверкер Вильгельм Шеффер[24].

В журнале военно-походной канцелярии Его Величества 2 декабря 1835 г. было записано, что Николай I во время пребывания в Калише «повелел, чтобы все чины королевско-прусских войск, имеющие наследственное право на получение знака отличия Военного ордена за подвиги, оказанные в войну 1813, 1814 и 1815 годов, получили этот знак на основании тех правил, по которым пожалован Его Величеством Королем Прусским Железный крест, а именно: те чины, коих наследственное право считается с 1813 года — в 1835 году; те из чинов, коих право считается с 1814 года — с 1 января 1836 года; а коих право считается с 1815 года — с 1 января 1837 года, если к тому времени сии нижние чины будут еще состоять на действительной военной службе»[25]. Но число ветеранов на действительной службе таяло. К 1836 г. из имеющих право на наследственные знаки отличия на действительной службе состояло всего 827 человек[26].

Особые знаки отличия Военного ордена были изготовлены для отставных нижних чинов прусской армии в связи с торжествами по случаю открытия памятника на Бородинском поле. В 1839 г. по докладу флигель-адъютанта короля прусского полковника Рауха император Николай I повелел изготовить и выдать отличившимся в боях 1813–1815 гг. нижним чинам королевско-прусских войск знаки отличия Военного ордена с вензелем Александра I на верхнем луче и отдельной нумерацией от 1 до 4500. В 1839 г. знаки были отправлены, но розданы только 4264. 236 крестов вернулись в Россию в распоряжение Капитула. Больше их никому не выдавали и вскоре сдали на монетный двор для переплавки[27]. Ленты для знаков отличия изготовил фабрикант Локтев.

Право передачи наград по наследству при этом прекращалось: «При отправлении сих знаков просить Прусское правительство, дабы, как вновь посылаемые знаки нашего Военного ордена, так и те, которые пожалованы были чинам Прусских войск в кампаниях 1813, 1814 и 1815 годов, и наследственно переходили от одного к другому, за уничтожением нынешнего наследственного права нынешнею раздачею знаков, были возвращаемы по смерти лиц, имеющих оные, в Капитул Российских орденов»[28].

Император Николай I. Литография, раскрашенная акварелью. Печатано в литографии редакции Российской военной хроники (В. Дарленг). ВИМАИВиВС 1ИФ 18-466/18

Императрица Александра Федоровна. Цинкография с гравюры Райт с портрета Дау 1842 г. 1900–1911. Собрание великого князя Михаила Николаевича. ВИМАИВиВС 1ИФ 1-361

На 1840 г. в «списке лиц, получивших императорские русские ордена Георгия 5 класса в Королевской прусской армии за отличие в войне 1813, 1814 и 1815 годов» значилось 4264 знака отличия Военного ордена[29].

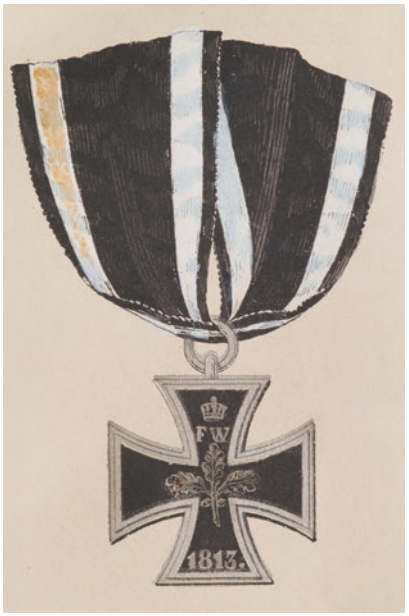
Награждение по наследству не было характерным для русской наградной системы, но все же практиковалось (по прусскому образцу).

Приведем несколько примеров. Император Николай Павлович, бывая в Берлине, не раз жаловал чинов прусской Дворцовой роты, составленной из заслуженных ветеранов войны, российскими знаками отличия ордена святой Анны: «Государь император Николай Павлович в ознаменование своего благоволения к Королевско-Прусским войскам, находившимся на смотрах в присутствии Его Величества в пределах Пруссии, соизволил пожаловать знаками отличия святой Анны для распределения оных между нижними чинами Королевско-Прусских войск. Император повелеть соизволил предоставить всем нижним чинам, находившимся в составе означенных войск во время их смотров, наследственное право на получение знаков отличия ордена святой Анны, то есть, чтобы после смерти получивших ныне сей знак, оный переходил бы к тем, кои будут еще находиться на действительной военной службе и кои на получение оного удостоены будут начальством»[30].

В 1829 г. он пожаловал чинам прусской Дворцовой роты 50 знаков, в 1835 — 35, в 1840 — 9, в 1842 — 6. Всего 100 знаков отличия ордена святой Анны[31].

В качестве ответного шага прусский король Фридрих-Вильгельм IV 1 июля 1842 г., в бытность свою в Петербурге на торжествах по случаю серебряной свадьбы императора Николая Павловича и Александры Федоровны (сестры Фридриха-Вильгельма IV), пожаловал русской роте Дворцовых гренадер 128 серебряных медалей ордена Красного Орла, отчеканенных ради этого события. Медали эти ветераны войны носили на лентах, присвоенных Железному кресту, а не участвовавшие в боях — на ленте Красного Орла[32]. Король разрешил передавать медали по наследству после смерти награжденного тем чинам роты, которые не имели прусских знаков отличия и медалей. Награждение этими медалями продолжалось все время существования роты и даже вошло как закон в положение о роте 1905 г.

Примером подобных наследственных награждений иностранными медалями можно назвать юбилейные медали, пожалованные австрийским императором Францем-Иосифом офицерам и унтер-офицерам подшефного Кексгольмского полка, которые стали собственностью полка и после ухода из полка их владельцев передавались новым заслуженным воинам[33].



Железный крест 1 и 2 классов 1813 г.* на ленте черного цвета с белой каймой для участников боевых действий. Иллюстрация из альбома C. H. Gelbke «Abbildung und Beschreibung der Ritterorden und Ehrenzeichen samtlicher Souverane Europas». Berlin, 1832. Tab. 1. № 11

Железный крест 1 и 2 классов 1813 г. на ленте белого цвета с черной каймой для тех, кто не участвовал в боях. Иллюстрация из альбома C. H. Gelbke «Abbildung und Beschreibung der Ritterorden und Ehrenzeichen samtlicher Souverane Europas». Berlin, 1832. Tab. 1. № 12

Серебряная медаль «За заслуги» ордена Красного Орла. Иллюстрация из альбома: C. H. Gelbke «Abbildung und Beschreibung der Ritterorden und Ehrenzeichen samtlicher Souverane Europas». Berlin, 1832. Tab. 1. № 23

Орден Красного Орла 3-го класса. Германия. Утвердительной грамотой от 12 июня 1792 г. король Прусский маркграф Бранденбургский Фридрих-Вильгельм II объявил орден Красного Орла вторым орденом королевского дома Гогенцоллернов после ордена Черного Орла. Указом от 18 января 1810 г. король Пруссии Фридрих-Вильгельм III установил три степени ордена и медаль «За заслуги» на ленте ордена. 18 января 1811 г. к знакам ордена 1 и 2 классов добавлено отличие — дубовые листья. ВИМАИВиВС 1ИФ 20-5241

Медаль нагрудная «В память 50-летия шефства Императора Австрийского Франца Иосифа над Л.-гв. Кексгольмским полком». Для нижнего чина. Бронза позолоченная. ВИМАИВиВС 1ИФ 20-124

* Грамота об учреждении Железного креста от 18 марта 1813 года гласила: «Знак обеих степеней один и тот же чугунный крест с серебряным ободком, с лица без всяких надписей, на обороте же имеющий вензелевое изображение имени Нашего с Короною, в середине три дубовых листа, внизу же 1813 год. Обе степени должно носить на черной ленте с белыми каймами, если пожалованы будут за заслуги, приобретенные в сражениях противу неприятеля; в противном же случае на белой ленте с черными по краям каймами, в петлице. Кавалеры первой степени сверх означенных знаков должны носить на левой стороне груди еще крест из черной финифти с белым ободком» // РГИА. Ф. 496. Оп. 3. Д. 257. Л. 44. На практике крест с булавочным креплением, учреждаемый как звезда, быстро стал знаком 1-го класса.

Рота Дворцовых гренадер 1862 г. Художник К. Пиратский, рисовал на камне П. Смирнов. Литография редакции российской военной хроники (В. Дарленг). Собрание великого князя Михаила Николаевича. ВИМАИВиВС 1ИФ 1-1686

При этом важно отметить, что в списках награжденных знаками отличия Военного ордена, хранившихся в Капитуле императорских орденов в Петербурге, частенько встречаются пометки о том, что после смерти кавалера его знак, как и положено, вернули в Капитул. Но при возвращении оказалось, что в списках знак с этим номером числится за другим человеком.

Один из редких случаев награждения, подобного наследственному, в русской армии произошел во время боевых действий. На унтер-офицера 2-го батальона 11-го Егерского полка Петра Ткаченко за храбрость, оказанную им в сражении под Полоцком 5 и 6 августа 1812 г., полковой командир возложил без разрешения на то высшего начальства знак отличия Военного ордена № 15875, принадлежавший ранее умершему рядовому Константинову. В 1824 г., разобравшись, порешали так: видно, что полковой командир находил Ткаченко достойным награды, при этом он был в то время ограничен в количестве знаков, выделенных на полк. Поэтому командир не отправил награду умершего рядового Константинова в Капитул. По заявлению полкового командира, Ткаченко остается унтер-офицером старательным, усердным, хорошего поведения. Знак отличия унтер-офицеру оставили[34].

Слева и в центре — военный орден Pour le Merite («За заслуги») с дубовыми листьями. Германия. Серебро, эмаль, позолота. 70 × 55 мм. Крест, листья — серебро 800 пр. Масса серебра в лигатуре 20,25 г (лицевая и оборотная стороны). ВИМАИВиВС 1ИФ 20/4717-17. Высшая военная награда Пруссии. Учрежден в 1740 г., с 1810 г. вручался только за военные отличия. В 1816 г. к кресту были добавлены дубовые листья. Справа — Военный орден Pour le Merite. Иллюстрация из альбома C. H. Gelbke. Берлин, 1832. Таб. 1

За отличие в боях с армией Наполеона при освобождении Пруссии король Фридрих-Вильгельм III награждал орденом Pour le Merite («За заслуги») русских генералов и офицеров. Позднее орденом Pour le Merite были награждены императоры Александр II (1869, листья в 1871), Александр III (1877), великие князья Константин Николаевич (1849), его братья Николай (1871, листья в 1877) и Михаил Николаевичи, Константин Константинович (1878), Николай Михайлович, Николай Николаевич младший. Все с гордостью и уважением носили почетную награду, что зафиксировано на многих портретах и фотографиях. Император Александр II с уважением и симпатией относился к отечеству своей матушки — императрицы Александры Федоровны, урожденной прусской принцессы Шарлотты (1798–1860), не только сам с удовольствием носил прусские награды, но и охотно жаловал русские ордена германским подданным. Во время празднования 100-летия со дня учреждения ордена Св. Георгия в 1869 г. знаки ордена высшей степени он возложил на себя и наградил высшим военным орденом любимого дядюшку — короля Вильгельма I. Прусский король был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени еще в 1814 г., к 26 ноября 1869 г. оказался старейшим Георгиевским кавалером. В ответной телеграмме Вильгельм I искренне благодарил за высокую награду и просил принять почетный прусский орден Pour le Merite[35].

Император Александр II в форме Л.-гв. Гусарского Его Величества полка. Генерал-фельдмаршал (1878).

Награды: прусский орден Pour le Merite, звезда ордена св. Георгия 1-й ст. (1869), крест ордена св. Георгия 4-й ст. (1850), крест австрийского военного ордена Марии Терезии (1875). На воротнике фельдмаршальские жезлы, на узлах плечевых шнуров вензель императора Николая I. ВИМАИВиВС 1ИФ 18-174

Высочайшее шефство

Император Александр I с 14 октября 1814 г. был шефом Прусского Гвардейского Гренадерского № 1 полка. В 1889 г. были выпущены серебряные жетоны диаметром 28 мм в честь 75-летия шефств.

Император Николай I, будучи великим князем, за три месяца до женитьбы, в апреле 1817 г., стал шефом 6-го Прусского Кирасирского полка[36]. В 1842 г. в честь 25-летия шефства он наградил свой полк серебряными медалями для ношения в петлице на Андреевской ленте, а также весь гарнизон города Бранденбурга, в состав которого входил полк, так называемыми «Kürassiertaler» из серебра диаметром 42 мм, чеканенными в Берлине К. Фишером. На лицевой стороне «кирасирталеров» погрудное изображение императора и надпись «NIKOLAUS I KAISER V. RUSSLAND». На оборотной стороне герб Бранденбурга под короной и надпись: «Zur 25-Jährigen Jubelfeeier am 15 Apr.1842 d.Chef d. 6 Kön. Br. Kürassir Reg. Kaiser Nicolaus I Garnison-Kur-u.Hptstsdt: BRANDENBURG».

В 1855 г. на похоронах Николая I присутствовала депутация Прусского кирасирского его имени полка. Александр II пожаловал офицерам депутации для ношения на груди золотые медали с изображением «с одной стороны покойного императора, с другой — дней его кончины и погребения по примеру того, как в 1842 году пожалованы были такие же медали в память 25-летия назначения его шефом полка[37]. Такие же медали Александр II пожаловал «генералу прусской службы Браушицу и флигель-адъютанту короля прусского Мюнстеру»[38].

31 мая/11 июня 1854 г. исполнилось 25 лет шефства сына императора Николая I — великого князя Александра Николаевича над 3-м Прусским Уланским полком. В Петербург прибыла депутация от подшефного полка, командир вручил наследнику цесаревичу Александру Николаевичу награду короля Пруссии — крест за 25 лет службы. В ответ членам депутации по воле императора Николая I пожаловали: офицерам — ордена и сабли с надписью «Отъ Шефа 3-го Уланскаго полка», а вахмистру Хенелю — золотую шейную медаль «За усердіе» на Андреевской ленте и серебряную, изнутри позолоченную кружку, золотые часы и богатую пеньковую трубку в серебряной оправе. Когда вахмистр Хенель умер, командир полка подполковник Мейер попросил оставить медаль в полку для передачи по выбору офицеров полка лучшему вахмистру. Император разрешил «пока таковые будут находиться в полку из поступивших на службу в течение 25 лет со времени назначения Его Высочества шефом»[39].

Офицеры и кирасир Бранденбургского Кирасирского полка. 1813 г. С 1817 г. полк носил имя императора Николая I: Kürassier-Regiment Kaiser Nikolaus I von Russland (Brandenburgisches) № 6. Художник R. Knötel. Uniformenkunde. Издательство «Max Babenzien in Rathenow». ВИМАИВиВС 1ИФ 1-9757/49

22 октября 1872 г. исполнилось 50 лет шефства принца Фридриха Карла Александра Прусского (1801–1883) над русским 6-м пехотным Либавским полком. Переписка о подготовке к празднованию шла через военного агента, который писал, что принц хочет пожаловать полку ленты на знамена, ждет депутацию от полка, а для себя хочет знак отличия беспорочной службы за 50 лет. Лица двора принца ожидают наград от русского правительства, так как ни один из трех адъютантов принца не имеет еще русских орденов. К юбилею с депутацией от полка отправили: принцу — знак отличия беспорочной службы за 50 лет и орден св. Георгия 3-й степени (четвертая степень сего ордена у него уже была с 1869 г.), адъютантам принца — ордена. Членам русской депутации были пожалованы прусские награды: офицерам — ордена, нижним чинам — медали Красного Орла.

Император Германский Король Прусский Вильгельм I, в бытность принцем Вильгельмом Прусским, 6 февраля 1818 г. был назначен шефом 5-го пехотного Калужского полка. В действительности он пожалован шефством раньше, когда вез сестру Шарлотту — невесту великого князя Николая Павловича в ее новое отечество. Принц прибыл в Москву

30 сентября, уехал за границу 14 декабря 1817 г. Полк избран потому, что с ним принц был первый раз под огнем: в сражении при Бар-Сюр-Обе водил в штыки два батальона полка. В 1843 г. в честь 25-летия шефства с поздравлениями к нему ездила депутация от полка. 6/18 февраля 1868 г. исполнилось 50 лет шефства. В Пруссию вновь прибыла депутация от подшефного полка, королю была передана награда от русского императора — знак отличия беспорочной службы за 50 лет. В ответ король вручил офицерам ордена, а нижним чинам — медали Красного Орла. От русского императора бывшему при депутации прусскому офицеру пожалован орден, а унтер-офицеру — установленную для иностранцев медаль св. Анны и 10 червонцев. 11 апреля 1868 г. Вильгельм I пожаловал 1, 2 и 3-му батальонам полка ленты на знамена.

В 1878 г. исполнялось 60 лет шефства, полк в это время сражался на фронте Русско-турецкой войны. 27 февраля 1888 г., в преддверии 70-летия шефства, Высочайше повелено было полк именовать: 5-й пехотный Калужский Императора Вильгельма I. Праздновали 70-летний юбилей шефства 19 июля 1888 г. В этот день германский император Вильгельм II в Петергофе дал полку рескрипт: дед хотел перед кончиной пожаловать знамена 4-му батальону (четвертые батальоны в армейских пехотных полках сформированы 7 апреля 1879 г.). Ленты изготовили, но пожаловать до своей кончины не успел, теперь передавал эти ленты он — Вильгельм II[40].

---

[1] Игнац Дьюлаи (Гиулай) фон Марош-Немет и Надашка (1763–1831), фельдцейхмейстер, австрийская армия.
[2] Именные Высочайшие указы капитулу Российских орденов за 1819 г. // РГИА. Ф. 496. Оп. 1. Д. 31. Л. 109–137.
[3] Именные Высочайшие указы капитулу Российских орденов за 1821 г. // РГИА. Ф. 496. Оп. 1. Д. 34. Л. 85.
[4] Именные Высочайшие указы капитулу Российских орденов за 1816 г. // РГИА. Ф. 496. Оп. 1. Д. 26. Л. 46. Награды исключенных кавалеров, вопреки правилам, в Россию не вернули.
[5] Знак отличия Военного ордена учрежден в 1807 г. для награждения нижних чинов за храбрость на поле боя. Награждение давало прибавку к жалованию, запрещение применения телесных наказаний. В 1856 г. разделен на 4 степени. С 1913 г. именуется Георгиевским крестом.
[6] РГИА. Ф. 496. Оп. 3. Д. 741. Л. 1–274.
[7] Там же. Л. 8 об.–9, 146, 203–207 об., 221, 230.
[8] Там же. Оп. 1. Д. 672. Л. 10.
[9] Там же. Л. 19.
[10] Там же. Л. 20.
[11] Там же. Л. 21.
[12] Там же. Л. 25 об., 34.
[13] Там же. Л. 41.
[14] Фридрих-Вильгельм III — старший сын короля Фридриха-Вильгельма II. С 1797 г. — король Пруссии. С 1793 г. в супружестве с принцессой Луизой фон Мекленбург-Стрелицкой. 10 марта 1813 г., в день рождения королевы Луизы, учредил Железный крест — награду за отличие в борьбе за независимость Прусского королевства.
[15] РГИА. Ф. 496. Оп. 1. Д. 672. Л. 217.
[16] Там же. Л. 220.
[17] Там же. Л. 62.
[18] Там же. Л. 203.
[19] Там же. Оп. 2. Д. 423. Л. 10.
[20] Там же. Оп. 1. Д. 877. Л. 1–62.
[21] Там же. Л. 21.
[22] Там же. Д. 883, 878.
[23] Там же. Д. 878. Л. 134.
[24] Там же. Л. 146–148.
[25] Там же. Л. 12.
[26] Там же.
[27] Спасский И. Г. Иностранные и русские ордена до 1917 года. С. 116–117; Петерс Д. И. Знак отличия Военного ордена с вензелем императора Александра I для ветеранов прусской армии. М.: Collectors book, 2005. С. 14–15.
[28] О заготовлении в 1839 г. по Высочайше утвержденному рисунку 4500 знаков отличия Военного ордена с № 1 по № 4500 для раздачи отставным нижним чинам Королевско-Прусских войск, участвовавших в войне 1813, 1814 и 1815 гг. // РГИА. Ф. 496. Оп. 2. Д. 423. Л. 1.
[29] Там же. Оп. 1. Д. 882. Л. 1–96.
[30] Там же. Д. 879. Л. 1.
[31] Там же. Л. 4–5, 49–50.
[32] Там же. Оп. 2. Д. 2263. Л. 20.
[33] Янковский Е. История Шефства Л. Гв. Кексгольмского полка и о полковых юбилейных медалях // Военно-Исторический Вестник. Ноябрь 1957. № 10. Париж: Издание Общества Любителей Русской Военной Старины. С. 18–21; Ильина Т. Н. Из музея Лейб-гвардии Кексгольмского полка. Шефские медали // Петербургский коллекционер. 2022. № 4(126). С. 71–76.
[34] РГИА. Ф. 496. Оп. 1. Д. 672. Л. 247.
[35] Пустоваров А. Награждения в день празднования столетнего юбилея ордена Св. Георгия // Петербургский коллекционер. 2010. № 3 (59). С. 43–47.
[36] Значился шефом с 15 апреля 1817 г. Послужной список // РГИА. Ф. 496. Оп. 2. Д. 525; В. Рихтер. Заметки медалиста // Военная быль. Сентябрь 1952. № 3. Париж. С. 48; Введенский Н. Г. Памятные медали Августейшего Шефа VI Прусского Кирасирского Бранденбургского полка // Материалы и исследования отдела нумизматики. LXI. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012. С. 220–224.
[37] РГИА. Ф. 496. Оп. 1. Д. 143. Л. 99.
[38] Там же. Л. 146.
[39] Там же. Д. 142. Л. 311.
[40] АВИМАИВиВС. Ф. 54. Оп. 1. Д. 3. Л. 300–301.

В. А. Шутиков

Малая пехотная лопата усиленная МПЛ-У конструкции П. А. Петухова

МАЛАЯ ПЕХОТНАЯ ЛОПАТА — важнейший элемент солдатского снаряжения. Будучи средством инженерного вооружения солдата, она служит для самоокапывания, расчистки секторов обзора и обстрела, может служить средством нападения и самозащиты в рукопашном бою.

За все время существования малой лопаты военные и гражданские изобретатели неоднократно пытались улучшить первую, классическую малую лопату капитана Линнемана. Однако, как показала история развития шанцевого инструмента, все попытки создать более легкую и экономичную в производстве малую лопату так или иначе вели к ослаблению конструкции, что делало инструмент менее прочным[1].

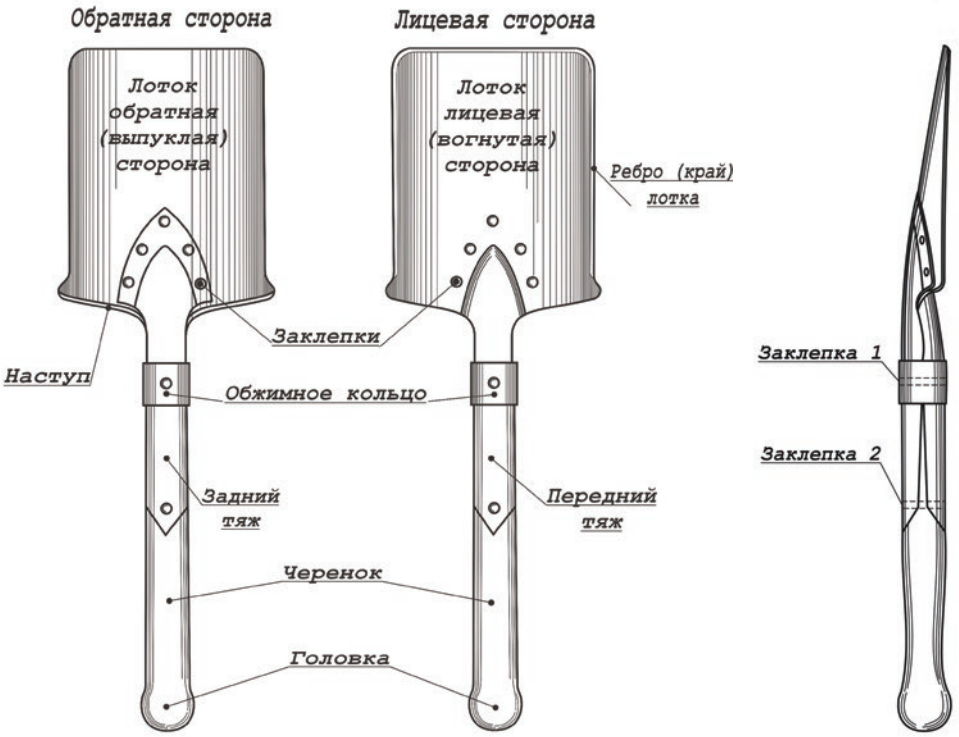
Безусловно, такие попытки улучшений зачастую были вызваны объективными причинами, например, желанием сделать элементы солдатского снаряжения более легкими, или под влиянием военного времени, когда в условиях острого дефицита металла требовалось быстро произвести большое количество пехотных лопат, и т. д.

Именно в силу экономических факторов в период Великой Отечественной войны на вооружение Красной армии была принята упрощенная цельноштампованная пехотная лопата, впоследствии отраженная в ГОСТ 2711-44. В дальнейшем этот же тип лопаты использовался в Советской армии, а впоследствии и в Вооруженных силах Российской Федерации[2].

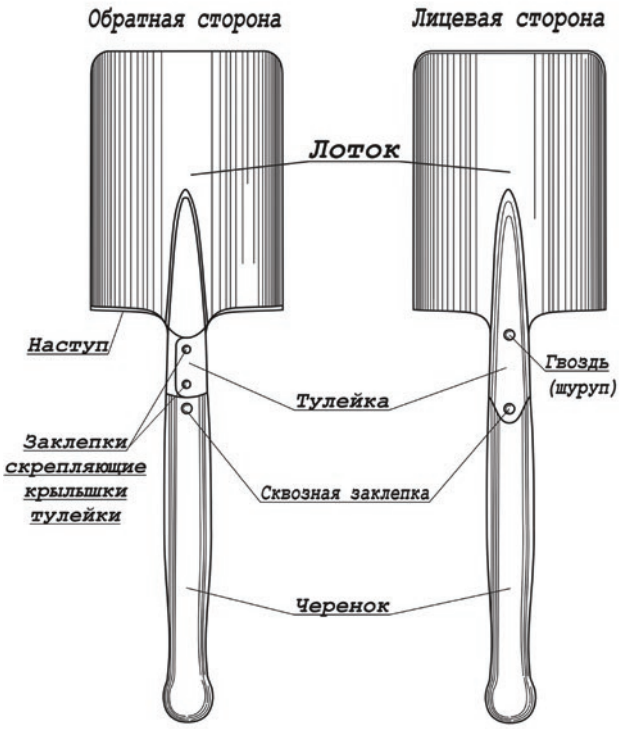
Довольно успешную попытку исправить сложившуюся ситуацию с упрощенной цельноштампованной пехотной лопатой, вернуть ей изначальную прочность при минимальных экономических затратах предпринял русский конструктор-оружейник Петр Афанасьевич Петухов. Его усовершенствованный инструмент под индексом «МПЛ-У модель 2023 г.» мы рассматриваем в данной статье в сравнении с предыдущими образцами.

Малая пехотная лопата «образца датской службы капитана фон Линнемана», введенная в полевых и резервных войсках пехоты Русской императорской армии согласно приказу по военному ведомству 1878 г. № 297 состояла из следующих частей: немного выгнутого лотка с передней частью тяжа, задней части тяжа, обжимного кольца[3], деревянного черенка, пяти заклепок, скрепляющих задний тяж с лотком, и двух сквозных заклепок, скрепляющих черенок с лопатой. Вес малой лопаты без чехла составлял 2 фунта 34 золотника[4], т. е. 965 г (с учетом допусков: в большую сторону 25 г, а в меньшую сторону 213 г).

Согласно нормам, принятым в Российской империи, все части малой лопаты изготавливались из



Части малой лопаты «образца датской службы капитана фон Линнемана»



Части малой лопаты упрощенного типа 1915–1916 гг.

лучшей листовой стали № 14–15 по английской шкале[5], а черенок — из сухого доброкачественного, прямослойного, без синевы и сучьев березового дерева (допускался также вяз и ясень)[6].

Такая конструкция классической малой лопаты, наряду с лучшими материалами, обеспечивала ее прочность и способность переносить большие нагрузки как при копании земли, так и при использовании в качестве топора.

Во время Первой мировой войны, в 1915–1916 гг., в Российской империи стали производить малые лопаты упрощенного типа, у которых отсутствовал задний тяж, заклепки и обжимное кольцо. Этот тип инструмента появился в период, когда фронт испытывал острую нужду в малых лопатах. Упрощенные лопаты[7] были проще и дешевле в производстве, но по прочности и качеству изготовления они значительно уступали лопатам классического типа. Безусловно, ослабление конструкции малой лопаты являлось нежелательным, и на него пошли как на временную меру в критической ситуации военного времени.

Так, например, мнение заведывающего инженерными приемками полковника Юшкевича по поводу лопат упрощенного типа было следующим: *«... полагаю, что тип лопаты, поставляемой г. Скидельским[8], сам по себе является исключительным, вошедшим в наши заказы в период острой нужды в малых лопатах. И так как этот тип лопаты, как не имеющий заднего тяжа, по прочности и выносливости не выдерживает никакого сравнения с установленным у нас типом лопаты и является несравнимо ослабленным, то без особой острой и крайней нужды в малых лопатах расширять снабжение армии такими лопатами не следовало бы.*

Сравнительные фотографии упрощенной и классических малых лопат. Производитель малых лопат — Павловская кустарная артель 1915–1916 гг. *На иллюстрации слева* — малые лопаты, лицевая сторона. Слева — малая лопата упрощенного типа. Справа — малые лопаты классического типа с прямым и заостренным лотками. *На иллюстрации справа* — малые лопаты, обратная сторона. Слева — малая лопата упрощенного типа. Справа — малые лопаты классического типа с прямым и заостренным лотками

Тем более не следовало бы снабжать армию лопатами того же типа, но отбракованными от прежних приемок, если не по качеству металла, то по качеству и надежности работы.

Упор лотка лопаты в виде заостренного, ничем не прикрытого конца черенка лопаты, несомненно, не может выносить длительной работы. А как только этот заостренный конец черенка износится, так лопата станет негодной к делу.

Лопаты типа, поставляемого Скидельским, по моему мнению, следовало бы в новых заказах заменять лопатами типа, установленного в инженерном ведомстве»[9].

Производство малых лопат упрощенного типа в Российской империи было прекращено в 1916 г.

В РККА за основной тип лопаты была принята лопата классического типа с прямым и острым лотком[10], которая перешла Красной армии «по наследству» от Российской империи. Эти малые лопаты были описаны в «Сборнике описаний военно-технического имущества»[11] и впоследствии — в ГОСТ В-1404–42[12].

Однако незадолго до начала Великой Отечественной войны Управление начальника инженеров РККА (УНИ РККА) предложило изготавливать цельноштампованную малую лопату с тулейкой, которая состояла из одной детали и не требовала колец, заклепок и заднего тяжа. Опытная партия таких лопат была изготовлена на заводе им. Коминтерна для испытания в полевых условиях, но результаты испытаний остались неизвестны из-за начала Великой Отечественной войны.

Весной 1942 г. заместитель народного комиссара черной металлургии СССР по боеприпасам Ф. Меркулов направил народному комиссару черной металлургии И. Тевосяну и начальнику ГВИУ генерал-майору Котляру письмо, в котором с экономической точки зрения была обоснована выгода производства цельноштампованной лопаты упрощенного типа (без заклепок на лотке, кольца и заднего тяжа).

Пройдя ряд промежуточных вариантов, окончательный тип цельноштампованной пехотной лопаты был отражен в ГОСТ 2711-44[13] «Лопаты пехотные и саперные (цельноштампованные)», и постепенно цельноштампованная пехотная лопата стала основным типом малой лопаты Красной и Советской армии, а впоследствии Вооруженных сил Российской Федерации[14].

К сожалению, данному типу цельноштампованной пехотной лопаты присущи те же недостатки ослабления конструкции, о которых еще осенью 1915 г. писал полковник Юшкевич.

Сегодня ведение боевых действий в зоне Специальной военной операции показало, что малую лопату рано списывать со счетов и что солдату по-прежнему необходим простой, удобный и надежный инструмент.

Русским конструктором-оружейником П. А. Петуховым разработана модель усиленной, стальной малой пехотной лопаты «МПЛ-У». Ниже представлен

Цельноштампованная пехотная лопата с клеймом «НШЗ 1945», изготовленная согласно ГОСТ 2711-44. Лицевая и обратная стороны. Производитель — Нейво-Шайтанский завод. 1945 г.

краткий обзор этой лопаты и отмечены ее характерные особенности.

Образец инструмента имеется в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи.

Краткое описание лопаты МПЛ-У, модель 2023 г., Петра Афанасьевича Петухова

Малая пехотная лопата усиленная (МПЛ-У) конструкции П. А. Петухова[15] может выполнять функции: лопаты, топора, ледоруба, рычага (домкрата), холодного оружия, щита от осколков и пуль. Повышенная прочность инструмента позволяет использовать его для разрушения кирпичной кладки и легкого бетона, а также для разрубания проволочных заграждений и конструкций из незакаленного металла толщиной до 3 мм.

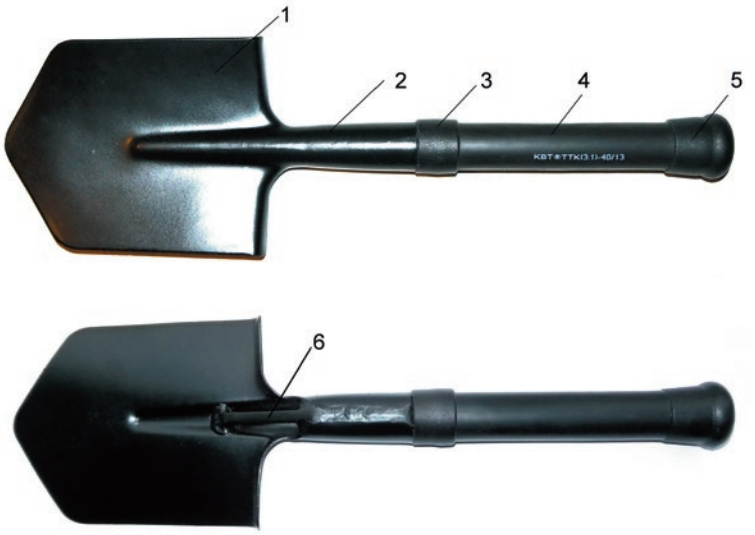
В 2023 году МПЛ-У успешно прошла оценочные испытания и рекомендована Военной инженерной академией МО РФ (НИИИ ВИА) для принятия на вооружение.

Размеры и составные части

МПЛ-У представляет собой стальную монолитную полносварную конструкцию и имеет следующие размеры и составные части.

Основные размеры

Общая длина лопаты:	510 мм
Длина лотка:	180 мм



Лопата МПЛ-У модель 2023 г. Общий вид. Лицевая и обратная стороны.
1. Лоток.
2. Тулейка.
3. Резиновое упорное кольцо.
4. Черенок.
5. Головка черенка, резиновая верхняя упорная рукоятка (набалдашник).
6. Устройство «Антиперелом»

Ширина в нижней части лотка:	144 мм
Ширина в верхней части лотка:	150 мм
Толщина лотка:	2 мм
Диаметр черенка:	35 мм
Диаметр$_{max}$ головки черенка (набалдашника):	47 мм
Вес:	1038-1050 г

Лопата окрашена. Краска: порошковая, черная, матовая, не дающая бликов, с защитными антикоррозийными свойствами.

Лоток

МПЛ-У модель 2023 года размерами соответствует ГОСТ 2711-44. Лопаты пехотные и саперные (цельноштампованные). Тулейка лопаты выполнена на сварке, что также допускается этим ГОСТом.

Исходя из приведенных данных, можно видеть, что конструктор П. А. Петухов не стал вносить никаких изменений по размерам, форме лотка и толщине стали. Это позволяет не менять имеющуюся технологию производства малых пехотных лопат, а также при необходимости использовать МПЛ-У вместе со стандартными брезентовыми армейскими чехлами, произведенными в СССР.

Заточка лотка

Руководства и наставления, изданные для СА СССР, рекомендовали затачивать рабочие нижние и боковые ребра лотка только с передней (вогнутой) стороны (заточка стамесочного типа). Ширина фаски заточки на малых пехотных лопатах составляет 3–5 мм. При этом толщина рабочего лезвия должна быть 0,2–0,5 мм[16].

Заточка лотка МПЛ-У двусторонняя, что отличается от заточки малой лопаты, принятой в СССР.

Материал лотка

Конструктором заявлено, что для изготовления лопаты использована углеродистая сталь, содержащая углерод не менее 0,32%, которая термически обработана до твердости 35... 51 HRC, пуленепробиваемая по классу 1 в соответствии с ГОСТ Р 51112-97[17]. Для цельноштампованных пехотных лопат, изготовленных по ГОСТ 2711-44, использовалась сталь марок Ст.4 и Ст.5, ГОСТ 380-41. «Сталь углеродистая горячекатаная обыкновенного и повышенного качества. Классификация и общие технические условия»[18].

Черенок

Форма черенка МПЛ-У модели 2023 г. отличается от формы стандартных деревянных черенков, изготовленных по ГОСТ 1401-47 и ГОСТ 1401-53.

Основные отличия черенка МПЛ-У модели 2023 от черенков по ГОСТ:

1. Диаметр стебля черенка одинаков по всей длине. Форма головки черенка изменена с шарообразной на конусную с закругленным верхним основанием (на конец черенка надет плотный резиновый набалдашник — упорная рукоятка). Диаметр резиновой головки набалдашника — 47 мм.

2. Черенок выполнен из стальной трубы, плотно вставленной в тулейку, и приваренной к ней электросваркой в среде защитных газов. Под набалдашником труба рукояти наглухо заварена металлическим диском. Со стороны лотка черенок остается открытым[19].

Верхний край тулейки закрыт резиновым кольцом шириной 29 мм и диаметром 39 мм. Кольцо нивелирует уступ, образованный разницей диаметров черенка и торца тулейки. Для закрытия стебля черенка применена трубка термоусадочная клеевая ТТК(3:1)-40/13 черная с коэффициентом усадки 3:1 с подавлением горения (материал — полиолефин)[20]. Это негорючий материал, с диапазоном эксплуатационных температур от –55˚ до +125˚

Внешний материал черенка позволяет работать, хотя бы и с перерывами, в холодную погоду руками без перчаток. Также этот материал является диэлектриком и позволяет рубить проволоку, находящуюся под напряжением.

Использование стали значительно улучшает прочностные характеристики черенка МПЛ-У по сравнению с деревянными черенками пехотных лопат, изготовленных по ГОСТ 2711-44.

Примечание 1

Изготовление лопаты, у которой лоток и черенок сделаны полностью из металла, уже отмечено в истории мирового шанцевого инструмента. Так, Германия в период Первой мировой войны изготавливала

Цельнометаллическая малая лопата. Германия. Период Первой мировой войны

цельнометаллические лопаты. Черенок у лопаты был полый, заваренный с двух сторон, с шарообразной головкой. По весу цельнометаллическая лопата почти не отличалась от традиционной модели немецкой лопаты М 1874.

Устройство «Антиперелом»

Отсутствие деревянного черенка в желобе с обратной стороны лотка изобретатель компенсировал установкой упора из металлического профиля квадратного сечения 8 × 8 мм и длиной 70 мм. Упор одним концом приварен к нижнему краю тулейки, а другим — к поверхности лотка примерно в 30 мм от уровня краев наступа.

Устройство «Антиперелом»[21] значительно повышает прочность МПЛ-У модель 2023 г. по сравнению с МПЛ, изготовленной по ГОСТ 2711-44, что является еще одним несомненным достоинством данного инструмента. Фактически, устройство «Антиперелом» в более экономичном и простом варианте выполняет функции, которые ранее выполнял задний тяж на лопатах клепаной конструкции царского периода и лопатах, изготовленных в СССР по ГОСТ В-1404-42 «Лопаты пехотные».

Примечание 2

Так как система «Антиперелом» значительно повышает прочность МПЛ-У, то, возможно, в связи с этим, на серийных образцах МПЛ-У имеет смысл уменьшить длину гребня с лицевой стороны лотка примерно в два раза, т. е. сделать его по длине таким, как на лопатах клепаной конструкции царского периода или лопатах, изготовленных по ГОСТ В-1404-42. Теоретически, это может дать некоторое увеличение объема грунта, поднимаемого лотком, что увеличит производительность лопаты и облегчит проникаемость ее в грунт. Однако данное предположение, безусловно, должно быть проверено на практике — оправдана ли будет некоторая потеря прочности лотка этими незначительными улучшениями и целесообразно ли это с экономической точки зрения.

Вес и прочность МПЛ-У

Авторское устройство «Антиперелом» и новые материалы значительно повышают прочность МПЛ-У. Увеличиваются возможности применения лопаты в качестве рычага (например, для извлечения камня из почвы) без риска сломать рукоять, также лопату можно использовать в качестве подставки под домкрат, небольшого ломика, щитка для защиты от пуль и осколков и т. д. Вместе с тем, увеличился вес инструмента. Так, по сравнению с НШЗ 1945 г., вес МПЛ-У модели 2023 г. увеличен на 252 г: с 786 до 1038 г. При использовании брезентового чехла производства СССР общий вес лопаты с чехлом будет примерно 1170–1200 г.

Это является недостатком с точки зрения транспортировки (переноски) лопаты солдатом. Однако с точки зрения применения инструмента как лопаты и топора — это скорее является плюсом. Вес инструмента будет помогать при врезке в глинистую и мерзлую почву, при рубке веток и небольших деревьев, в рукопашном бою рубящий удар лопатой будет более эффективным, и т. д.

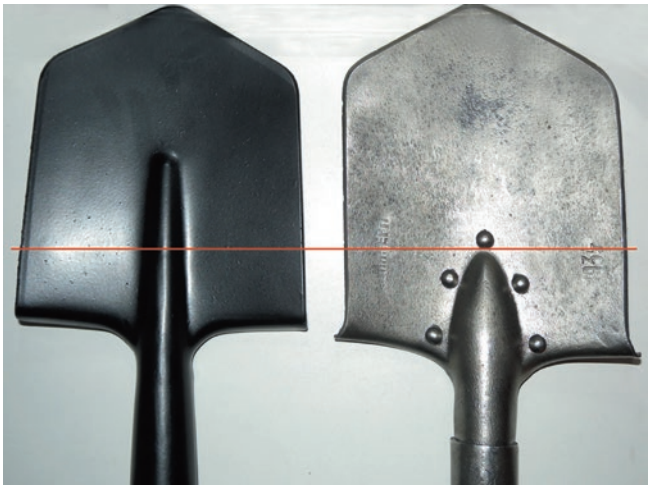
Ремонтопригодность в полевых условиях

У малой пехотной лопаты может ломаться либо рукоять, либо лоток. При изломе рукояти на цельноштампованной пехотной лопате с деревянным черенком последний заменяется достаточно просто. На МПЛ-У модель 2023 заменять черенок нет необходимости, так как сломать его практически невозможно.

При изломе лотка любая лопата становится полностью непригодной для работы. Так как лоток МПЛ-У с системой «Антиперелом» значительно прочнее лотка цельноштампованной лопаты,

МПЛ-У обр. 2023 г. (фрагмент). Вид сбоку. Запатентованное устройство «Антиперелом»

МПЛ-У обр. 2023 г. (фрагмент). Вид сверху. Запатентованное устройство «Антиперелом»



Сравнительная фотография лотков МПЛ-У 2023 г. и лопаты «КОМИНТЕРН» 1935 г. Длина гребня на лицевой стороне лотка «Коминтерна» примерно вдвое меньше

вероятность его поломки солдатом при стандартных полевых работах стремится к нулю.

Исходя из вышесказанного, можно предположить, что изобретатель не закладывал в свою конструкцию возможность полевого ремонта малой лопаты.

Примечание 3

При испытаниях прочностных характеристик лопаты П. А. Петухова помимо стандартных испытаний (рытье окопа, рубка мелколесья, рубка колючей проволоки) было проведено дополнительное испытание, которое наглядно продемонстрировало прочность инструмента. На дорогу из бетонных плит укладывали деревянную доску толщиной ≈5 см. Лоток МПЛ-У клали на бетонную плиту лицевой стороной вниз, а верхнюю часть черенка с набалдашником помещали на доску. После чего на черенок лопаты передним колесом наезжал автомобиль КАМАЗ 53501[22], который затем останавливался и неподвижно стоял на малой лопате ≈3–4 секунды. Лопата под весом автомобиля получала изгиб, но не ломалась и после испытаний была пригодна для выполнения своих функций даже в изогнутом виде. После этого инструмент переворачивали лицевой стороной вверх и снова повторяли процедуру испытания. После повторного наезда колесом КАМАЗа лопата выпрямлялась и принимала исходное положение. Для сравнения: в Российской империи при приемных испытаниях «на подвес груза» к малой лопате подвешивался груз в 6 пудов (≈98 кг), и, если лопата не гнулась, то считалось, что она выдержала испытание.

Теоретические вопросы, которые следует дополнительно проверить при сравнительных полевых испытаниях МПЛ-У

По лопате МПЛ-У модели 2023 г. имеется ряд дополнительных вопросов (помимо основных пунктов, которые проверяются при испытаниях малых лопат), ответы на которые могут дать достаточно продолжительные и масштабные полевые испытания в войсках или в зоне боевых действий.

Положение колеса КАМАЗа перед наездом на малую пехотную усиленную лопату

Переднее колесо КАМАЗа неподвижно стоит на малой пехотной усиленной лопате в течение 3–4 секунд

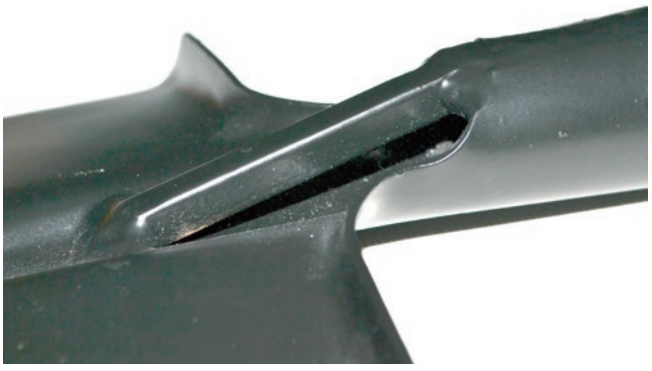
Изогнутое состояние МПЛ-У после первого наезда колесом КАМАЗа

Выпрямленное состояние МПЛ-У после второго наезда колесом КАМАЗа

В частности:

Открытый конец черенка возле лотка.

Теоретически нельзя исключить того, что через отверстие в нижней части внутрь черенка будет попадать почва, грязный снег, глина, жидкая грязь и пр., тем самым изменяя общий баланс и увеличивая вес инструмента. Если же солдат после земляных работ (особенно в осенний–зимний–весенний период) во влажном черноземе или глинистой почве не почистит трубку изнутри и поместит грязную лопатку в чехол черенком вниз, то грязь под собственным весом стечет и соберется в конце черенка у заваренного отверстия, после чего застынет, и достать ее будет проблематично. Такие же сложности могут возникнуть при работе во время дождя или при вычерпывании из окопа жидкой грязи, которая в процессе работы может попасть в черенок. При выливании жидкой грязи из трубки какая-то часть все равно останется на внутренних стенках, и со временем грязь внутри черенка будет накапливаться. Иными словами, появляется необходимость, кроме обслуживания полотна лотка, дополнительно обслуживать еще и трубку рукояти. Насколько это проблематично сделать в полевых условиях, как часто это надо будет делать и будет ли солдат усердно чистить лопату[23], — показать может только практика.



Открытый нижний конец черенка

Конусная закругленная головка черенка.

Как хорошо покажет себя такая головка черенка при земляных работах и насколько удобно с ней работать, могут показать сравнительные полевые испытания с аналогичной лопатой, у которой имеется стандартная шаровая головка (например, лопата «Коминтерн» 1935–1941 г., примерно равная по весу МПЛ-У модель 2023 г.).

Резиновое упорное кольцо, резиновый набалдашник, термоусадочная клеевая трубка.

Как будут вести себя резиновое кольцо, набалдашник, термоусадочная клеевая трубка в холодном климате в условиях крайнего севера при низких температурах и в жарком климате с высокой температурой, под палящим солнцем?

Как будут вести себя резиновое кольцо и набалдашник при эксплуатации во влажной, глинистой, каменистой почве? Не будет ли прилипать влажная земля (чернозем, суглинок, глина) к резиновым поверхностям, натирая руки солдата?

Не появятся ли на резиновых кольцах порезы после удара или реза по ним острым предметом, например, камнем при работе в каменистом грунте, или штыком, ножом, ребром другой лопаты (что вполне возможно на тренировочных занятиях по рукопашному бою)?

Не будет ли забиваться в такие порезы грязь, что приведет к набиванию мозолей на руках солдата?

Не будет ли со временем «разлохмачиваться» резина на кольце и набалдашнике?

Как будет вести себя в течение длительной эксплуатации термоусадочная трубка, будет ли она сохранять свои качества?

Какое максимальное напряжение выдерживает термоусадочная трубка (под каким максимальным напряжением можно безопасно перерубать проволоку или электрокабель)?

Пулевые и осколочные пробоины и вмятины на черенке.

Не будет ли острых краев у выходного отверстия, которые могут поранить руку солдата в случае сквозного пробоя черенка пулей или осколком?

Можно ли быстро, на месте, исправить нанесенное пулевое или осколочное повреждение, убрав острые края выходного отверстия ударами камня, обухом топора или другой лопаты и продолжить безопасно эксплуатировать инструмент?

Лоток.

Насколько эффективна двусторонняя заточка лотка?

(Для выяснения этого вопроса можно испытать МПЛ-У модель 2023 г., заточив лоток, как предписано в руководствах для СА СССР и ГОСТ 2711-44[24], и сравнить успех работы).

С какого расстояния лоток МПЛ-У модель 2023 г. гарантировано выдерживает выстрел из современного автоматического отечественного и зарубежного оружия калибра 5.45, 5.65, 7.62 мм?

Иногда у солдат, во фронтовых условиях, возникает необходимость использовать лопату в качестве сковороды. Как поведет себя порошковая краска при использовании лотка лопаты МПЛ-У модель 2023 в качестве сковороды?

Общий вывод

Малая пехотная лопата, усиленная, МПЛ-У модель 2023 конструкции П. А. Петухова, имеет ряд несомненных «плюсов» и отдельных «минусов», отмеченных в данном обзоре.

Безусловно, массовая эксплуатация инструмента в войсках выявит те или иные скрытые недостатки, характерные для любого инструмента, но вопросы по их устранению, вероятно, можно будет решить в рабочем порядке еще на этапе полевых испытаний.

В целом, лопата МПЛ-У модель 2023 конструкции П. А. Петухова представляет собой надежный, очень прочный, сравнительно недорогой инструмент, который поможет сберечь жизнь солдата на передовых позициях.

Также необходимо отметить, что несколько партий лопат МПЛ-У (общим количеством более 3000 шт.) были направлены в зону СВО, где заслужили хорошие отзывы от бойцов подразделений, участвующих в Специальной военной операции.

---

[1] И наоборот, при попытках усиления конструкции малой лопаты, например, использования броневой стали для придания лотку пуленепробиваемых свойств, резко увеличивалась стоимость, а также вес шанцевого инструмента.

[2] В данной статье не рассматриваются лопаты складного типа.

[3] Допускалось сварное или цельнотянутое кольцо.

[4] Руководство по приему и хранению предметов войскового инженерного имущества, составленное генерал-лейтенантом Беленченко. Издание 2-е, исправленное и дополненное. СПб., 1908.

[5] № 14–15 по английской шкале соответствуют 2,03–1,83 мм.

[6] Руководство по приему и хранению предметов войскового инженерного имущества, составленное генерал-лейтенантом Беленченко.

[7] Иногда в технической документации встречается термин «малая лопата облегченного типа».

[8] Купец первой гильдии Л. Ш. Скидельский заключил с ГВТУ контракт № 2539 от 5 февраля 1915 г. на поставку 600 тыс. малых лопат упрощенного типа. Второй контракт с ГВТУ за № 6660 от 31 марта 1915 г. — на поставку 1 000 000 малых пехотных лопат. РГВИА. Ф. 805. Оп. 1. Д. 1042. Л. 1–2 об. Дело о приемке малых пехотных лопат с черенья ми от купца Л. Ш. Скидельского.

[9] РГВИА. Ф. 805. Оп. 1. Д. 13. Документ № 7109 от 5 сентября 1915 г. в Технический Отдел Главного Военно-Технического Управления по № 21.341.

[10] Острый лоток являлся приоритетным.

[11] Сборник Описаний военно-технического имущества. Часть I. Инженерное имущество. Глава 1. Шанцевый инструмент. Издание военно-технического управления РККА. М., 1928.

[12] ГОСТ внесен Главным военно-инженерным управлением Красной Армии. Утвержден Всесоюзным Комитетом Стандартов 21 января 1942 г. Срок введения 1 апреля 1942 г.

[13] ГОСТ внесен Главным военно-инженерным управлением Красной Армии. Утвержден Всесоюзным Комитетом Стандартов 5 декабря 1944 г. Срок введения 1 марта 1945 г.

[14] Как было уже сказано выше, складные лопаты, бывшие на вооружении в СА и ВС РФ в данной статье не рассматриваются.

[15] Петр Афанасьевич Петухов, 1953 года рождения, советский инженер-оружейник, изобретатель. Окончил Московский авиационный институт (МАИ). Работал на предприятии ОПК (в настоящее время — концерн «Алмаз-Антей»), разработчик и испытатель комплекса боевых программ командного пункта ЗРС С-300, С-400; лауреат премии академика А. А. Расплетина, занесен в Книгу Почета предприятия. Автор линейки авторского инструмента для земляных работ «Новатор». В 2012 г. получил патент на полезную модель «Лопата» RU 132298 U1.

[16] Руководство по материальной части средств инженерного вооружения. Шанцевый и мастерской инструмент и позиционное имущество. Военное издательство военного министерства Союза ССР. М., 1950. С. 21.

[17] Наименование ГОСТ Р 51112-97 — «Средства защитные банковские. Требования по пулестойкости и методы испытаний», т. е. этот стандарт устанавливает требования по пуленепробиваемости.

[18] Позднее, в 1950 г., был принят ГОСТ 380-50. «Сталь углеродистая горячекатаная обыкновенного качества. Классификация и общие технические условия».

[19] По данным, полученным от конструктора, в следующей модели лопаты планируется внести изменения, и черенок будет полностью закрыт с двух сторон.

[20] Также имеется вариант черенка с поливинилхлоридной изоляционной лентой.

[21] Патент на полезную модель № 132298 зарегистрирован в реестре полезных моделей РФ 20 сентября 2013 г.

[22] Максимальная нагрузка на переднюю ось до 5250 кг.

[23] По свидетельству участников боевых действий, имели место быть случаи, когда некоторые бойцы подразделения после боя ленились чистить даже личное оружие, что уж тут говорить о чистке лопаты.

[24] ГОСТ 2711-44, II. Технические условия, п. 5: «Заточка нижних и боковых ребер лотка с передней (вогнутой) стороны, ширина фаски заточки 3–5 мм. Толщина рабочего лезвия 0,2–0,5 мм».

У. А. Гордеева

Открытые письма «За что мы боремся?» члена Государственного Совета профессора И. Х. Озерова в собрании ВИМАИВиВС

Иван Христофорович Озеров (1869–1942) — русский ученый-экономист. Выходец из бедной крестьянской семьи, он, благодаря своим способностям и помощи учителей народной школы, смог поступить в городское училище, затем в гимназию и Московский университет. После окончания университета остался преподавать в нем на кафедре финансового права. Позже И. Х. Озеров обучал студентов в Петербургском университете и читал лекции по финансовому праву на высших женских курсах в Санкт-Петербурге, затем преподавал в других высших учебных заведениях Москвы. Ученый также выступал с публичными лекциями во многих городах России.

В 1909 г. И. Х. Озеров был избран членом Государственного совета от Академии наук и университетов. Его авторитет был признан не только в России, но и за рубежом, хотя взгляды ученого не всегда были популярны[1].

После революции 1917 г. И. Х. Озеров остался в России и продолжил научную и преподавательскую деятельность, сотрудничал с Народным комиссариатом финансов СССР. В 1930 г. был арестован по делу «Русского национального союза» и приговорен к десяти годам лишения свободы[2], однако через три года был амнистирован. С 1936 г. проживал в Ленинграде, где погиб во время блокады в 1942 г.

Научное наследие И. Х. Озерова составляет около сотни книг и большое количество статей. При этом в поле зрения ученого оказывался широкий спектр тем финансовой и экономической науки: налоговая система, бюджет, кооперация, потребительские общества, банковская система, рынки ценных бумаг, концессии и другое[3]. Одним из главных устремлений И. Х. Озерова являлось промышленное развитие России, ее независимость от Европы, грамотное использование природных ресурсов, посильный вклад каждого члена общества в дело развития всех отраслей государства[4]. В связи с этим ученый большое значение уделял просвещению широких масс населения по этим вопросам.

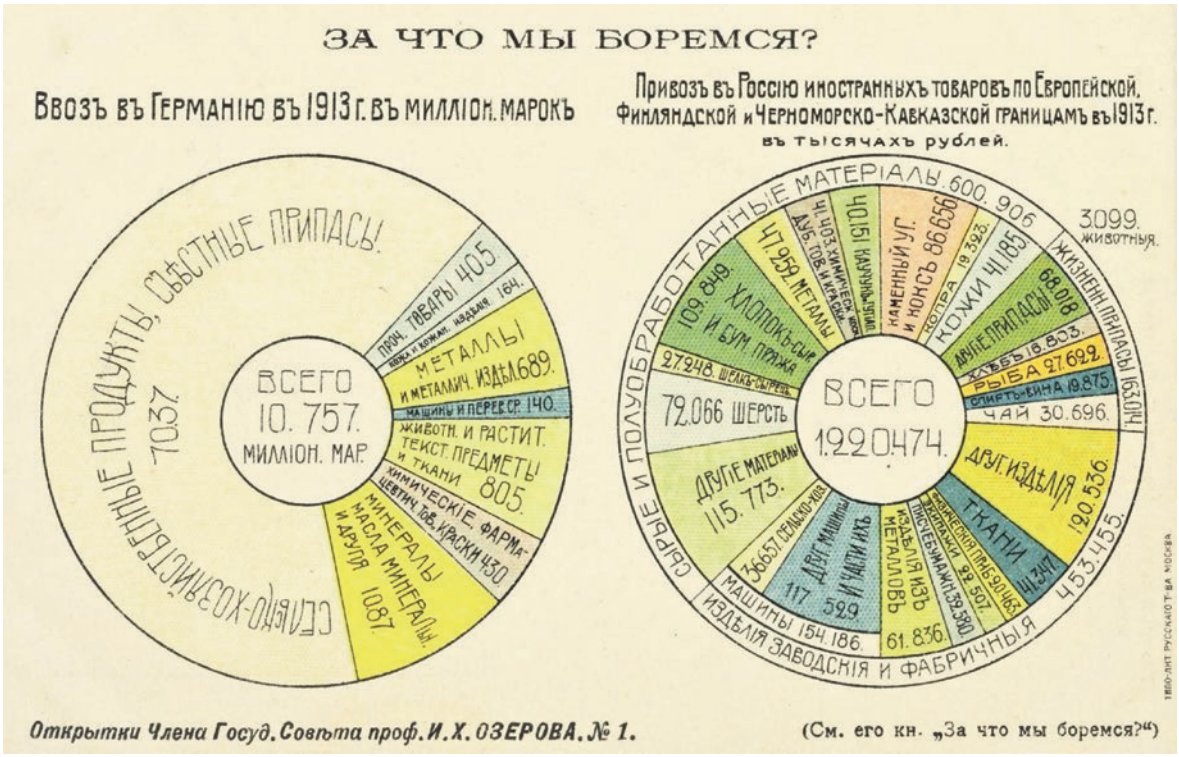
В 1915–1916 гг., во время Первой мировой войны, И. Х. Озеров выпустил серию открытых писем[5] «За что мы боремся?», состоящую из двадцати пяти открыток. В собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи находятся все открытки серии, а также сопроводительный вкладыш к ним. Они поступили в музей в 1937 г. из Военного Историко-Бытового музея (ВИБМ).

В период Первой мировой войны открытки являлись одним из основных средств информационной борьбы, поскольку были доступны и охватывали широкие слои населения. На них печатались фотографии с фронта, патриотические изображения, карты военных действий, карикатуры. На этом фоне выделялись открытки, изданные И. Х. Озеровым, поскольку они представляли собой цветные диаграммы, призванные сделать доступным для населения экономическое состояние России. Вот как рассуждал сам ученый: «Нам надо в настоящее время напоить наше общество знанием главнейших фактов, характеризующих жизнь нашей Родины»[6].

Открытки были изданы книгоиздательством Товарищества Н. В. Васильева, адрес склада издательства: Москва, Большая Дмитровка, 17. Отпечатаны в технике хромолитографии в типолитографии «Русского товарищества печатного и издательского дела» (Москва, Мыльников пер., 14). Размер открыток 9 × 14 см. Вкладыш к открыткам из сложенного пополам листа тонкой бумаги, размер в сложенном виде 9,4 × 13,8 см.

Открытки имели общую композиционную схему. Вверху размещалось название серии, ниже название диаграммы[7] и в центральной части одна или две диаграммы. В нижней части слева надпись «Открытки Члена Госуд. Совѣта проф. И.Х.Озерова» и номер открытки в серии. В нижней части справа помещалось название труда ученого, где можно было более подробно ознакомиться с представленным вопросом, по правому краю внизу был указан изготовитель открытки «Типо-лит. русскаго т-ва Москва»[8]. В серии были даны ссылки на книги «За что мы боремся?» (1915), «Оборотная сторона нашего бюджета» (1911) и «Новая Россия» (1916). На оборотной стороне открыток была указана почтовая информация, по левому краю — издатель открытки.

Сопроводительный вкладыш, подготовленный И. Х. Озеровым, содержал ответ на вопрос серии «За что мы боремся?»: «Мы боремся за экономическое освобождение России, и автор открытых писем хочет сделать эти идеи доступными большим



Открытка почтовая «Ввоз в Германию в 1913 г. в миллионах марок. Привоз в Россию иностранных товаров по Европейской, Финляндской и Черноморско-Кавказской границам в 1913 г. в тысячах рублей». Серия «За что мы боремся?» № 1. ВИМАИВиВС 1ИФ 21-41/258

массам населения». Также там содержались краткие пояснения к некоторым диаграммам, были указаны исполнители диаграмм: студенты И. Х. Озерова, Ф. И. Пленкин и Н. И. Покусин[9].

В открытках были проанализированы такие темы как внешняя торговля, добывающая и обрабатывающая промышленность, сельское хозяйство, образование, железные дороги и водные пути, бюджет. Положение России было раскрыто в сравнении с другими странами. Такой сравнительный анализ И. Х. Озеров считал наиболее наглядным и способным разжечь в умах людей стремление к улучшению положения своей Родины: «В настоящее время надо кричать на всех перекрестках о нашей экономической кабале и о средствах выйти из нее: пусть печать уделяет этим вопросам больше внимания, создадим популярную литературу по этим вопросам, будем показывать нашу кабалу в витринах, на экранах путем волшебного фонаря, будем выпускать специальные открытки с графическими изображениями нашей экономической отсталости и тех успехов, которых достигли другие страны, чтобы этот пример пришпоривал нас в нашей работе»[10].

Открытка «Ввоз в Германию...» показывала разницу по ввозу товаров в Россию и Германию на 1913 г. Диаграмма слева давала представление, что Германия в основном ввозила к себе сырье (большая часть из этого сельскохозяйственные продукты и припасы), в то время как Россия (диаграмма справа) ввозила к себе готовые изделия, а также рыбу, шерсть, кожу, шелк-сырец и т. д., то есть то, что могло быть произведено в стране.

Открытка «Внешняя торговля Германии...» была призвана показать торговые отношения России и Германии в 1913 г. Диаграмма слева показывала, что Германия вывозила от себя в основном готовые изделия. Диаграмма справа демонстрировала привоз товаров в Россию по странам в денежном эквиваленте; стоит отметить, что Германия занимала первое место по ввозу в Россию, и суммы, которые уходили туда, были больше, чем от всех остальных стран вместе взятых. Поэтому не удивительно название диаграммы «Наша кабала».

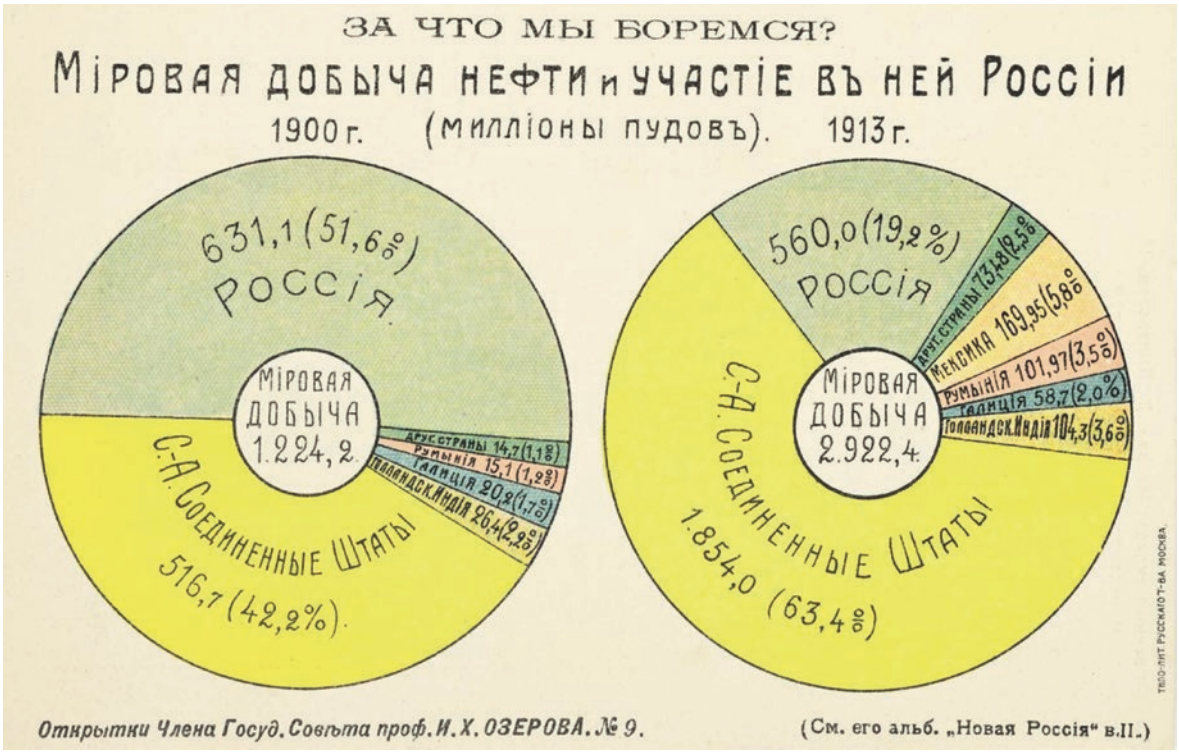
Развитие России в добывающей промышленности было показано в открытке «Добыча железной руды...». Однако развитие это в сравнении с другими странами (Германия, США) не столь значительно. Цифры в тысячах тонн на начало и конец периода: Россия — 791 и 5000, США — 3440 и 50 625, Германия — 4368 и 26 735, Англия — 16 597 и 15 749.

Состояние мировой нефтедобывающей промышленности на примере России, США, Румынии, Галиции, Голландской Индии показывало, что на 1900 г. Россия являлась лидером в этой сфере, занимая 51,6 процентов в этой отрасли, США — 42,2 процента. Однако к 1913 г. добыча нефти в России сократилась, в то время как другие страны сильно продвинулись вперед. Россия стала занимать 19,2 процента, хотя в количественном отношении добыча снизилась не так сильно. Показатели США увеличились в несколько раз, что в процентном соотношении составило 63,4 процента.

Представление о положении сельского хозяйства давала открытка, посвященная урожайности

Открытка почтовая «Внешняя торговля Германии: вывоз из Германии в 1913 г. в миллионах марок. Наша кабала: привоз в Россию в 1913 г. по странам, в миллионах рублей». Серия «За что мы боремся?» № 3. ВИМАИВиВС 1ИФ 21-41/259

Открытка почтовая «Добыча железной руды в главных странах 1871–1906 гг. В тысячах тонн». Серия «За что мы боремся?» № 7. ВИМАИВиВС 1ИФ 21-41/263



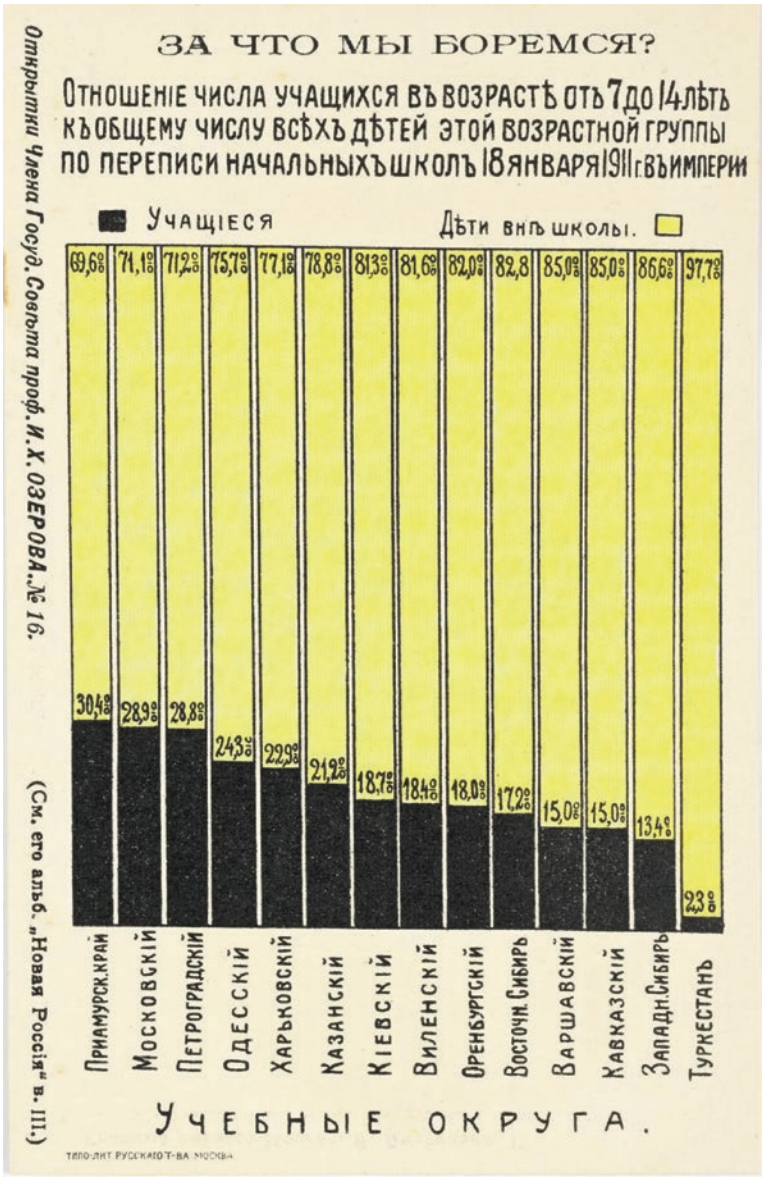
Открытка почтовая «Мировая добыча нефти и участие в ней России на 1900 и 1913 гг. В миллионах пудов». Серия «За что мы боремся?» № 9. ВИМАИВиВС 1ИФ 21-41/269

Открытка почтовая «Средний ежегодный сбор пшеницы с одной десятины в пудах за пятилетие 1906–1910 гг. Расходы на улучшение сельского хозяйства на одну десятину посевной площади». Серия «За что мы боремся?» № 14. ВИМАИВиВС 1ИФ 21-41/270

пшеницы за пятилетний период 1906–1910 гг. Эти показатели в Европейской России были не столь значительны как в других европейских странах, к примеру, Бельгия — 161 пуд на десятину, Россия — 48 пудов на десятину. Справа на открытке приведена диаграмма расходов государств на улучшение сельского хозяйства на десятину посевной площади. У России эти расходы составляли 8 копеек на 1908 г. и 9 копеек на 1909 г., в то время как у Бельгии — 1 рубль.

Открытка «Отношение числа учащихся...» демонстрировала в процентном соотношении количество учащихся в возрасте от 7 до 14 лет к общему числу всех детей этой возрастной группы по учебным округам в России. Количество учащихся детей было значительно меньше, чем детей вне школы: от 13 до 30 процентов и 2,3 процента в Туркестане.

Таким образом, открытые письма И. Х. Озерова были доступным и понятным способом ознакомления широкого круга населения с различными сферами жизни России. За каждой открыткой стояло глубокое исследование и анализ данных. Они были призваны стимулировать мысль граждан России и привлечь их к деятельному улучшению положения дел в стране. Красочные диаграммы могут представлять интерес и для сегодняшнего зрителя, как возможностью наглядно ознакомиться с экономическим прошлым страны, так и нетривиальным выбором темы для серии открыток.



Открытка почтовая «Отношения числа учащихся в возрасте от 7 до 14 лет к общему числу всех детей этой возрастной группы. По переписи начальных школ 18 января 1911 г. в Империи». По учебным округам. Серия «За что мы боремся?» № 16. ВИМАИВиВС 1ИФ 21-41/271

---

[1] Попов Ю. Г. Жизнь и творчество И. Х. Озерова // Финансовый журнал. 2009. № 1. С. 164–165.

[2] Материалы 3-го отделения СО ОГПУ о политическом состоянии интеллигенции и ее антисоветской деятельности. URL: https://istmat.org/node/27045?ysclid=m0xk13mw29690098284. (Дата обращения: 20.09.2024).

[3] К 140-летию со дня рождения И. Х. Озерова // Финансовый журнал. 2009. № 1. С. 152.

[4] Шевырин В.М. Иван Христофорович Озеров 91869-1942) // Россия и современный мир. 2002. № 4. С. 185.

[5] Сокращенно — открыток.

[6] Вкладыш к открыткам. ВИМАИВиВС 1ИФ 21-41/282.

[7] Кроме открытки серии № 23, посвященной пьяному бюджету России на 1914 г. и трезвому бюджету на 1915 г., в связи с большой графической наполненностью, название серии не было проставлено. ВИМАИВиВС 1ИФ 21-41/280.

[8] Большая часть открыток ориентирована по горизонтали, в вертикальных открытках эти надписи помещались снизу или по левому краю.

[9] Они же чертили диаграммы для одноименной книги И. Х. Озерова.

[10] Озеров И. Х. За что мы боремся? М.: Типолитография «Русского товарищества печатного и издательского дела», 1915. С. 8.

Р. А. Тимофеева, Р. Н. Чумак

«Дела очень и очень много… зато душой я спокоен»:

К уточнению биографических сведений о семье В. Г. Федорова

О ВЕЛИКИХ ЛЮДЯХ говорят, что они становятся легендой еще при жизни. Это происходит тогда, когда в сознании современников складывается некий мифологизированный портрет, созданный нарочно или непреднамеренно. Но при этом, чаще всего, за официально-парадной атрибутикой жизни и деятельности таких людей стирается их живая индивидуальность, знакомство с которой, тем не менее, позволяет еще с большим восхищением смотреть на знакомый образ.

Имя Владимира Григорьевича Федорова в массовом сознании связано с созданием автоматического оружия, он известен своими научно-теоретическими исследованиями, деятельностью, направленной на популяризацию истории отечественного оружия, сотрудничеством с учебными и научно-просветительскими заведениями.Такой образ был сформирован и зафиксирован в известной популярной книге Г. Д. Нагаева «Жизнь оружейника»[1], которую сам Федоров оценивал неоднозначно — с точки зрения полноты приводимой в ней информации и достоверности научно-технических данных[2].

И есть другая сторона — Владимир Григорьевич как личность, человек, активная деятельная жизнь которого действительно пришлась на «рубеж двух эпох» — не просто двух царствований или двух столетий, а шире — на рубеж двух общественно-экономических систем, старого и нового мира, а также двух эпох оружия — не автоматического и нового автоматического, только что родившегося и ставшего в военный строй. Тем более ценной представляется возможность увидеть личные качества этого человека и уточнить ряд аспектов его биографии. Безусловно, заметка такого рода вряд ли может претендовать на какую-то полноту, скорее, это лишь дополнение к уже известным широкой публике сведениям.

Традиционная запись в метрической книге церкви Императорского училища правоведения сообщает о рождении у помощника смотрителя эконома коллежского регистратора Григория Федоровича Федорова и законной жены его Анны Ивановны 3 мая 1874 г. сына, который был крещен 12 мая[3]. В упомянутой выше книге «Жизнь оружейника» дана краткая характеристика семьи Федорова, в частности, приводятся сведения о его двух старших братьях — Иване и Николае (умершем в юношеском возрасте), мельком упомянута сестра: «Оба брата с маленькой сестренкой и матерью перебрались в деревню»[4]. Из документов ЦГИА СПб была получена дополнительная информация. В частности, выяснилось, что Лидия Григорьевна Федорова, родившаяся 20 марта 1878 г.[5], после окончания V класса в известной частной женской гимназии Л. С. Таганцевой в 14-летнем возрасте была определена в Александровский институт Императорского воспитательного общества благородных девиц на собственное содержание. При этом одним из поручителей выступил ее брат — поручик Иван Федоров, состоявший в 1892 г. на службе в 1-й резервной Артиллерийской бригаде и ранее обучавшийся в Михайловской Артиллерийской академии.

За период прохождения курса вплоть до окончания института в 1896 г. Лидия Федорова продемонстрировала «отличные» и «весьма хорошие» успехи в освоении преподаваемых дисциплин — от Закона Божиего до математики и иностранных языков.

Семейный портрет (слева направо): Л. С. Окромешко, Г. Л. Окромешко, В. Г. Федоров, А. Л. Окромешко, Л. Г. Окромешко (Федорова), Г. Ф. Федоров. Фотография Рейссерт и Флиге. ВИМАИВиВС

В дальнейшем Лидия Григорьевна сочеталась браком с Леонидом Окромешко (на 1917 г. — коллежский советник)[6].

Общий семейный снимок, на котором запечатлены Лидия и Леонид Окромешко со своими детьми Анной и Георгием, а также Владимир и Григорий Федоровы, находится в собрании документов ВИМАИВиВС[7].

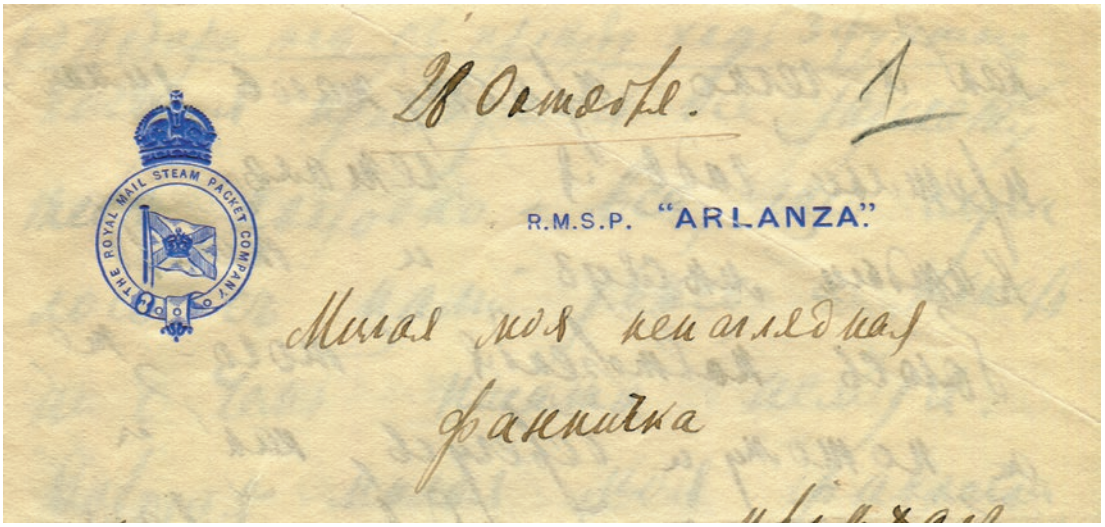
В личных документах Федорова сохранились почтовые карточки, адресованные племяннице Анне Леонидовне Окромешко (в замужестве — Северская[8]), также его родственники упоминаются в письмах периода Первой мировой войны. 16 февраля 1915 г. он пишет супруге: «Сестра мне прислала целый ящик всяких консервов, но тут в Варшаве все можно купить, что хочешь...»[9].

Отдельная страница личности Владимира Григорьевича — это его отношения с супругой Феоктистой (Фаиной) Дмитриевной. Информация о ней фрагментарна и основывается пока на эпистолярном наследии и на записи в метрической книге церкви святых праведных Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы[10], где 14 февраля 1918 г. таинство венчания подтвердило намерение двух людей соединить свои судьбы в одну перед Богом и людьми[11]. На момент венчания Феоктиста Дмитриевна (1871 г. р., в девичестве — Абрамова/Семенова) значится гражданкой г. Чембара Пензенской губернии. Поручителями выступили со стороны жениха — полковник Густав фон Шульман и полковник Виталий

В. Г. и Ф. Д. Федоровы. ВИМАИВиВС

Почтовая карточка, адресованная Ф. Д. Федоровой. 1914–1915 гг. (?). ВИМАИВиВС

Военно-техническая делегация на борту английского крейсера «Арлянц». Федоров В. Г. (сидит, слева). 1915 г. ВИМАИВиВС



Письмо В. Г. Федорова на бланке крейсера «Арлянц». 28 октября 1915 г. АВИМАИВиВС

Бойно-Родзевич, со стороны невесты — Григорий Федоров и Леонид Окромешко. Спустя 10 дней Федоров прибыл на завод в г. Ковров.

Говоря о семейных отношениях, следует проявлять особенную деликатность к историческим документам, поскольку частные сведения неизбежно требуют такого бережного отношения. Их переписка демонстрирует высочайшую культуру в рамках этого союза, позволившую сохранить на долгие годы единство и близость.

Глубокое чувство имеет многочисленные формы проявления, здесь это выражено в самых простых вещах: в повседневном беспокойстве, в желании лишний раз подумать о близком человеке, в радости засыпать с мыслью о нем, в возможности улыбаться всякий раз, вспоминая о нем. «Я знаю, ты меня любишь, и тебе будет на душе хорошо, когда ты узнаешь», что и мне «теперь и тепло, и уютно»[12], «милая моя Фанничка, помолись о мне и о себе, чтоб и Бог помог нам обоим. Крепко целую... Твой Владимир»[13].

Прямых потомков их союз не оставил, детей у Федоровых не было, однако хочется верить, что достигнутые ученым-оружейником результаты, значение которых очевидно для всей России, а не только для отдельно взятой семьи, стали возможны, в том числе, и благодаря той атмосфере, которая царила между супругами. В переписке периода Первой мировой войны Владимир Григорьевич рассказывает Фаине Дмитриевне об известиях с фронта, о своей деятельности, например, об организации армейских передовых мастерских, разговаривает на равных, будучи уверенным, что его поймут: «Дела очень и очень много; бегать... приходится вовсю — то нет нижних чинов, то денег, то материалов для смазки и починки ружей — совсем издергался — зато душой я спокоен, совсем не мучаюсь; крепко-крепко люблю мою дорогую-ненаглядную...»[14]. И пишет это не юноша, Федорову в это время уже 40 лет. Такие слова — «ну вот, немного поговорил с тобой, и на душе стало легче», «как ни тяжело получать плохие известия с войны, я с этим примирюсь, только бы ты была вместе со мной. Ну даст Бог — получатся и хорошие известия...»[15], — часто появляются в письмах Владимира Григорьевича, адресованных супруге.

Переписка позволяет уточнить некоторые события из биографии Федорова, связанные с его деятельностью — это поездка в Японию в составе военной миссии для переговоров о возможности покупки оружия. Он пишет жене об отношении японских чиновников, полном «глумления на деле, но зато с улыбкой на устах»[16]. Также сохранились сведения о поездке Федорова в Англию в составе военно-технической делегации, во время которой произошло страшное событие — крушение крейсера «Арлянц».

Этот день Федоров называет очень памятным в своей жизни: «Крейсер шел полным ходом. Проводив капитана, мы отправились пить чай в нижнюю столовую. Завязался разговор о случаях гибели судов от мин. Один из моряков рассказывал, что взрыв мины вызывает часто по детонации взрыв пороховых погребов, далее следует взрыв паровых котлов, и корабль, получив огромные пробоины и повреждения, гибнет в несколько минут. При таких обстоятельствах, говорил моряк, еще не было случая, чтобы корабль спасся. Адмирал Русин, между прочим, заметил, что капитан тральщиков, по его мнению, преждевременно оставил крейсер: у того места, где мы сейчас находимся, совсем недавно наскочил на мину шедший в Архангельск транспорт с углем. Не успел адмирал закончить фразу, как раздался оглушительный треск. Страшный толчок потряс крейсер...»[17]. Подрыв крейсера на мине не привел к его гибели, но корабль получил серьезные повреждения.

Описывая эти события в своих мемуарах, Федоров указывает их дату — 22 октября, однако письмо супруге на бланке крейсера «Арлянц» датировано 28 октября. В нем он уже после своего спасения вновь пишет Фаине Дмитриевне ласковые и нежные слова, лишь вскользь упоминая, что «все секрет

В. Г. Федоров на борту английского крейсера «Арлянц» в бухте Иоханка после подрыва на германской мине. Октябрь 1915 г. ВИМАИВиВС

и секрет», но «когда я приеду, я все расскажу тебе подробно, — все, что случилось с нами здесь, а теперь ни о чем писать нельзя»[18].

Вновь найденные сведения позволяют не только иначе посмотреть на личность Владимира Григорьевича Федорова, они могут послужить важным материалом к размышлениям совсем иного рода — о том, что такие его качества как умение отдавать себя без остатка работе, быть преданным делу распространяются шире, на все сферы жизни этого яркого и самобытного человека. «Дорогая моя Фанничка, написал я эту строчку, а сам задумался “ведь это все и всем так пишут — дорогая моя или дорогой мой, и т. д.”, а между тем ты действительно так дорога, что мне нет жизни без тебя, я всегда ведь полон тобой, болею за тебя душой — ведь я весь твой без остатка до конца моей жизни»[19].

Масштаб личности Федорова был таким, что его хватало на все — и на разработку новых образцов вооружения, и на создание сочинений исторического содержания, и на исследования военно-теоретического характера, и на административную деятельность, и на любовь к женщине, ставшей его спутницей до конца жизни.

---

[1] Нагаев Г. Д. Жизнь оружейника: Генерал-лейтенант В. Г. Фёдоров — изобретатель автоматического оружия / Предисловие акад. генерал-лейтенанта А. А. Благонравова. М.: Военное издательство, 1952. 200 с.

[2] АВИМАИВиВС. Ф. 45Р. Оп. 1. Д. 112. Л. 8, 20; Д. 111. Л. 7.

[3] Там же. Оп. 2. Д. 1. Л. 1.

[4] Нагаев Г. Д. Жизнь оружейника... С. 28.

[5] ЦГИА СПб. Ф. 2. Оп. 1. Д. 13924. Л. 1.

[6] Там же. Ф. 1205. Оп. 16. Д. 452. Л. 1.

[7] АВИМАИВиВС. Ф. 45Р. Оп. 2. Д. 159.

[8] В 1929 г. окончила Московский химико-технологический институт им. Д. И. Менделеева (Жуков А. П. Истоки научно-педагогических школ Университета Менделеева М.: РХТУ им. Д. И. Менделеева. 2010. С. 90). По состоянию на 1941 г. — инженер, проживала с братом по адресу: Москва, Малый Кисловский пер., д. 3. АВИМАИВиВС. Ф. 45Р. Оп. 2. Д. 281. Л. 1.

[9] Там же. Д. 12. Л. 4 об.

[10] Современный адрес — ул. Моховая, д. 48.

[11] ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 127. Д. 3676. Л. 375 об.

[12] Там же. Л. 6 об.

[13] Там же. Л. 4 об.

[14] Там же. Л. 5 об.

[15] Там же. Л. 5.

[16] Там же. Д. 6. Л. 25 об.

[17] Федоров В. Г. В поисках оружия. М.: Воениздат, 1964 [Электронный ресурс] // Милитера. Военная литература. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/fedorov_vg/05.html/ (дата обращения: 10.03.2024).

[18] АВИМАИВиВС. Ф. 45Р. Оп. 2. Д. 7. Л. 2.

[19] Там же. Д. 6. Л. 14.

А. Ю. Низовский

Об авторстве и обстоятельствах создания памятника Павловскому гренадерскому полку на Бородинском поле

(по материалам ВИМАИВиВС)

ПАМЯТНИК ПАВЛОВСКОМУ гренадерскому полку занимает особое место среди памятников Бородинского поля. Сооруженный в 1911 г., он стал первым в череде монументов, возведенных на поле Бородинского сражения к 100-летию Отечественной войны 1812 г., и первым в числе памятников, изготовленных и установленных московской фирмой «Синицын»[1], получившей после этого начального опыта львиную долю заказов на мемориальные сооружения на Бородинском поле, связанные с юбилейными торжествами 1912 г.[2]

До настоящего времени авторство памятника Павловскому полку приписывалось А. П. Верещагину. Новые, ранее не публиковавшиеся документы, выявленные в фондах Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи[3], позволили впервые восстановить историю сооружения памятника и установить имена тех, кто внес решающий вклад в его создание. Дополнительный поиск по данной теме был проведен также в фондах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) и Центрального государственного архива г. Москвы (ЦГАМ).

Памятник гренадерам-павловцам располагается к югу от железнодорожной станции Бородино, на вершине Утицкого кургана, в группе памятников, отмечающих места расположения частей 3-го пехотного корпуса генерал-лейтенанта Н. А. Тучкова в Бородинском сражении. К началу Отечественной войны два действующих батальона Павловского гренадерского полка входили в состав 1-й гренадерской дивизии 3-го пехотного корпуса. Накануне Бородинской битвы этот корпус по распоряжению М. И. Кутузова был переведен с правого фланга позиции на левый — к деревне Утица, на старую Смоленскую дорогу. Здесь русским войскам противостоял 5-й корпус Великой армии под командованием князя Ю. Понятовского.

После восьми часов утра 26 августа 1812 г. части Ю. Понятовского, начав атаку, заняли деревню Утица, а затем Утицкий курган, служивший центральным пунктом данного участка фронта. «*Напор неприятеля был жесток... Местность, на которой утверждались войска Понятовского, командовала нашей, и кроме того, превосходивший численностью неприятель не только мог сбить наш ослабленный корпус со старой Смоленской дороги, но подвергал обходу и всю армию. Командир 3-го корпуса Николай Алексеевич Тучков 1-й [...] понимая всю важность своего положения, решился отнять у неприятеля командовавшую высоту и тем предупредить те страшные последствия, которые могли произойти от успеха неприятеля на нашем фланге.*

В это время Тучков 1-й находился перед павловскими гренадерами... Гренадеры, воодушевленные присутствием среди них корпусного командира и увлекаемые батальонными командирами Мусиным-Пушкиным и Пейкером, рвались в штыки. Решившись сбить неприятеля, Тучков 1-й стал во главе павловских гренадер и лично повел в атаку... Неприятельская артиллерия поражала атакующих картечью в упор, но не ослабила штыкового удара. Павловские баталионы смыкались плотнее, корпусный командир был поражен среди них пулею в грудь, и они с остервенением кинулись на неприятеля. Тогда произошло страшное столкновение: штыки скрестились и более часу кололись на одном месте. Приготовясь раньше к смерти, павловские гренадеры не щадили своей жизни и не попадались в плен. Дрались даже раненые. Французский генерал Фриан в донесении своем описывает, как на этой роковой Утицкой высоте наши раненые гренадеры подползали к неприятелям, повергали их и умирали, вцепясь им в волосы...

В этот день вырвано из строя в двух баталионах Павловского полка: семь офицеров с командиром полка и 251 нижний чин»[4].

Доблесть павловцев, оказанная ими в Бородинской битве, не осталась без награды. 13 апреля 1813 г. император Александр I пожаловал полку Георгиевские знамена и права молодой гвардии. Отличием полка являлись и старинные шапки-гренадерки с медными налобниками, к 1812 г. уже вышедшие из употребления во всей армии. Павловцы сражались в них в 1807 г. при Фридланде. За проявленную в этом бою отвагу император Александр I 20 января 1808 г. повелел «в почесть оного полка ныне состоящие в нем шапки оставить в нем в том виде, в каком сошел он с места сражения, хотя бы некоторые из них были повреждены; да пребудут они всегдашним памятником отменной его храбрости». Эти

Памятник Павловскому гренадерскому полку на Бородинском поле. Фото М. В. Губаревой. 2024 г.

простреленные пулями шапки стали своеобразным полковым символом, в них павловские гренадеры пошли и в Бородинский бой. В «Истории лейб-гвардии Павловского полка» приводится следующий эпизод: когда рано утром в день сражения павловцы, готовясь к бою, выстроились близ Утицкого кургана, «*на гренадерских шапках одеты были чехлы. Бригадный командир, старый павловец генерал Цвиленев, подъехав к полку, закричал: "Не стыдно ли в такой день иметь чехлы на киверах!" Чехлы немедленно были сняты и "ярко заблистало бородинское солнце"*»[5].

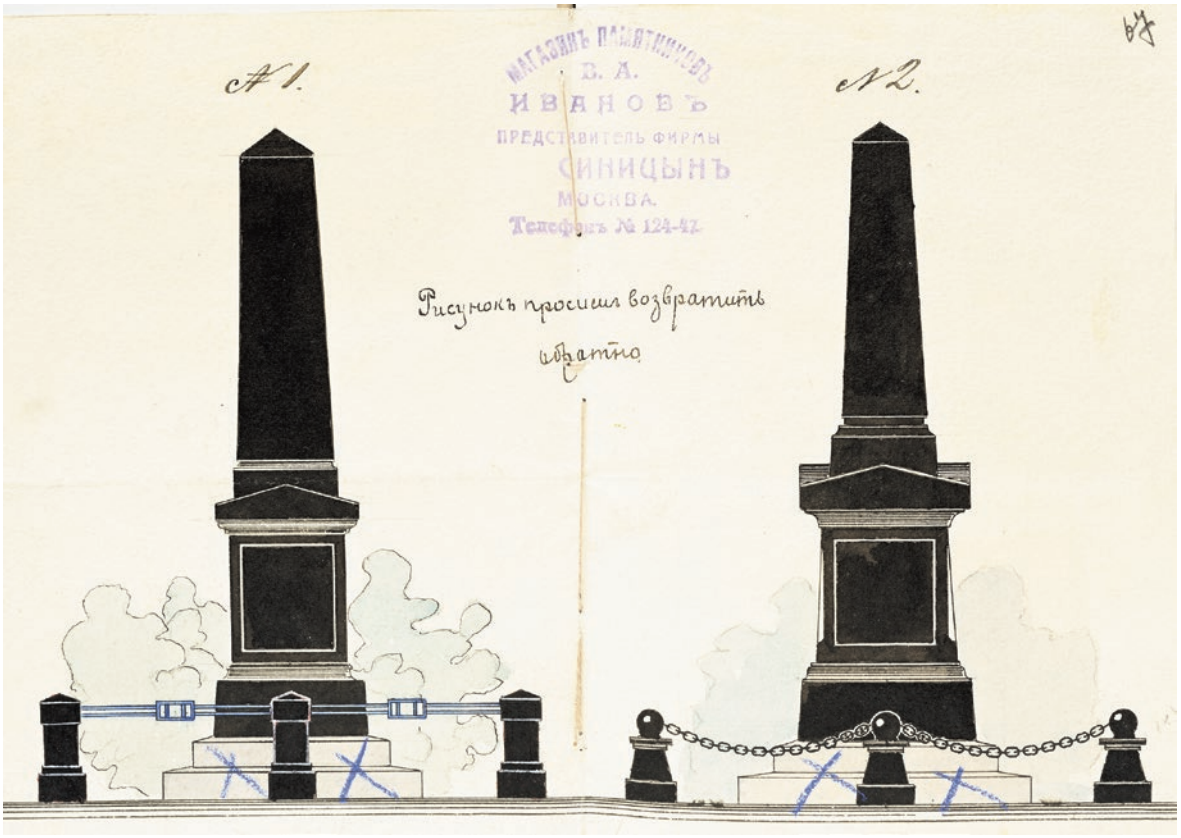
Вопрос о сооружении на Бородинском поле памятника Павловскому полку был возбужден осенью 1910 г. 9 августа 1910 г. управление генерал-квартирмейстера Главного штаба известило начальника штаба войск гвардии и Петербургского военного округа о том, что ввиду предстоящего празднования 100-летнего юбилея Отечественной войны председатель высочайше учрежденной междуведомственной комиссии по рассмотрению вопросов, связанных с этим празднованием, генерал от инфантерии В. Г. Глазов обратился в Главный штаб с просьбой «*о заблаговременном выяснении мнений и желаний войсковых частей, предки которых были участниками сражений Отечественной войны, о способе и порядке ознаменования этого юбилейного события, имея в виду, что всероссийское торжество предположено приурочить к полю Бородинского сражения в годовщину этого события. Все желания будут приняты к рассмотрению и учтены*»[6]. 23 августа 1910 г. штаб 2-й гвардейской пехотной дивизии довел это предложение до сведения командира лейб-гвардии Павловского полка. На общем собрании офицеров полка 27 сентября 1910 г. было решено:

1. К 26 августа 1911 года воздвигнуть на холме у д. Утицы памятник-обелиск.

2. Издать к юбилею Отечественной войны книгу «Павловцы в Бородинском бою»[7].

2 октября 1910 г. командир лейб-гвардии Павловского полка свиты генерал-майор Некрасов Константин Герасимович доложил в штаб 2-й гвардейской пехотной дивизии: «*Офицеры вверенного мне полка на предложенный им вопрос, каким образом полк желал бы участвовать в праздновании 100-летнего юбилея Отечественной войны, высказали следующие пожелания: [...] В ознаменование столетия войны полк предполагает воздвигнуть памятник на кургане у станции Бородино, недалеко от Утицы, в районе действий своих предков павловцев на Бородинском поле битвы в 1812 году*»[8].

Труд по подготовке текста и изданию книги принял на себя заведующий передвижением войск и военных грузов по железным дорогам Московско-Брестского района Генерального штаба полковник Афанасьев Владимир Александрович — бывший офицер лейб-гвардии Павловского полка[9], действительный член Императорского Русского военно-исторического общества и секретарь Особого комитета по устройству в Москве музея 1812 года, в ведении которого находились организационные вопросы, связанные с подготовкой к празднованию юбилея Отечественной войны. В помощь ему были назначены капитаны лейб-гвардии Павловского полка Сапожников Л. Н. и Романов В. А.[10]



Варианты проекта памятника, предложенные фирмой «Синицин». 13 ноября 1910 г. ВИМАИВиВС

В. А. Афанасьев взялся также за осуществление подготовительных работ, связанных с сооружением памятника. В конце 1910 г. он вступил в переписку с помещицей Л. С. Никитиной, владелицей земли, на которой располагался Утицкий курган[11], и 3 января 1911 г. получил от нее ответ о том, что она предоставляет лейб-гвардии Павловскому полку право пользования участком земли в размере 1 квадратной сажени для постановки памятника[12]. Что же касается изготовителя памятника, то здесь выбор В. А. Афанасьева остановился на московской фирме «Синицын», которую он, по его «сведениям и справкам», рекомендовал «вполне солидной и лучшей фирмой Москвы»[13].

Предприятие по производству и торговле памятниками «Синицын» было основано на рубеже 1880–1890-х гг. Ильей Григорьевичем Синицыным, с 1895 г. состоявшим в московском купечестве. С 1907 г. владельцем предприятия являлся его сын Александр Ильич, который, по-видимому, принял на себя лишь производственную часть[14], в то время как архитектурно-художественной частью и, говоря современным языком, менеджментом занялся его партнер Владимир Александрович Иванов, в официальных бумагах именующийся представителем фирмы «Синицын», но, по-видимому, ставший к 1911 г. ее фактическим руководителем и, по некоторым данным, совладельцем[15].

Мещанин г. Борисова Минской губернии Владимир Александрович Иванов родился 12 июня 1882 г. После окончания Московского училища живописи, ваяния и зодчества по отделению архитектуры он в сентябре 1907 г. подал прошение на имя директора Московского археологического института о зачислении его вольнослушателем[16], однако дальше этого, судя по всему, дело не пошло. Сотрудничество В. А. Иванова с названным учреждением все же продолжилось, и в том же 1907 г. он получил статус комиссионера Московского археологического института[17]. Благодаря этой связи В. А. Иванову удалось лично познакомиться с генералом Глазовым Владимиром Гавриловичем[18] — одним из организаторов Московского археологического института, председателем междуведомственной комиссии по рассмотрению вопросов, связанных с празднованием 100-летнего юбилея Отечественной войны, и председателем Особого комитета по устройству в Москве музея 1812 года. Очевидно, что по Археологическому институту В. А. Иванов сумел свести знакомство и с В. А. Афанасьевым. Так или иначе, но в 1911 г. фирма «Синицын» получила заказ на установку первого памятника на Бородинском поле — лейб-гвардии Павловскому полку.

13 ноября 1910 г. В. А. Иванов представил В. А. Афанасьеву два варианта проекта памятника и сметы на них[19]. Первый вариант представлял собой обелиск («шпиль») из черного шведского гранита, высотой 4 аршина 5 вершков (около 3 м), с площадью основания 16 × 16 вершков (0,71 × 0,71 м), состоящий из двух частей, с плитой из красного гранита и рельефной надписью до 100 букв. Стоимость такого памятника, с доставкой и установкой на месте, В. А. Иванов оценивал в 850 рублей[20]. Второй

вариант — колонна из черного шведского гранита, высотой 4 аршина 7 вершков (около 3,15 м), с основанием 20 × 20 вершков (0,88 × 0,88 м), состоящая из трех частей, с плитой красного гранита, крестом белого мрамора и рельефной надписью до 100 букв. В этом варианте стоимость памятника с доставкой и установкой составила бы 1258 рублей[21].

Проектные рисунки обоих памятников были выставлены в офицерском собрании лейб-гвардии Павловского полка, но одобрения не получили. В повестку дня состоявшегося в марте 1911 г. общего собрания офицеров были поставлены следующие вопросы:

1. Просить командира полка благодарить владельцев имений у д. Утицы, господ Никитиных, за предоставленную полку бесплатно землю для постановки памятника.

2. Поблагодарить полковника Афанасьева за его желание поработать на пользу родного полка и за понесенные уже им труды и подготовительные работы.

3. Уполномочить полковника Афанасьева вести дальнейшие переговоры с фирмой «Синицын».

4. Вместе с тем избрать особую комиссию из офицеров полка, которой и принять в свое ведение дела постановки памятника и сношения с полковником Афанасьевым по этому вопросу.

5. Утвердить один из подготовленных проектов, или же поручить избранной комиссии найти другую фирму и предложить общему собранию новые проекты.

6. Назначить ту сумму денег, которая может быть израсходована на памятник[22].

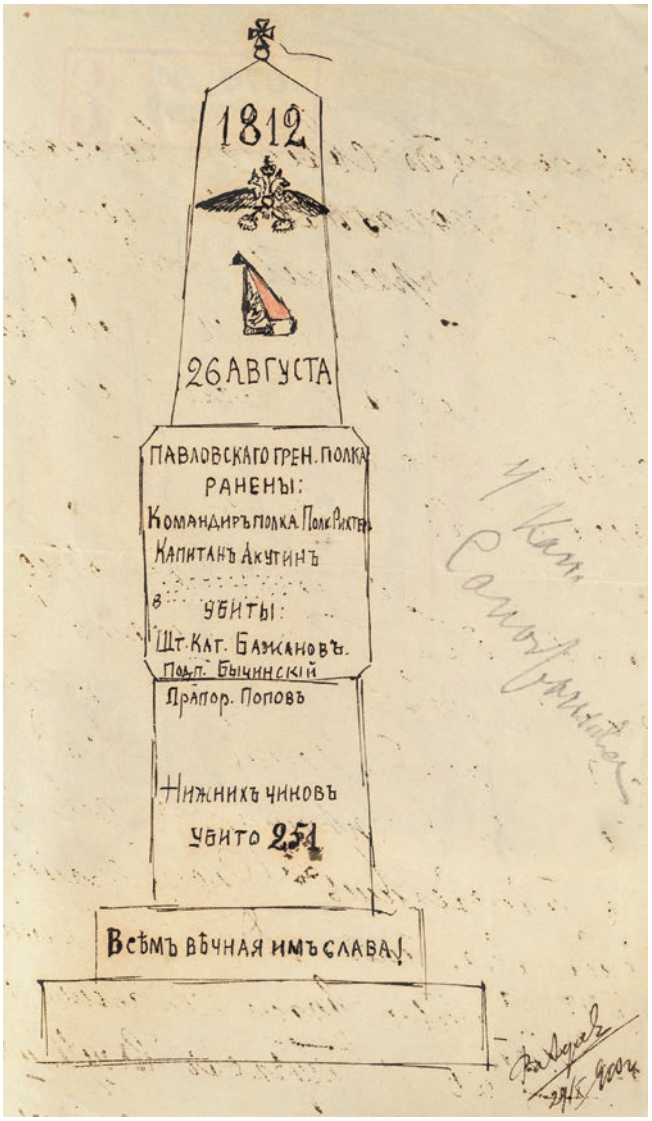
В состав названной комиссии были избраны полковник Гештовт И. И. (председатель), капитан Туган-Мирза-Барановский А. А. и подпоручик Григорович М. И., к которым добавились назначенные ранее в помощь В. А. Афанасьеву капитаны Сапожников Л. Н. и Романов В. А. Руководствуясь решением общего собрания, члены комиссии приступили к поиску и разработке новых вариантов памятника. Свои проектные рисунки предложили капитан Романов В. А., подпоручики Боровский Н. К. и Гришков А. М.[23]; остальных офицеров общее собрание попросило поторопиться и назначило последним сроком подачи проектов 1 мая 1911 г. Председателю комиссии И. И. Гештовту и членам комиссии памятник виделся в образе гранитной скалы с высеченной на ней фигурой гренадера с ружьем в положении «на руку»[24]. Для исполнения этой фигуры предполагалось привлечь художника-скульптора Н. И. Кравченко[25]. Были предложены также несколько вариантов надписи на памятнике:

«Л. гв. Павловский полк — павловским гренадерам»;

«Л. гв. Павловский полк — славным предкам»;

«Павловцы внуки — павловцам дедам»[26].

23 марта полковник Гештовт И. И. и капитан Сапожников Л. Н. посетили бронзолитейный завод Морана, осмотрели изготовлявшийся там в это время памятник генералу Скобелеву М. Д., который



Проект памятника Павловскому гренадерскому полку, предложенный капитаном лейб-гвардии Павловского полка Сапожниковым Л. Н. ВИМАИВиВС

предстояло установить летом 1912 г. в Москве, и встретились с его автором, скульптором Петром Александровичем Самоновым, подполковником 3-го гусарского Елизаветградского полка. Из разговора с П. А. Самоновым, в ходе которого скульптор набросал свой вариант монумента в виде скалы, увенчанной павловской гренадеркой и воинскими арматурами[27], выяснилось, что стоимость памятника в виде гранитной скалы с бронзовой фигурой на ней и с соответствующей надписью составит 7000 р.; стоимость памятника в виде скалы с бронзовым барельефом и арматурой — 3500 р.[28]

В поисках необходимых средств командир Павловского полка К. Г. Некрасов вместе с капитаном Сапожниковым Л. Н. отправились на прием к генералу Глазову В. Г., пытаясь выяснить перспективы получения субсидии на памятник. В. Г. Глазов ясно дал понять, что это невозможно[29], и полку придется обходиться своими силами. Кроме того, встал вопрос о возможной порче памятника после его установки: В. Г. Глазов и генерал Зайончковский А. М.

предупредили К. Г. Некрасова, что отмечены случаи спиливания бронзовых частей памятников. После этой встречи К. Г. Некрасов поручил И. И. Гештовту передать В. А. Афанасьеву, что он «*не предполагает брать на себя ответственности перед потомками нашими за порчу памятника*»[30]. Таким образом, вопрос о бронзовых фигурах и барельефах отпал.

4 и 5 апреля в Москву по делам юбилея ездил капитан Сапожников Л. Н.[31], а 16 апреля, взяв на службе недельный отпуск, в Москву выехал полковник Гештовт И. И.[32]. Дальнейшая выработка проекта памятника осуществлялась им во взаимодействии с фирмой «Синицын». Предлагаемые этой фирмой условия — 850–1250 рублей за памятник с доставкой и установкой, — выглядели привлекательными, хотя предложенные ею первоначальные варианты памятника офицерским собранием Павловского полка, как говорилось выше, были отвергнуты. Фирма «Синицын», а точнее, связанный с нею магазин памятников на Мясницкой улице, которым руководил В. А. Иванов, судя по всему, располагала каталогом проектов, предлагавшимся заказчикам к реализации; эти проекты могли дорабатываться и видоизменяться в соответствии с пожеланиями клиентов. Проектам были присвоены соответствующие номера. Об этом, в частности, имеется упоминание в письме И. И. Гештовта В. А. Афанасьеву от 28 апреля 1911 г.: «*Я, будучи в Москве, условился с ним так: памятник скала №? (очень прошу написать мне номер его из книги, где фотографии у Синицына)*»[33]. Номера проектных рисунков фигурируют и в переписке В. А. Иванова с И. И. Гештовтом[34]; окончательный вариант памятника, воздвигнутого на Утицком кургане, был реализован согласно рисунку № 262-в[35]. Из этого, однако, не следует, что авторство данного рисунка принадлежит В. А. Иванову или кому-то из привлеченных им лиц (например, А. П. Верещагину). В деле о сооружении памятника Павловскому полку, хранящемуся в архиве ВИМАИВиВС, имеется эскиз памятника, подписанный как «Рис[унок]. полковника Гештовт. Москва, 19-го апр[еля]. 1911 г.»[36]. Данный эскиз в основных своих чертах, включая указанные на рисунке размеры, соответствует памятнику, сооруженному лейб-гвардии Павловским полком на Утицком кургане. Этот же эскиз в упрощенной форме изображен рукой полковника Гештовта И. И. в его письме к полковнику Афанасьеву В. А. от 28 апреля 1911 г.[37] Можно ли на этом основании утверждать, что в основе памятника Павловскому гренадерскому полку на Бородинском поле лежит эскиз И. И. Гештовта? Скорее всего, да, однако при этом нельзя игнорировать и вклад других лиц, прежде всего — В. А. Иванова, В. А. Афанасьева, и, возможно, А. И. Синицына.

В изданиях, вышедших в свет в канун и сразу после 100-летнего юбилея Бородинской битвы, указывается, что памятник сооружен архитектором В. А. Ивановым[38] и исполнен московской фирмой Синицына[39]. Сам В. А. Иванов в альбоме, составленном им в 1957 г. к 145-летнему юбилею Бородинской битвы, перечисляет 12 памятников, поставленных на Бородинском поле под его руководством, и в их числе — памятник лейб-гвардии Павловскому полку[40]. При этом он заявляет, что «*я, Иванов В. А., создал все мои Бородинские памятники по своим личным проектам*»[41]. С последним утверждением в полной мере согласиться нельзя: перечисленные В. А. Ивановым памятники, равно как и еще два, не вошедшие в альбом[42], действительно сооружала фирма «Синицын», но вот вопрос об авторстве этих памятников пока большей частью остается открытым. Документально установлено, например, что эскиз памятника 24-й пехотной дивизии был разработан капитаном 39-го пехотного Томского полка Сорокиным Г. В. и предложен обществом офицеров этого полка фирме «Синицын» на исполнение[43], а автором проекта памятника 1-й гренадерской дивизии является воспитанник старшего класса Императорского Московского технического Строгановского училища Матвеев[44]; этот проект также был отдан фирме «Синицын» на исполнение. Документальных подтверждений тому, что В. А. Иванов является автором других перечисленных им в альбоме памятников, и в том числе памятника лейб-гвардии Павловскому полку, пока не обнаружено. Что же касается А. П. Верещагина, то его имя не упоминается ни в одном из выявленных документов, отражающих обстоятельства и этапы создания памятника Павловскому полку.

Наиболее вероятно события развивались следующим образом: известно, что во время своего пребывания в Москве 16–22 апреля 1911 г. И. И. Гештовт встретился с А. И. Синицыным и, очевидно, с В. А. Ивановым, и по итогам переговоров стороны пришли к соглашению относительно внешнего вида памятника: «*Я, будучи в Москве, условился с ним* (т. е. А. И. Синицыным. — *А. Н.*) *так: памятник скала № ? (очень прошу написать мне номер его из книги, где фотографии у Синицына). Высота 4 ½ аршина. Плита другого цвета. Передняя сторона грубый камень, задняя полированная. Надпись на передней под гренадеркой большими буквами, на задней малыми буквами. Большие буквы рельефные, задние маленькие вдавленные*», — писал И. И. Гештовт В. А. Афанасьеву 28 апреля 1911 г.[45] К этой же встрече приурочен и составленный И. И. Гештовтом эскиз памятника, датированный 19 апреля 1911 г. Остается открытым вопрос, был ли этот эскиз предложен И. И. Гештовтом фирме «Синицын», доработавшей его и оформившей в виде проектного рисунка № 262-в[46], или же это И. И. Гештовт внес свои коррективы в предложенный ему фирмой «Синицын» типовой проект из упомянутой выше «*книги, где фотографии у Синицына*». Так или иначе, но участие И. И. Гештовта в разработке проекта памятника несомненно.

На протяжении всей первой половины 1911 г. обсуждался вопрос о необходимости ограды вокруг памятника. В качестве наиболее приемлемого выдвигался вариант ограды из поставленных по четырем углам орудийных стволов, соединенных металлической цепью или тросом. И. И. Гештовт в марте

1911 г. намеревался обратиться к генерал-инспектору артиллерии великому князю Сергею Михайловичу с просьбой отпустить лейб-гвардии Павловскому полку для этой цели старые бронзовые пушки[47]. «*Дорогой Иван Иванович!*», — писал В. А. Афанасьев И. И. Гештовту 20 апреля 1911 г. — *Сегодня разговаривал с артиллеристами, узнал, что у них (л[ейб-]. гв[ардии]. в 1 арт[иллерийской]. бр[игаде].) есть около 30 пушек старых систем, даже чугунных, которые они пускают на ограду в лагере и хотят из них устроить [...] у памятника на Бородинском поле. Пушки эти они получили с разрешения вел[икого]. кн[язя]. Сергея Михайловича из СПб Кронверкского арсенала, вот где надо поквитаться, через вел[икого]. кн[язя]. Николая Николаевича, достать хотя 4 пушки [...] При отказе попросите в 1 арт[иллерийской]. бриг[аде]., может быть дадут. Поговорите об этом сначала с заведующим их музеем ш[табс]-к[апитаном]. Владимиром Степановичем Савонько. Во всяком случае, вопрос об ограде верный и необходимый, ее необходимо сделать хотя бы в течение 1912 г. до юбилея [...] По-моему, если получить пушки, то их можно соединить канатом (трос), хотя лучше, конечно, цепью, их, быть может, удастся раздобыть в Морском арсенале*»[48].

На общем собрании офицеров Павловского полка, состоявшемся 28 апреля 1911 г., были обсуждены вопросы финансового характера, касающиеся сооружения памятника, и окончательно утвержден его внешний вид. В. А. Афанасьев в своем письме от 20 апреля 1911 г. предупредил И. И. Гештовта, что стоимость памятника несколько возрастет за счет работы по изготовлению барельефного изображения шапки-гренадерки: «*Сейчас говорил с Синицыным относительно гренадерки на памятнике. Сначала он было отказывался, боялся, [что] взявшись за это, не успеет, но я его уговорил, и он обязался исполнить при цене 75 (100) руб., т. к. это исполнение в художественной работе*»[49]. В итоге собрание постановило потратить на памятник не более 1000 р. Задаток фирме «Синицын» в размере одной трети контрактной стоимости должен был быть уплачен 1 мая, а остальные две трети — по постановке памятника на Бородинском поле.

Надпись на памятнике в окончательном виде утвердить на этом общем собрании не удалось. Полковник Афанасьев В. А. предложил выспреннюю, написанную им самим «в духе двадцатых годов минувшего столетия» стихотворную надпись следующего содержания:

«*Павловским гренадерам.*
В двенадцатом году тут павловцы сражались,
Их храбростью враги недаром восхищались.
Здесь генерал Тучков в штыки наш полк водил
И в павловских рядах смертельно ранен был.
26 августа 1911 года
Лейб-гвардии Павловский полк»[50]

Однако общее собрание офицеров еще ранее остановилось на надписи «Л. Гв. Павловский полк — Павловским гренадерам. 1812–1912»[51], и она была принята за основу именно в такой (хотя и не окончательной) редакции.

В тот же день, 28 апреля, И. И. Гештовт поспешил известить В. А. Афанасьева о решениях, принятых общим собранием: «*Сегодня состоялось в полку общее собрание, которое дало нашей юбилейной комиссии широкие полномочия по юбилею [18]12 года и постановке памятника. Изложу вам все по пунктам:*

Наша комиссия выбрала памятник-«скалу». Самое главное, не откажите заключить письменное условие с фирмой Синицына и вышлите его мне заказным письмом. Я, будучи в Москве, условился с ним так: [...]

С постановкой на месте из лучшего камня и перевозкой и в ту же цену 100 букв — за все 850 руб. За высечку гренадерки, как вы писали — 75–100 руб., итого 950 руб. (считая лучше 100).

Гренадерку обязательно высечь, и так, чтобы ее было бы видно и не закрывали бы. Срок — обязательно закончить так, чтобы 26 августа 1911 г. освятить памятник на месте на Бородинском поле.

Пушки и цепь постараюсь добыть, если, конечно, дадут и то, и другое.

Надпись утвердили именно ту, которую вы одобрили — «Л. Гв. П[авловский]. полк — Павловским гренадерам», но я вас попрошу с ней повременить немного, т. к. может быть мы ее немного изменим, прибавив «славным предкам — Павловским гренадерам», но это пока тоже еще [...], потом я отдельно напишу о ней»[52].

В тот же или на следующий день И. И. Гештовт направил одновременно в два адреса — В. А. Афанасьеву и А. И. Синицыну — инструктивную телеграмму: «*Памятник 206[53] “глыба” утвержден. Приступите исполнению. Задаток перевожу. Гештовт*»[54].

30 апреля 1911 г. полковник Владимир Александрович Афанасьев «по доверию» офицеров лейб-гвардии Павловского полка, с одной стороны, и представитель фирмы «Синицын»[55] Владимир Александрович Иванов, с другой, подписали счет-контракт на сооружение памятника Павловскому гренадерскому полку на Бородинском поле. Согласно этому контракту, В. А. Иванов лично брал на себя обязательство «*поставить памятник со всеми моими расходами по постановке на Бородинском поле у дер. Утицы л. гв. Павловскому полку [в] виде скалы, по рис. № 262-в, с надписью и высечкой гренадерки с передней стороны, всего за 950 рублей сереб[ром]. к 24 августа 1911 г., согласно поданному счету*»[56]. Заказчик в лице полковника Афанасьева В. А. при подписании счета-контракта должен был уплатить исполнителю 150 р. задатка, а остальные 800 р. — в недельный срок по постановке памятника на месте. В тот же день, 30 апреля, В. А. Афанасьев выслал подписанный контракт И. И. Гештовту, сопроводив его письмом следующего содержания: «*Дорогой Иван Иванович! Посылаю Вам счет Синицына, представляющий собою договор полка с ним о постановке к 24 августа с. г. памятника глыбы за 950 руб., причем все надписи уже включены и добавки т[аким]. о[бразом]. не будет. [...]Проект договора Вами составлен, но*

подпишу его я по получении от Вас письма с указанием на необходимость присылки договора. Затем ожидаю точную подпись, по-моему, хорошо:

"Павловским гренадерам лейб-гвардии Павловский полк. 1911 г.

26 августа 1812 г.

Здесь павловцы сражались,

Павловский гренадерский полк.

Убиты:

Подпоручик Павел Бычинский

Смертельно ранены:

Поручик Александр Баженов

Прапорщик Павел Карпов 2-й

Ранены:

Командир полковник Егор Рихтер

Капитаны: Александр Акутин, Федор Ширман 2-й

Штабс-капитаны: Роман Гавриленков, Александр Крылов

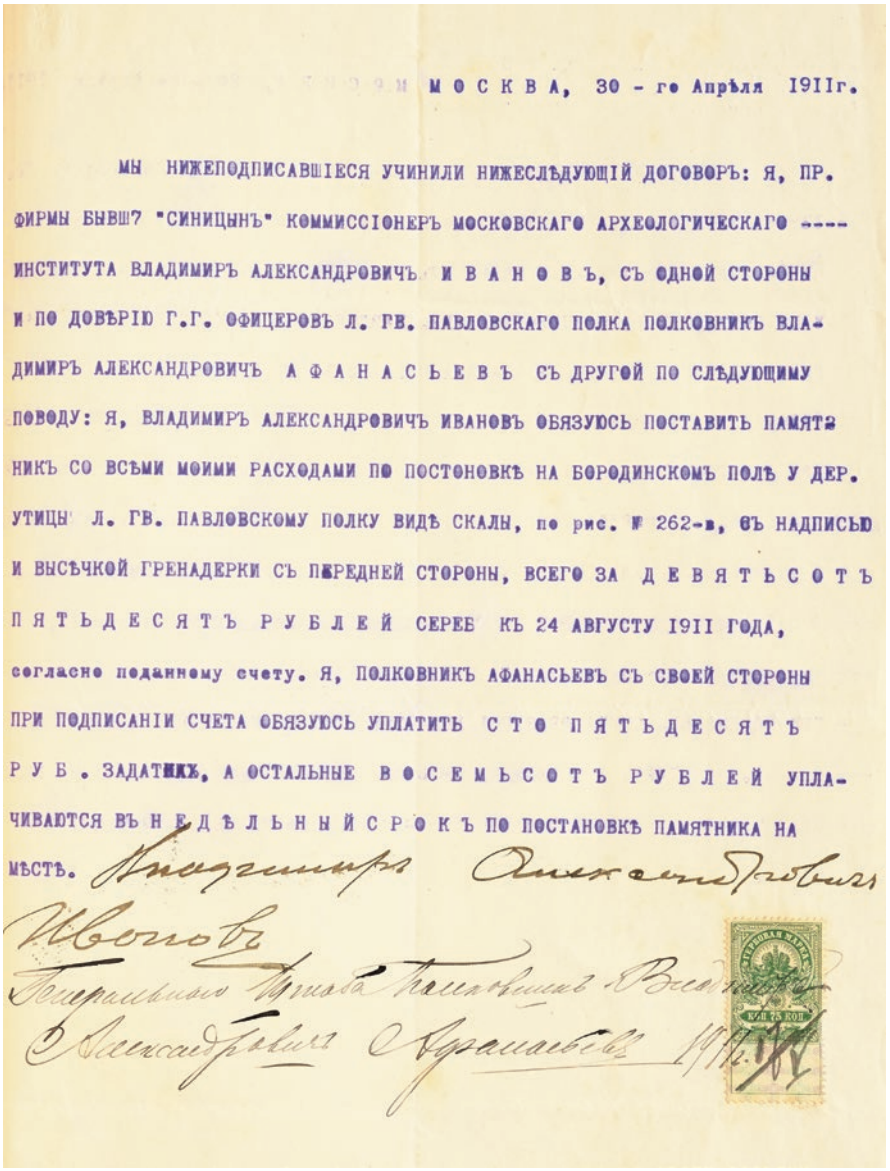
Поручики: Алексей Ащерин, Михаил Константинов

Подпоручики: Николай Акинин, Федор Хорошкевич 2-й, Иван Ступаков

Выбыло из строя нижних чинов 312, из них убито 21

Всем вечная им слава!"

P. S. Букв выходит, даже при вычеркнутых словах, около 400 [...] Деньги, кроме высланных, потребуются по установке, т. е. к 27 августа. Пожалуйте скорее утвердить надпись, не вводите новых слов, и так уж много фамилий...»[57].



МОСКВА, 30-го Апрѣля 1911г.

МЫ НИЖЕПОДПИСАВШІЕСЯ УЧИНИЛИ НИЖЕСЛѢДУЮЩІЙ ДОГОВОРЪ: Я, ПР. ФИРМЫ БЫВШ7 "СИНИЦЫНЪ" КОММИССІОНЕРЪ МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ---- ИНСТИТУТА ВЛАДИМИРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ И В А Н О В Ъ, СЪ ОДНОЙ СТОРОНЫ И ПО ДОВѢРІЮ Г.Г. ОФИЦЕРОВЪ Л. ГВ. ПАВЛОВСКАГО ПОЛКА ПОЛКОВНИКЪ ВЛАДИМИРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ А Ф А Н А С Ь Е В Ъ СЪ ДРУГОЙ ПО СЛѢДУЮЩЕМУ ПОВОДУ: Я, ВЛАДИМИРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ИВАНОВЪ ОБЯЗУЮСЬ ПОСТАВИТЬ ПАМЯТНИКЪ СО ВСѢМИ МОИМИ РАСХОДАМИ ПО ПОСТОНОВКѢ НА БОРОДИНСКОМЪ ПОЛѢ У ДЕР. УТИЦЫ Л. ГВ. ПАВЛОВСКОМУ ПОЛКУ ВИДѢ СКАЛЫ, по рис. № 262-в, СЪ НАДПИСЬЮ И ВЫСѢЧКОЙ ГРЕНАДЕРКИ СЪ ПЕРЕДНЕЙ СТОРОНЫ, ВСЕГО ЗА Д Е В Я Т Ь С О Т Ъ П Я Т Ь Д Е С Я Т Ъ Р У Б Л Е Й СЕРЕБ КЪ 24 АВГУСТУ 1911 ГОДА, согласно поданному счету. Я, ПОЛКОВНИКЪ АФАНАСЬЕВЪ СЪ СВОЕЙ СТОРОНЫ ПРИ ПОДПИСАНІИ СЧЕТА ОБЯЗУЮСЬ УПЛАТИТЬ С Т О П Я Т Ь Д Е С Я Т Ъ Р У Б . ЗАДАТКЪ, А ОСТАЛЬНЫЕ В О С Е М Ь С О Т Ъ Р У Б Л Е Й УПЛАЧИВАЮТСЯ ВЪ Н Е Д Ѣ Л Ь Н Ы Й С Р О К Ъ ПО ПОСТАНОВКѢ ПАМЯТНИКА НА МѢСТѢ.

Контракт на сооружение памятника Павловскому гренадерскому полку, заключенный В. А. Ивановым от лица фирмы «Синицын» и В. А. Афанасьевым от лица лейб-гвардии Павловского полка 30 апреля 1911 г. ВИМАИВиВС

В ответном письме В. А. Афанасьеву от 3 мая 1911 г. И. И. Гештовт писал: «*Письмо Ваше от 30 апр[еля]. получил. Вчера 2 мая послал телеграмму и выслал 200 руб. Надпись окончательно утвердили такую: «Л. Гв. П[авловский]. полк — славным предкам — Павловским гренадерам. 1812–1912». Наверху над надписью гренадерка, на другой стороне над выпиской убитых и раненых высечь рельефом Прейс[иш].-Эйлаус[ский]. крест. Напишите, сколько они за него возьмут (дорого не давайте). Под крестом надпись следующая:* (...)*

За лишние буквы платит полк — не беспокойтесь. Звезду и ока не надо ставить»[58].

Работы по сооружению памятника на Утицком кургане начались в середине мая 1911 г. 2 мая 1911 г. командир Павловского полка К. Г. Некрасов рапортовал московскому губернатору В. Ф. Джунковскому: «*Лейб-гвардии Павловский полк, озабочиваясь об увековечивании памяти участия полка в славной Отечественной войне 1812 года, решил поставить памятник на Бородинском поле на месте штыковой атаки у д. Утицы. Работы на месте установки памятника начнутся в средине сего мая, а потому прошу вашего распоряжения о содействии местных властей на случай если бы то потребовалось обстоятельствами. Руководство работами поручено Генерального штаба полковнику Владимиру Александровичу Афанасьеву»*[59].

Все основные этапы создания памятника нашли свое отражение в письмах В. А. Афанасьеву И. И. Гештовту.

25 июня 1911 г.: «*Дорогой Иван Иванович! Памятник подвигается, в первых числах июля поеду в мастерскую и окончательно разрешу высекать буквы, кот[орые]. теперь точно наводятся. Тогда же Синицын начнет кладку фундамента; на месте у Утицы были с ним вместе, и забили кол и камни, почему о постановке уже известно в округе»*[60].

* В оригинале пропуск.

2 июля 1911 г.: «*Дорогой Иван Иванович! Сейчас вернулся из мастерской Синицына, где смотрел памятник и нашел его вчерне готовым. Гренадерка выбита довольно хорошо. Надписи размечены и представляются весьма ясными, памятник весьма грандиозен, но на дворе и под навесом не имеет должного вида. Толщина скалы внизу 12 верш[ков]., в средней части 10 вер[шков]. В общем, очень солидный вид, хотя мое сердце продолжает лежать к колонне или обелиску*»[61].

23 июля 1911 г.: «*Дорогой Иван Иванович! Сегодня 23 июля В. А. Иванов будет на Бородинском поле, где в его присутствии будет заложен фундамент и начаты работы. Памятник близок к окончанию, фамилии раненых и убитых высечены, крест тоже, гренадерка готова, надписи с лицевой стороны высекаются. Иванов говорит, что он, вероятно, привезет его в первых числах августа в Бородино и временно закроет футляром [...] В августе думаю писать в Москву и просить предварить священника о порядке освящения*»[62].

4 августа 1911 г.: «*В настоящее время памятник уже стоит на месте*»[63].

10 августа 1911 г.: «*Относительно креста на оборотной стороне памятника все сделано, но только он не рельефный, а углубленный, как и вся надпись на этой стороне*»[64].

Место для постановки памятника было избрано очень удачное: на вершине холма, доминирующего над окрестностями, в наши дни, к сожалению, сильно заросшими лесом. Между тем сто лет назад от подножия монумента открывался великолепный вид на Утицу, на старую Смоленскую дорогу и окрестные поля и леса[65]. Памятник представляет собой стелу в виде суровой глыбы черного гранита, символизирующей несокрушимую стойкость павловцев в Бородинском бою. Постаментом ей служит плита из гранита песочного цвета. Общая высота памятника в первоначальном виде составляла 3,2 м (4,5 аршина), площадь основания — 0,80 × 0,45 м (18 × 10 вершков). На лицевой, грубо обработанной стороне стелы, обращенной к д. Утица, высечены барельефное изображение павловской гренадерки и надпись ««Л.-гв. Павловский полк — славным предкам павловским гренадерам. 1812–1912». Тыльная сторона памятника, обращенная к станции Бородино, отполирована. На ней изображены полковой знак павловцев — золотой Прейсиш-Эйлауский крест, и надпись: «26 августа 1812 г. в сражении при Бородине убит подпоручик Павел Бычинский, смертельно ранены поручик Александр Баженов, прапорщик Павел Карпов 2-ой. Ранены полковой командир полковник Егор Рихтер, капитаны: Александр Акутин, Федор Ширман 2-ой; штабс-капитаны: Роман Гавриленков, Александр Крылов; поручики — Алексей Ащерин, Михаил Константинов; подпоручики — Николай Акинин, Федор Хорошкевич 2-ой, Иван Ступаков. Выбыло из строя нижних чинов 312, из них убито 21». На цоколе, с правой стороны, сохранилась ясно читаемая надпись: «Работы коммиссионера Московского Археологического института Вл[адимира]. Ал[ександровича]. Иванова — Москва Мясницкая 21».

Торжество открытия и освящения памятника, намеченное на 26 августа 1911 г., явилось прологом к грандиозным юбилейным торжествам, состоявшимся на Бородинском поле год спустя. Порядок открытия был тщательно разработан музейной комиссией лейб-гвардии Павловского полка при участии В. А. Афанасьева:

«*1. К 3½ часам дня у закрытого пеленой памятника построятся согласно чертежа взводы Александровского и Алексеевского военных училищ, депутации л. гв. Павловского и л. гв. Санкт-Петербургского полков и роты 9-й и 10-й гренадерских полков, командированные на Бородинское поле и приглашенные лица.*

2. У памятника фронтом к деревне Утицы станут два уборных часовых л. гв. Павловского полка в полной парадной форме.

3. В 3 часа дня к памятнику прибывает господин Московский губернатор свиты его величества генерал-майор Джунковский и обходит фронт войск и депутации.

4. К 4-м часам дня прибывает преосвященный епископ Можайский Василий и, облачившись, приступает в сослужении духовенства села Бородина и Спасо-Бородинского монастыря к молебствию и освящению памятника.

5. По возглашении вечной памяти императору Александру 1-му и кровь свою проливших чинам Павловского гренадерского полка, преосвященным епископом Можайским памятник будет окроплен святой водой и с памятника будет снята пелена.

6. Находящиеся в строю войска берут на караул, а музыка играет "Коль славен наш Господь в Сионе"»[66].

Уже с конца июня 1911 г. центральные и местные газеты начали публиковать информационные сообщения о предстоящем торжественном открытии на Бородинском поле памятника Павловскому гренадерскому полку[67]. Сами торжества получили широкое освещение в печати, отчеты о них опубликовали практически все ведущие газеты того времени: «Новое время», «Санкт-Петербургские ведомости», «Русское слово», «Московские ведомости» и др., приславшие на Бородинское поле своих корреспондентов. Велась киносъемка этого события, журнал «Искры» (иллюстрированное приложение к газете «Русское слово») опубликовал обширный фотоочерк. Благодаря этим публикациям сегодня можно с достаточной полнотой реконструировать картину торжеств, состоявшихся 26 августа 1911 г., в день 99-летия Бородинской битвы.

В ночь на 26 августа из Москвы выехал специальный поезд с военными депутациями и лицами, приглашенными участвовать в церемонии открытия памятника. В их числе были депутация лейб-гвардии Павловского полка в составе его командира К. Г. Некрасова, 8 офицеров и 40 нижних чинов. Этим же поездом в Бородино отправились московский губернатор В. Ф. Джунковский, профессор академии Генерального штаба генерал-лейтенант

Колюбакин Б. М., хранитель музея 1812 года генерал-майор Петров В. А., полковник Афанасьев В. А., депутат от лейб-гвардии Санкт-Петербургского полка капитан Великопольский Н. Н., командированный своей частью на открытие памятника боевым товарищам-павловцам, члены комитета музея 1812 г., члены кружка ревнителей памяти Отечественной войны и две полуроты от 9-го Сибирского и 10-го Малороссийского гренадерских полков, предки которых в 1812 г. плечом к плечу с павловцами сражались на Утицком кургане.

Поезд прибыл на станцию Бородино около 7 часов утра. «*С раннего утра на тихой и безлюдной в обычное время станции Бородино было очень оживленно. В 6-м часу утра подошел к станции московский поезд. Вокзал ожил, послышались оживленные разговоры, детские голоса... Большинство прибывших отправилось с вокзала пешком к старому памятнику на бывшей батарее Раевского. В Спасо-Бородинском монастыре, несмотря на ранний час, уже кипела жизнь: спешно подавались самовары все прибывающей публике, шли усиленные хлопоты на кухне в ожидании большого числа гостей к трапезе...*»[68]. Из Петербурга, от временно исполняющего обязанности командира лейб-гвардии Павловского полка полковника Невражина Г. Н., была получена телеграмма: «*Сегодня, в день освящения на дорогом каждому русскому сердцу Бородинском поле памятника нашим героям-предкам, Павловская семья, находясь в тесном духовном единении со своими представителями, молящимися на Утицком холму, приветствует собравшихся у памятника однополчан. Да будет воздвигнутая гранитная скала новым прочным звеном, связующим нынешних павловцев со славно памятью их доблестных предков. Переживаемые нами сегодня исторические воспоминания еще более утверждают в павловских сердцах несокрушимые чувства безграничной преданности царю и родине*»[69].

Торжества должны были начаться у памятника на батарее Раевского, куда и направились прибывшие, и куда вскоре проследовал крестный ход из с. Бородино. «*Солнце выглянуло из-за туч и золотыми лучами залило бывшее поле битвы; по полям и лесу беспрерывной вереницей тянутся группы приезжих и разодетых по-праздничному крестьян окрестных деревень, направляющихся к старому памятнику. В чистом утреннем воздухе гулко раздаются отдаленные звуки военного оркестра направляющихся к памятнику на панихиду войск. Народ все прибывает, и скоро вся площадь вокруг памятника превращается в живую шевелящуюся массу. Еще больше ушло в с. Бородино, откуда должен придти крестный ход к могиле павших воинов. Звуки оркестра слышатся все яснее, и, наконец, депутация лейб-гвардии Павловского полка с торжественным маршем вступает за ограду на внутреннюю площадку памятника и выстраивается с левой стороны, имея на правом фланге двух гренадер в старинных гренадерках и форме того времени... Вскоре показывается крестный ход из с. Бородина. Раздается "Коль славен"...*»[70].

К памятнику на батарее Раевского прибыла и сводная рота «потешных», сформированная Бородинским обществом содействия военному воспитанию детей. В ее состав вошли 137 крестьянских мальчиков в возрасте от 8 до 12 лет из сел и деревень Можайского уезда. Они собрались в Бородине еще 24 августа[71]. В день торжеств, 26 августа, потешные строем пришли на батарею Раевского к 8 часов утра и были выстроены справа от памятника, получив возможность вблизи видеть всю церемонию. С двух других сторон памятника развернутым строем выстроились войска.

В 8 часов у памятника на батарее Раевского, в присутствии губернатора В. Ф. Джунковского, генерала Колюбакина Б. М., П. А. Тучкова — внука одного из братьев Тучковых, героев Бородина и других прибывших на торжества гостей началась панихида в память о павших в Бородинской битве. По ее окончании у находящейся здесь же могилы князя П. И. Багратиона была отслужена краткая лития. К 8.30 церемония окончилась, и крестный ход в сопровождении многочисленной толпы и войск, с оркестром, игравшим все время «Коль славен», направился к Спасо-Бородинскому монастырю. «*В Семеновском овраге, месте отчаянных атак маршалов Даву, Нея и Жюно, крестный ход несколько задерживается. Этим обстоятельством пользуются съехавшиеся кинематографщики. Их аппараты трещат со всех сторон...*»[72]

У Спасо-Бородинского монастыря крестный ход встречал епископ Можайский Василий с многочисленным духовенством. Соединенный крестный ход направился в монастырский храм, где была совершена литургия. По ее окончании духовенство с крестным ходом обошло монастырскую ограду, а затем всем присутствующим была предложена трапеза.

Освящение и открытие памятника Павловскому полку было назначено на 15.30. По окончании трапезы собравшиеся в одиночку и группами потянулись к Утицкому кургану. В 12 часов дня прошел сильный ливень с градом, размывший грунтовую дорогу, но это препятствие не могло остановить участников торжества. Около трех часов дня к Утицкому кургану двинулись участвовавшие в церемонии войска. На вершине кургана они выстроились «покоем», с трех сторон окружив накрытый покрывалом монумент. Фронтом к д. Утице встал взвод лейб-гвардии Павловского полка, имея на правом фланге оркестр 2-го гренадерского Ростовского полка[73], левым флангом к Утице — взводы 9-го гренадерского Сибирского и 10-го гренадерского Малороссийского полков, фронтом к лицевой стороне памятника — рота потешных. «*Форма потешных: высокие сапоги, черные брюки, рубаха защитного цвета, красный кушак и фуражка защитного цвета с красным околышем и кокардой. Вид у потешных бодрый, молодцеватый*»[74]. Здесь же собрались официальные лица, военные депутации, французский корреспондент музея 1812 года барон

Открытие памятника Павловскому гренадерскому полку на Утицком кургане 26 августа 1911 г. Московский губернатор В. Ф. Джунковский (слева) и генерал-лейтенант Колюбакин Б. М. ВИМАИВиВС

де Бай, представители комитета Бородинского общества содействия военному воспитанию детей во главе с его председателем Л. Н. Полянским.

В 4 часа прибыл епископ Можайский Василий и начал молебствие. При возглашении «вечной памяти» павшим воинам с памятника спала пелена, обнажив черную гранитную скалу, войска взяли «на караул», оркестр заиграл «Коль славен», и все присутствующие опустились на колени[75]. По окончании молебствия епископ освятил памятник и окропил войска святой водой.

Сразу после открытия памятника по обеим его сторонам встали двое часовых в исторических павловских гренадерках. Депутация лейб-гвардии Павловского полка возложила к подножию монумента венок из живых цветов, с надписью на георгиевских лентах: «Лейб-гвардии Павловский полк — Павловским гренадерам». Представитель лейб-гвардии Санкт-Петербургского полка капитан Великопольский Н. Н. возложил к памятнику венок из дубовых и лавровых ветвей, соединенных пряжкой в виде гренадерской эмблемы — пылающей «гренады», с надписью «Петербуржцы славным павловцам — соратникам Бородинского боя». В венок были вплетены белые и желтые цветы (белый — цвет Павловского полка, желтый — Санкт-Петербургского), переплетенные шелковыми лентами тех же цветов, на концах лент начертаны даты «1812» и «1912».

После возложения венков прозвучала команда «К церемониальному маршу!», и войска начали перестраиваться для прохождения. Командовал парадом полковник лейб-гвардии Павловского полка Гештовт И. И., принимал парад генерал-лейтенант Колюбакин Б. М. Под звуки оркестра войска проходили мимо памятника в направлении исторической атаки павловцев в Бородинском бою — в сторону д. Утицы. Первым своим традиционным маршем «на руку» продефилировал взвод лейб-гвардии Павловского полка. На его правом фланге шел командир полка генерал-майор Некрасов К. Г., на левом — все присутствующие офицеры полка. За павловцами проследовали полуроты 9-го Сибирского и 10-го Малороссийского гренадерских полков по главе с командиром малороссийцев полковником Гореловым М. Г., а за ними — потешные Можайского уезда, на правом фланге которых шел московский губернатор В. Ф. Джунковский.

По окончании церемониального марша войска заняли прежние места, и полковник Афанасьев В. А. в кратких словах рассказал собравшимся об участии Павловского полка в Бородинском сражении, закончив свою речь словами о том, что кровь с честью погибших воинов никогда не забудется. Затем выступил командир лейб-гвардии Павловского полка К. Г. Некрасов, напомнивший о том «*как почти сто лет тому назад наши предки были готовы*

без различия пола, возраста и состояния жертвовать жизнью и имуществом за спасение веры, царя и родины от Великой армии двадцати народов под начальством военного гения Наполеона», и что «*в случае, ежели Господу Богу угодно будет послать нам подобные испытания, у нас есть верное, испытанное средство встать всем, как одному и, не жалея жизни, биться до последнего за веру, царя и родину; умереть, но победить*»[76]. Обратившись к потешным, К. Г. Некрасов указал на знаменательное совпадение первого дня их вступления в строй с днем открытия памятника и пожелал, «*чтобы день этот навсегда резко запечатлелся в их детских умах и сердцах, как резко выгравированы надписи на этом памятнике*»[77].

После этой речи К. Г. Некрасов передал памятник в ведение гражданских властей. Принимая памятник, В. Ф. Джунковский обратился к волостному старшине и старосте д. Утицы со словами уверенности в том, что население, со своей стороны, примет меры к сохранению памятника в должном порядке, и что местные власти всегда будут заботиться о поддержании его в надлежащем состоянии. Владелице земли на Утицком кургане, безвозмездно предоставившей участок под памятник, Л. С. Никитиной[78], вместе с дочерью приехавшей на торжества из Серпухова, К. Г. Некрасов преподнес от имени полка букет цветов[79].

Церемония завершилась многократным «ура». «*Музыка заиграла “Боже, царя храни”, повторенное три раза, и громкое “ура” войск слилось с таковым же большой толпы народа, собравшегося с окрестных селений*»[80]. В шестом часу вечера пришедший на станцию Бородино поезд забрал иногородних гостей, проведших весь день на поле Бородинской битвы. На этом первые торжества на Бородинском поле, связанные с приближающейся 100-летней годовщиной Отечественной войны 1812 г., завершились.

В. А. Иванов у памятника Павловскому гренадерскому полку. 1957 г. ВИМАИВиВС

Клеймо изготовителя на цоколе памятника Павловскому гренадерскому полку. Фото М. В. Губаревой. 2024 г.

Установка и открытие памятника Павловскому гренадерскому полку стали своеобразной репетицией празднования юбилея войны с Наполеоном. В ходе создания этого монумента впервые на практике отрабатывались вопросы взаимодействия военных и гражданских структур в рамках подготовки к масштабным торжествам, состоявшимся в 1912 г., и в том числе в части сооружения воинских мемориалов на Бородинском поле.

Говоря об авторстве памятника, следует признать, что бытовавшее до сих пор мнение о том, что его создателем является А. П. Верещагин, бездоказательно и ошибочно. Исходя из имеющихся на сегодняшний день сведений, ответ на вопрос об авторстве памятника Павловскому гренадерскому полку корректно было бы сформулировать следующим образом: данный памятник сооружен В. А. Ивановым по рисунку полковника лейб-гвардии Павловского полка Гештовта И. И.

[1] В некоторых публикациях эта фирма ошибочно именуется «Синицын и К°».
[2] В 1911–1913 гг. на Бородинском поле было установлено 36 памятников, из них 14 — фирмой «Синицын»
[3] АВИМАИВиВС. Ф. 52. Оп. 110/32. Д. 4.
[4] История лейб-гвардии Павловского полка. 1790–1890. Ч. I / сост. П. Вороновым и В. Бутовским; Ч. II / сост. И. Вальбергом и Н. Кареповым. СПб.: [б. и.], 1890. С. 84–85.
[5] Там же. С. 83.
[6] РГВИА. Ф. 3670. Оп. 1. Д. 560. Л. 633, 633 об.
[7] АВИМАИВиВС. Ф. 52. Оп. 110/32. Д. 4. Л. 1.
[8] РГВИА. Ф. 2581. Оп. 2. Д. 422. Л. 12.
[9] В. А. Афанасьев служил в лейб-гвардии Павловском полку в 1893–1899 гг.; в 1900–1901 гг., после окончания академии Генерального штаба, отбывал в Павловском полку цензовое командование ротой. С 1910 г. занимал должность заведующего передвижением войск по железным дорогам и водяным путям Московско-Брестского района.
[10] АВИМАИВиВС. Ф. 52. Оп. 110/32. Д. 4. Л. 1.
[11] В справочнике «Населенные местности Московской губернии» издания 1911 г. показана «усадьба В. С. Никитина, при деревне Утицах», располагавшаяся в 4 верстах от станции Бородино (Населенные местности Московской губернии. Приложение к «Памятной книжке Московской губернии» на 1912 год. Издание Московского столичного и губернского статистического комитета под редакцией Б. Н. Пенкина. М., 1911. С. 336).
[12] АВИМАИВиВС. Ф. 52. Оп. 110/32. Д. 4. Л. 1.
[13] Там же.
[14] В справочнике «Вся Москва» за 1910 г. Синицын Александр Ильич значится в числе производителей памятников. Указаны его адреса проживания: Мясницкая ул., дом Художественного общества, и Московский уезд, Хорошевская волость, у Ваганьковского кладбища. А. И. Синицын указан также в числе производителей памятников в «Иллюстрированном торгово-промышленном адресном альбоме г. Москвы на 1910 год» (С. 37).
[15] В полной мере взаимоотношения А. И. Синицына и В. А. Иванова еще не выяснены. В разных источниках В. А. Иванов называет себя представителем фирмы «Синицын» или совладельцем фирмы «Синицын».
[16] ЦГАМ. Ф. 376. Оп. 1. Д. 1484. Л. 1.
[17] Комиссионер — поверенный, посредник в торговых сделках, исполняющий торговые поручения за определенные проценты. Комиссионер Московского археологического института — это лицо, выполняющее коммерческие поручения данного учреждения. Данный род деятельности никак не связан с производством памятников.
[18] РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 116. Л. 77, 77 об.
[19] АВИМАИВиВС. Ф. 52. Оп. 110/32. Д. 4. Л. 1, 38, 39.
[20] Там же. Л. 1, 39.
[21] Там же. Л. 1 об., 38.
[22] Там же. Л. 1.
[23] Там же. Л. 2, 8.
[24] Там же. Л. 2. За боевые заслуги лейб-гвардии Павловский полк единственным в русской армии имел право проходить при церемониальном марше с ружьями в положении «на руку», т. е. наперевес.
[25] Там же. Л. 8. Николай Иванович Кравченко (1867–1941) — популярный в начале XX в. художник-баталист.
[26] Там же. Л. 2, 8.
[27] Там же. Л. 21.
[28] Там же. Л. 2, 8.
[29] Там же. Л. 3, 9.
[30] Там же. Л. 2, 8.
[31] Там же. Л. 2 об., 8 об.
[32] РГВИА. Ф. 2581. Оп. 2. Д. 262. Л. 144.
[33] АВИМАИВиВС. Ф. 52. Оп. 110/32. Д. 4. Л. 18 об.
[34] Там же. Л. 38, 39.
[35] Там же. Л. 15.
[36] Там же, Л. 42.
[37] Там же. Л. 18 об.
[38] Ашик В. А. Памятники и медали в память боевых подвигов русской армии в войнах 1812, 1813 и 1814 годов и в память императора Александра I. СПб, 1913. С. 20; Педашенко С. А. Памятники императору Александру I, а также героям и событиям Отечественной войны 1812 года. Издание кружка ревнителей памяти Отечественной войны 1812 г. М., 1912. С. 34
[39] Афанасьев В. А. Павловцы на Бородинском поле 26 августа 1812 года. М., 1912. С. 36.
[40] Иванов В. А. Фотоальбом «В связи со 145-летием Бородинского сражения. 1812–1957 гг.». ВИМАИВиВС ИДФ 3791.
[41] Там же.
[42] Речь идет о памятниках 12-й и 23-й пехотным дивизиям.
[43] «Козловская газета». 1912. № 67 от 19 августа; РГВИА. Ф. 2723. Оп. 1. Д. 167. Л. 30, 34. До выхода в свет данной публикации авторство этого памятника ошибочно приписывалось А. П. Верещагину.
[44] Ашик В. А. Памятники и медали в память боевых подвигов русской армии... С. 328.
[45] АВИМАИВиВС. Ф. 52. Оп. 110/32. Д. 4. Л. 18 об.
[46] Сам проектный рисунок № 262-в пока не выявлен.
[47] АВИМАИВиВС. Ф. 52. Оп. 110/32. Д. 4. Л. 20.
[48] Там же. Л. 46–47.
[49] Там же. Л. 46.
[50] Там же. Л. 4.
[51] Там же. Л. 19.
[52] Там же. Л. 18 об.
[53] Точный смысл и порядок нумерации, присваивавшейся памятникам фирмой «Синицын», пока не установлены.
[54] АВИМАИВиВС. Ф. 52. Оп. 110/32. Д. 4. Л. 48.
[55] В тексте контракта («условия») эта фирма названа «бывшей “Синицын”». Косвенно это может подтверждать версию о том, что В. А. Иванов к этому времени являлся ее совладельцем.
[56] АВИМАИВиВС. Ф. 52. Оп. 110/32. Д. 4. Л. 15.
[57] Там же. Л. 51–52 об.
[58] Там же. Л. 18.
[59] ЦГАМ. Ф. 17. Оп. 89. Д. 57. Л. 2; РГВИА. Ф. 2581. Оп. 2. Д. 506. Л. 59.
[60] АВИМАИВиВС. Ф. 52. Оп. 110/32. Д. 4. Л. 55, 55 об.
[61] Там же. Л. 57.
[62] Там же. Л. 58, 58 об.
[63] Там же. Л. 60.
[64] Там же. Л. 62, 62 об.
[65] Московские ведомости. 1911. 28 августа.
[66] РГВИА. Ф. 2605. Оп. 1. Д. 345. Л. 7 об.; АВИМАИВиВС. Ф. 52. Оп. 110/32. Д. 4. Л. 13–14.
[67] См., например: Новое время. 1911. 26 июня (9 июля); Варшавский дневник. 1911. 28 июня (11 июля); Новое время. 1911. 25 августа (7 сентября).
[68] Московские ведомости. 1911. 28 августа.
[69] АВИМАИВиВС. Ф. 52. Оп. 110/32. Д. 4. Л. 5.
[70] Московские ведомости. 1911. 28 августа.
[71] Земщина. 1911. 2 сентября.
[72] Накануне юбилея Бородинской битвы // Русское слово. 1911. 27 августа (9 сентября).
[73] В 1812 г. — гренадерский графа Аракчеева полк.
[74] Земщина. 1911. 2 сентября.
[75] Ашик В. А. Памятники и медали в память боевых подвигов русской армии. С. 19–20.
[76] Открытие памятника на Бородинском поле л.-гв. Павловским полком // Разведчик. 1911. № 1095. С. 673. Авторство данной статьи, подписанной как «Пехотинец», принадлежит капитану лейб-гвардии Павловского полка Сапожникову Л. Н.
[77] Там же.
[78] В некоторых газетных публикациях того времени Л. С. Никитина ошибочно названа «крестьянкой».
[79] В своем письме Л. С. Никитиной от 5 апреля 1911 г. К. Г. Некрасов от имени полка благодарил ее за проявленное великодушие в следующих словах: «Милостивая государыня! Лейб-гвардии Павловский полк получил уведомление, что вы безвозмездно уступили место под постановку памятника, который полк заказывает к юбилею славной Отечественной войны 1812 года. Означенный дар полк ценит как высокое проявление чувств любви к родине и к армии, и, кланяясь славной русской женщине, приносит свою благодарность» (РГВИА. Ф. 2581. Оп. 2. Д. 506. Л. 33).
[80] Открытие памятника на Бородинском поле л.-гв. Павловским полком // Разведчик. 1911. № 1095. С. 673.

К. А. Павлов

Мой дед — генерал-майор артиллерии Павлов Александр Федорович

Молись богам войны — артиллеристам
Владимир Высоцкий

САША ПАВЛОВ, ровесник бурного XX века, родился в Санкт-Петербурге, в простой семье питерского дворника Федора Михайловича и домохозяйки Матрены Лаврентьевны Павловых, выходцев из Рязанской губернии.

Жизнь не баловала мальчика с ранних лет: он окончил лишь 4 класса начальной школы, когда погиб на работе в результате несчастного случая его отец и ему пришлось как старшему сыну стать кормильцем многодетной семьи. Ему помогли выправить новую метрику, с добавлением к его реальному возрасту 5 лет, для официального оформления на работу. Саша начал зарабатывать средства к существованию семьи нелегким трудом разнорабочего у немецкого булочника, потом — на производстве фирмы Фаберже, потом — у хозяина Панкратова и, наконец, он устроился слесарем на Балтийский завод.

Годом раньше в пригороде Санкт-Петербурга, Удельной, родился другой мальчик — Коля Воронов, ставший позднее «ангелом-хранителем» моего деда; они еще долго не были знакомы — встретятся лишь через почти два десятка лет, уже в Сибири.

Осенью 1916 г., по достижении, согласно документам, 21-летнего возраста призыва на флот (фактически же — 16-летним подростком) Александр был зачислен кананиром на крейсер в составе 1-го Гвардейского флотского экипажа Императорского Балтийского флота (Кронштадтский рейд). Это определило весь его последующий боевой путь — 40 лет службы в артиллерии (1918–1958 гг.).

После Октябрьской революции перед моим дедом не стоял вопрос, как жить и кому служить дальше — с 1 января 1918 г. матрос А. Ф. Павлов записался в новую, Красную армию и, сойдя на берег

Саша Павлов с мамой. Санкт-Петербург. 1913 г.

по приказу революционного командования вместе с частью команды своего корабля, преобразованной в морскую пехоту, он, братишка, краса и гордость

Краском Павлов А. Ф. (слева). Начало 1920-х гг.

революции, участвовал в составе Первого берегового отряда Балтфлота в наведении порядка в Петрограде. Много позже, в 1967 г., к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции, генерал Павлов был награжден орденом Красной Звезды как один из активных участников революционных боев 1917–1918 гг.

К лету 1918 г. закаленные в петроградских боях братишки понадобились там, где республике Советов приходилось тяжелей всего — на Урале; их отправили воинскими эшелонами отражать атаки белочехов и белогвардейцев под командованием опытных строевых царских командиров и атаманов, таких как адмирал Колчак и генерал Пепеляев, уже начавших занимать восточные районы Екатеринбурга.

Вечером 14 июля 1918 г. А. Ф. Павлов, начальник разведки 2-го артдивизиона 2-й бригады в составе прославленной 21-й Пермской дивизии ворвался с боями в Екатеринбург с запада.

Покинув очищенный от остатков белых город, 21-я Пермская дивизия двинулась на восток, сокрушая вражеские войска на территории Сибири. В это время в судьбе еще молодого, но уже опытного и закаленного в боях артиллериста краскома Павлова А. Ф. обозначился будущий серьезный карьерный рост. В эти суровые дни судьба впервые свела его с будущим создателем новой, несокрушимой советской артиллерии, предопределившей коренной перелом не только в грандиозной Сталинградской битве, но и в ходе Великой Отечественной войны в целом. Будущий Главный маршал артиллерии Воронов Николай Николаевич по достоинству оценил потенциал моего деда, который в недалеком будущем под его командованием станет генерал-майором артиллерии, комдивом-7 и комкором-9 РГК и далее, под руководством его достойного преемника Главного маршала артиллерии Неделина М. И., участником создания ракетно-ядерного щита СССР, а также одним из создателей новой ракетной системы ПВО С-75, поразившей над Свердловском американский высотный самолет-разведчик У-2 летчика Пауэрса.

Главный артиллерист Красной армии смело назначал моего деда-артиллериста на высокие командные должности и оказывал земляку неоценимую поддержку в сложных жизненных ситуациях. А 28-го марта 1968 г. генерал-майор Павлов не смог сдержать слез, получив известие о кончине Главного маршала, — я оказался тому свидетелем.

Нелишне упомянуть, что дед был в 1920–1930-е гг. дважды (!) исключен из партии (за характер), что, без высокой поддержки, могло бы окончиться для него трагически. Окончательно и бесповоротно дед стал членом КПСС в 1942 г. под Сталинградом (негоже было оставаться комдиву беспартийным).

После окончания Гражданской войны дед мой «впрягся» в службу в СибВО — это было всерьез и надолго. Присвоение ему новых званий сопровождалось должностным ростом и овладением всеми премудростями артиллерийских наук, одновременно с приобретением серьезных командно-волевых качеств. Окончив в мае 1935 г. артиллерийские курсы усовершенствования командного состава в Детском Селе (под Ленинградом), А. Ф. Павлов вернулся в Новосибирск для вступления в новую должность — начальника 3-го отделения Управления начальника артиллерии СибВО и 4 года провел на штабной работе. Судя по количеству написанных на него в тот период доносов, работал он ответственно, не давая спуску бездельникам, очковтирателям и казнокрадам на теплых штабных местах. А доносы-то эти

оборачивались против самих доносителей.

Однажды против деда моего была устроена серьезная провокация: во время одной из командировок в Москву А. Ф. Павлов ехал в поезде в купе с сослуживцем по штабной работе, в разговорах с которым (после дружеского застолья) излишне критиковал начальство (вплоть до самого высокого!). Лубянский следователь, к которому дед был вызван (в связи с поступившим очередным доносом), показал заявление этого сослуживца-попутчика (с обвинениями врага народа Павлова в оскорблениях тт. Сталина, Ворошилова и других высших руководителей). После этого следователь посоветовал деду знать, с кем пить (тем более, из числа таких вот подлецов) и чего не болтать в нетрезвом виде.

Командир артиллерийского полка 1-й стрелковой Московской Пролетарской дивизии Воронов Н. Н. 1930 г.

Майор Павлов А. Ф. СибВО. Вторая половина 1930-х гг.

Надо полагать, такое доверие майору (всего лишь) Павлову было отказано не без заступничества высокого покровителя — командарма 1-го ранга Воронова Н. Н.

В июне 1942 г. полковник Павлов, начарт 178-й стрелковой дивизии, оказался на фронте (сначала на Западном, потом — Калининском). Это была одна из сибирских дивизий, переломивших зимой 1941/1942 гг. ход Московской битвы и добивших к лету 1942 г. остатки немецких дивизий под Москвой.

А враг, не взяв столицу СССР и потерпев серьезное поражение с утратой шансов добиться успеха на Центральном участке линии фронта, вдруг нанес удар южнее. Сталинград! Свыше 80% территории превращенного в руины авиацией и тяжелой артиллерией врага огромного города, как и 3 из 4-х склонов господствующего над полем битвы Мамаева кургана были заняты немецкими и союзными им войсками. Гитлеру казалось, что отдельные очаги сопротивления Красной Армии вот-вот будут подавлены и остатки ее обороняющихся из последних сил дивизий будут рассеяны, сброшены в Волгу, уничтожены...

Однако истерзанная, но не сломленная страна, ее армия и народное хозяйство исподволь готовили мощнейшее контрнаступление! Наша великая Родина в самое тяжелое время войны смогла не только сдержать неуклонное продвижение превосходящих сил противника. Было развернуто, во второй половине 1942 г., на востоке страны, на базе эвакуированных промышленных и сельскохозяйственных предприятий, узлов связи и управления, учебных заведений и других важных объектов военное производство и начато формирование новых воинских соединений, в том числе, одиннадцати новых элитных артиллерийских дивизий со снабжением их всем необходимым: людьми, вооружением и боеприпасами, транспортными средствами, обмундированием и продовольствием. Командовать одной из них — 7-й артиллерийской дивизией Резерва Главнокомандования (РГК) и было приказано 17 ноября 1942 г. (за 2 дня до начала стратегической наступательной операции «Уран») полковнику Павлову А. Ф. Полностью сформированное и укомплектованное им в боевых условиях, первоначально на базе всего лишь двух артполков (1092-го и 213-го) мощное боеспособное соединение из шести бригад 2–3-полкового состава получило дополнительное название «дивизия прорыва». Отныне 7-я артиллерийская дивизия прорыва Резерва Главнокомандования (7-я адп РГК) вошла в состав артиллерийской элиты и основной ударной силы Красной армии, предназначенной, главным образом, для уничтожения танков противника, а также его инженерных сооружений, артиллерии, крупных транспортных средств, скоплений пехоты и даже низколетящих воздушных целей.

Перед назначением комдивом-7 дед был вызван в Кремль к Сталину, который не только напомнил ему, что бывает с теми, кто не выполняет приказов Главнокомандования и отступает перед натиском врага, но и обещал обеспечить самому командиру возможность жестоко карать паникеров, трусов и предателей в собственной дивизии. Уже на фронте полковнику Павлову был вручен прибывшим особый мандат, подписанный Сталиным — мандат на право расстрела любого человека в зоне ответственности

Ветеран 7-й артиллерийской дивизии прорыва РГК полковник в отставке В. И. Колесов. 2019 г.

своей дивизии без суда и следствия, с освобождением от всякой за это последующей ответственности. И это была не блажь «параноика», «кровожадного тирана» — перед Красной армией и самим государством встал тогда гамлетовский вопрос: «to be or not to be», — и июльский Приказ № 227 («ни шагу назад!» не должен был остаться формально грозным, но не всеми реально осознанным документом.

На долю 7-й адп РГК выпала неимоверно трудная задача поддержки артогнем наступления частей Донского фронта генерал-лейтенанта Рокоссовского К. К., а после прорыва немецкой обороны — создания противотанкового заслона и отражения контратак, с применением значительного количества танков, генерал-фельдмаршала Эриха фон Манштейна, группа армий «Дон» которого должна была, в рамках операции «Зимняя гроза», спасти окруженную в Сталинграде 6-ю армию Паулюса. Однако войскам Манштейна не удалось ударами танковых клиньев прорвать нашу оборону. 7-я адп РГК, вместе с другими артиллеристами выстояла, продемонстрировав образцы мужества и стойкости, хотя и понесла тяжелые потери.

Победа в Сталинградской битве добыта во многом благодаря полководческому таланту представителя Ставки, координировавшего действия трех фронтов и всей артиллерии, — маршала артиллерии Воронова Н. Н., которому Сталин поручил принять, вместе с генерал-полковником Рокоссовским К. К., капитуляцию у новоиспеченного фельдмаршала Паулюса.

Выдающийся советский писатель-фронтовик Юрий Бондарев сумел в своем романе «Горячий снег» (по мотивам которого в СССР был снят одноименный фильм) правдиво описать операцию «Малый Сатурн», проводившуюся 3-й Ударной армией генерала Лелюшенко. Сам автор принимал участие в той битве в должностях командира орудия и взвода, поэтому талантливая книга (и мастерски поставленный фильм) заставляют не только содрогнуться от ужасов войны, но и проникнуться гордостью за то, что совершили наши артиллеристы в те страшные дни зимы 1942–1943 гг. под Сталинградом. Именно так и сражались воины 7-й адп РГК под командованием полковника Павлова А. Ф., моего деда.

Сегодня среди нас живет последний боец 7-й адп РГК полковник артиллерии Колесов Виталий Иванович, которому скоро исполнится 101 год. Он, как и Юрий Бондарев, командовал под Сталинградом орудием и видел моего деда, приехавшего на позиции дивизии и заглянувшего проверить готовность

Командир 7-й артиллерийской дивизии прорыва РГК генерал-майор артиллерии Павлов А. Ф. Май 1944 г.

тяжелой пушки-гаубицы МЛ-20 лейтенанта Колесова. Виталий Иванович рассказал мне, что стояли тогда крепкие морозы, и они все были в тулупах, а полковник Павлов ходил в легком плаще с четырьмя «шпалами» в петлицах. «Крепкий же мужик наш комдив», — подумалось тогда молодому лейтенанту.

Два года назад начальник музея Боевой славы Урала в Екатеринбурге полковник Конов Сергей Анатольевич, сказал так: «Под Сталинградом воевали четверо известных Павловых: сержант Яков Павлов, командир небольшой группы бойцов, оборонявших осенью 1942 г. (дольше, чем вся французская армия в 1940 г. всю свою огромную страну) четырехэтажный жилой дом (дом Павлова) на площади Ленина, в центре Сталинграда, ставший символом героической обороны города на Волге; сержант Иван Павлов (будущий духовник трех Патриархов, один из наиболее почитаемых русских старцев, архимандрит Кирилл), оборонявшийся на подступах к городу и потом участвовавший в освобождении Европы, вплоть до Венгрии, который обратился после ужасов войны ко служению Богу; командующий 6-й армией вермахта генерал танковых войск Фридрих Паулюс, отказавшийся застрелиться после присвоения ему Гитлером фельдмаршальского звания, признавший преступность нацистского режима и не принявший предложения преподавать у нас стратегию и тактику, ответив: «Вы настолько лучше меня в этом разбираетесь, что я могу лишь обучать ваших денщиков правильно чистить сапоги»; командир 7-й адп РГК полковник Александр Павлов».

В 1943–1945 гг. 7-я адп РВГК генерал-майора артиллерии (с осени 1943 г.) Павлова А. Ф. прошла с боями немалый славный боевой путь, освобождая от немцев и их союзников города и села СССР, в том числе, Украины (Запорожье, Донбасс, Одессу и другие районы), а также Молдавии, Румынии и Болгарии, неся свободу и радость советским людям и народам стран Восточной Европы. В истории этой дивизии отсутствуют моменты, в которые она бы отступала, хотя вела бои с отборными танковыми дивизиями генералов Гудериана и Гота, Манштейна и Вильденбруха. Однако то, что вытворяют ныне освобожденные нами от фашизма соседние страны и их народы, приводит к необходимости прояснить два вопроса: зачем же мы тогда их освободили и помогли им жить лучше нас самих; как нам с ними соседствовать в будущем?

Ответ на первый, риторический вопрос очевиден, но история сослагательного наклонения не признает — она может лишь научить не повторять прошлых фатальных ошибок; на вопрос № 2 ответа пока нет, но он не может быть не сформулирован предельно жестко, чтобы оградить Россию от развития по схожему сценарию в недалеком будущем и не выглядеть нам совсем уж малахольными в глазах затаившихся, в очередной раз, наших лютых ворогов.

22 июня 1944 г. началась Свирская битва — часть наступления левого крыла Карельского фронта в рамках 4-го Сталинского удара, с целью разгрома Финляндии, самого боеспособного союзника Германии. Быстрая (менее чем за месяц) победа над финской армией была по достоинству оценена Сталиным: комфронта генерал армии Мерецков был позднее удостоен звания Маршала Советского Союза; 7-я адп РВГК, сыгравшая важную роль в обеспечении успешного форсирования Свири в районе

Командир 9-го артиллерийского корпуса прорыва РГК Павлов А. Ф. Конец 1944 г.

Главный маршал артиллерии Воронов Н. Н. и генерал-майор артиллерии Павлов А. Ф. на смотре боевой техники 9-го артиллерийского корпуса прорыва РГК. Март 1945 г.

Лодейного Поля, стала Краснознамённой, а комдив-7 Павлов был повышен в должности до комкора и позднее принял командование 9-м артиллерийским корпусом прорыва РВГК (9-м акп РГК).

Об особых заслугах генерала Павлова и его дивизии свидетельствуют два факта.

Мерецков был сначала против наступления в этом районе из-за наличия водохранилища Нижне-Свирской ГЭС, резким сбросом воды из которого финны могли утопить все наши наступающие во время форсирования реки части; но разработанная Генштабом дополнительная операция с привлечением 7-й адп РГК (а Н. Н. Воронов поручился именно за моего деда и его дивизию) позволила эффективно решить сложнейшую задачу.

Хотя 7-я адп РГК в тот момент и находилась под Тирасполем, восстанавливая силы после участия в освобождении Одессы и готовясь к очень крупной и важной Ясско-Кишиневской операции, но выполнение задания в Лодейном Поле было поручено именно ей, несмотря на то, что для этого пришлось срочно перебрасывать огромную массу личного состава, орудий и всех служб дивизии на расстояние около 2000 км!

7-я адп РГК генерала Павлова в рекордно короткие сроки передислоцировалась на берега Свири, скрытно, переиграв вражескую разведку, выгрузилась из эшелонов, заняла удобные позиции и неожиданно для противника нанесла мощные артиллерийские удары по шандорным затворам плотины ГЭС, вызвав спокойный, а не обвальный сброс воды из водохранилища. После этого началась десантно-штурмовая

Памятный знак, посвященный подвигам 7-й артиллерийской дивизии прорыва РГК в Лодейном Поле. 2023 г.

Главный маршал артиллерии Воронов Н. Н.

операция (форсирование Свири) — сложнейшая, но уже без возможности создания противником «речного цунами» во время переправы штурмовых групп на вражеский берег. В Лодейном Поле, к 80-летию начала Свирской битвы, торжественно открыт памятный знак на Аллее Героев, напоминающий о роли 7-й адп РГК под командованием моего деда в обеспечении успешного форсирования Свири.

Ну, а в Венгрии комкору-9 Павлову, временно ставшему вновь комдивом-7 на направлении главного удара немецких танков, пришлось очень тяжело. 6 марта 1945 г., когда 1-й Белорусский и 1-й Украинский фронты маршалов Жукова и Конева уже готовились к победному штурму Берлина, Германия, собрав последние силы в кулак, нанесла сокрушительный удар на южном фланге линии фронта — по 3-му Украинскому фронту Ф. И. Толбухина. Эта операция, оказавшаяся для нас последним неприятным немецким «сюрпризом», была задумана самим Гитлером, который контролировал детали ее разработки и лично ею руководил. В бой со стороны врага были брошены мощные силы, включая передислоцированную из-под Арденн 6-ю немецкую танковую армию СС, имевшую в своем составе несколько батальонов новейших сверхтяжелых танков Тигр-II («Королевский Тигр»), борьба с которыми с применением лишь штатного орудийного парка оставляла 7-й адп РВГК мало шансов на победу.

Командующий артиллерией 3-го Украинского фронта генерал-полковник артиллерии Неделин М. И. (в центре) с командирами подчиненных артиллерийских соединений. Стоит за ним — комкор-9 генерал-майор артиллерии Павлов А. Ф. Июнь 1945 г.

Генерал-майор артиллерии Павлов А. Ф. Конец 1950-х гг.

Александр Федорович Павлов с внуком Костей. Начало 1970-х гг.

Оценив ударную мощь противника, дед обратился к Н. Н. Воронову с просьбой серьезно усилить боевые порядки своей дивизии. Тогда балтийца-артиллериста поддержал своей орудийной мощью Балтфлот. «Главный моряк» — главком ВМФ адмирал Кузнецов Н. Г., уважив просьбу «главного артиллериста» — начальника ГАУ маршала Воронова Н. Н., приказал снять орудия особой и большой мощности с полузатопленного на Кронштадтском рейде линкора «Марат» (знакомого деду еще как царский «Петропавловск»), которые были оперативно доставлены в расположение 7-й адп РВГК и решили исход сражения в пользу фронта Толбухина, лишив немцев возможности выхода в тыл наступающим на Берлин советским войскам. А Н. Н. Воронов прибыл на позиции комдива Павлова, чтобы лично присутствовать при выборе орудийных позиций, заодно оценив техсостояние уникальных пушек. Доверяй, но проверяй!

Во время Балатонского сражения дед был замечен командующим артиллерией 3-го Украинского фронта Митрофаном Ивановичем Неделиным, будущим Главным маршалом артиллерии, создателем и первым Главкомом РВСН, назначившим в 1949 г. А. Ф. Павлова начальником штаба ракетного полигона Капустин Яр, введя его в узкий круг создателей ракетно-ядерного щита СССР.

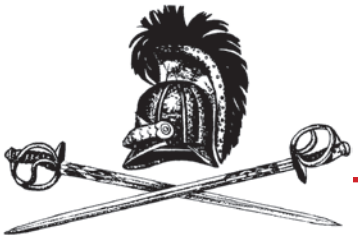
Перед выходом в отставку в 1958 г. дед, в середине 1950-х гг., служил на Урале — сначала заместителем командующего артиллерией УрВО, а затем заместителем начальника МПВО (в системе МВД). В то, что 1 мая 1960 г. над Свердловском был сбит американский высотный самолет-разведчик У-2 летчика Пауэрса, вложена и доля труда моего деда.

Я объехал пол-России по местам службы моего деда — от Балтийска до Новосибирска, организовав два десятка музейных трендов его памяти: дед мне дорог не только как настоящий герой своего времени, человек с обычной биографией в необычное время, герой Великой Отечественной войны и послевоенных лет, генерал и комкор, крупный военачальник мирного времени, но и как человек, заменивший мне отца, меня воспитавший и вырастивший. А гордиться своим дедом мне наказал, незадолго до кончины, сам Николай Николаевич Воронов, на последнюю свою встречу с которым прихватил меня дед.

В заключение хотелось бы сказать пару слов еще о двух людях. Моя бабушка, жена, верная опора и подруга деда, была нарышкинских (да-да, тех самых!) кровей, что, возможно, и предопределило особое отношение к моему деду не раз упомянутого мною Главного маршала артиллерии, также имевшего дворянское происхождение.

Фронтовой друг и сослуживец деда, в молодости офицер-артиллерист, позднее чекист, полковник МГБ Урбанович Владислав Андреевич обеспечивал точную разведку целей, которые необходимо было уничтожать элитной артиллерийской дивизии (позднее — корпусу) моего деда. Они с дедом были, что называется, не разлей вода, и на войне, и в мирное время, и при этом крепко дружили семьями.

Мне есть о чем рассказать своим детям и внукам, да и всем интересующимся нашим недавним славным прошлым и его настоящими героями.



В. В. Незговорова

Церковь лейб-гвардии Саперного батальона во имя святых бессребреников Косьмы и Дамиана

КАЖДЫЙ ДЕНЬ сотни людей входят в вестибюль станции метро «Чернышевская» и выходят из него, спешат по своим делам и не ведают, что когда-то на этом месте возвышалась церковь с изящной главкой над куполом, а перед ней, со стороны Кирочной улицы, простирал крылья огромный бронзовый двуглавый орел, на постаменте красовалась надпись: «ПОДВИГАМЪ ЛЕЙБ-ГВАРДІИ САПЕРНАГО БАТАЛІОНА».

Статья посвящена истории церкви лейб-гвардии Саперного батальона и основана на материалах из собрания батальонного музея, хранящихся в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи.

Начало храма восходит к первой трети XVIII в., когда в Литейной части был «устроен госпиталь для артиллерийских чинов»[1]. Церковь в то время находилась при госпитале и не имела собственного здания.

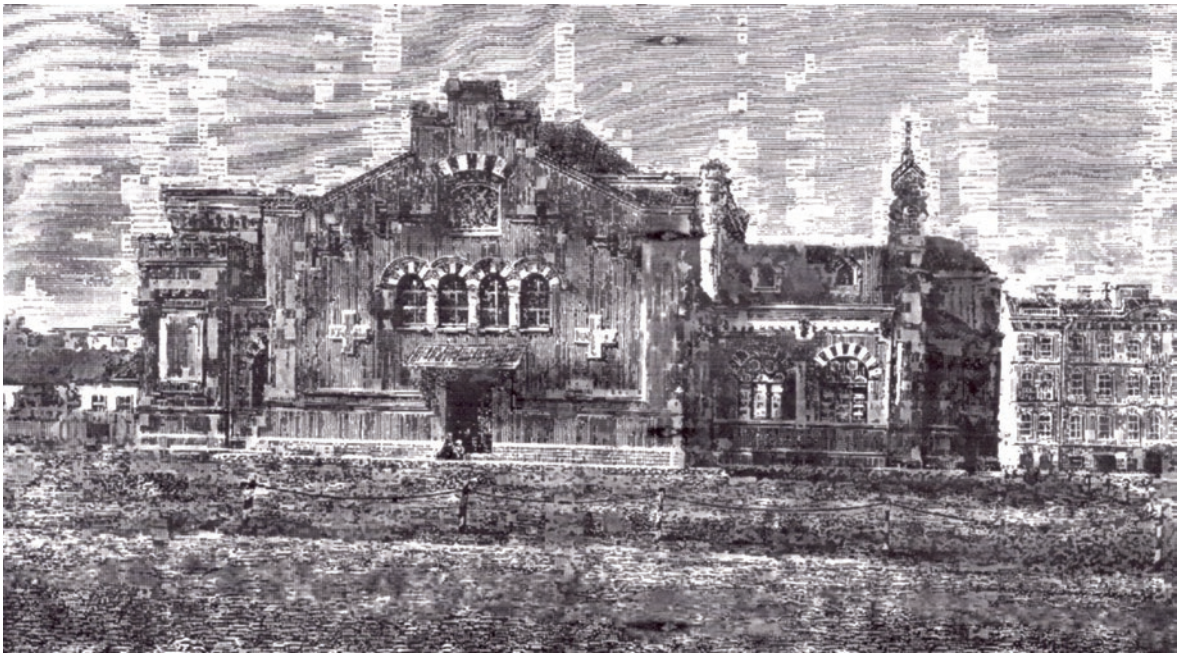
Деревянная церковь была устроена в 1761 г. С самого своего устроения она не случайно именовалась «церковью святых Косьмы и Дамиана»: братья Косьма и Дамиан Асийские, по церковной традиции предположительно жившие в Малой Азии в начале IV в., почитаются православной церковью как святые-бессребреники и целители. В 1834 г. госпиталь был переведен, но церковь осталась, и с 1847 г. поступила с Высочайшего соизволения в ведение лейб-гвардии Саперного батальона[2]. Батальон располагался рядом с церковью, на Преображенской улице (ныне улица Радищева) и занимал дома № 35, 37 и угловой с Кирочной улицей — дом № 39.

В 1855 г., когда деревянное здание пришло в ветхость, церковь была временно помещена в каменном флигеле, предназначенном для причта, и существовала там до постройки нового каменного здания.

Строительство новой церкви началось в 1876 г., окончено в 1877 г. Архитектор — Максимиллиан Егорович Месмахер (1842–1906), академик архитектуры (1872). На постройку церкви было «употреблено» 36 тысяч рублей церковных, 20 тысяч «ассигновано Инженерным ведомством», а остальные деньги «в весьма значительном количестве» были даны купцом первой гильдии потомственным почетным гражданином Санкт-Петербурга Игнатием Петровичем Лесниковым (1814–1873)[3].

Здание церкви было необычным. Популярный журнал «Нива» сообщал в 1885 г.: «Церковь лейб-гвардии Саперного батальона (на Кирочной), воздвигнутая в память святых мучеников бессребреников Косьмы и Дамиана, отличается особой архитектурой, которая мало походит на наши обыкновенные православные храмы. Она без купола, невысока, и имеет вид жилого дома. Это объясняется тем, что вначале предполагалось совместить в этом здании манеж для пехотных частей и домовую батальонную церковь»[4]. В журнале помещена иллюстрация с изображением церкви[5].

Совмещение в одном здании храма и зала для воинских упражнений оставляло бы мало места для богослужения, ограничивая его небольшой площадкой, отделенной от зала «съемной, весьма тонкой перегородкой»[6]. Это обстоятельство вызвало недовольство прихожан, и церковь первое время не была освящена. Протопресвитер Василий Бажанов[7], главный священник гвардии и гренадер, духовник императора, доложил об этом Александру II. 3 марта[8] 1879 г. император посетил церковь. В Дневнике лейб-гвардии



Церковь лейб-гвардии Саперного батальона во имя святых Косьмы и Дамиана. По фотографии Бетингера гравировал Рашевский. Репродукция. «Нива». 1885. № 40. С. 945

Саперного батальона имеется запись об этом событии: «В 3 часа пополудни Государь император изволил посетить вновь выстроенную батальонную церковь во имя св. Косьмы и Дамиана, оставшись довольным постройкой и устройством храма»[9]. В результате зданию было дано «исключительное назначение церкви батальонной и приходской»[10]. Запись в батальонном Дневнике от 14 апреля того же года гласит: «В 10 час. утра состоялось освящение батальонного храма. Богослужение совершал протопресвитер Бажанов. На богослужении присутствовали: великий князь Николай Николаевич Старший[11], Николай Николаевич Младший[12], Петр Николаевич[13] и великая княгиня Александра Петровна[14], а также все офицеры и нижние чины батальона, которому был произведен церковный парад»[15].

Религиозные церемонии занимали важное место в повседневной жизни лейб-гвардии Саперного батальона, так же как и в жизни всей русской армии. Церковные парады как «специфическая, характерная только для армии, форма коллективной молитвы, сопровождавшаяся церемониальным маршем»[16], проводились в дни значимых православных и государственных праздников, в праздничные и торжественные для воинских частей дни. Парад мог быть назначен всему батальону или отдельной роте, например, в день ротного праздника. Начинался он богослужением в батальонной церкви, по окончании которого батальон проходил «церемониальным маршем» перед высшим начальством, присутствовавшим на параде.

После освящения началось «благоукрашение храма: вновь устроена большая бронзовая люстра, внутри поставлены образа св. Александра Невского и святит<еля> Николая Угодника»[17]. Примечательно, что икона с образом Александра Невского была сооружена 20 февраля 1880 г. на средства офицеров батальона «в память исполнившегося 19 февраля 25-летия принятия императором звания шефа батальона»[18].

Однако, по свидетельству упоминавшегося выше журнала «Нива» 1885 года, внутреннее убранство церкви не отличалось особым богатством; там же указаны главные ее достопримечательности: «икона св. бессребреников Косьмы и Дамиана, сооруженная усердием бывшего командира лейб-гвардии Саперного батальона, генерал-лейтенанта Орловского[19], в богатом резном киоте из орехового дерева, с массивной серебряной вызолоченной ризою. Затем образ, сооруженный нижними чинами роты № 40 в 1833 году. Икона эта, украшенная серебряной вызолоченной ризою, помещается в громадном киоте. Особо чтимая икона св. муч. Косьмы и Дамиана, известная еще в 1730 году, богато украшенная драгоценными камнями, помещена на правой стороне иконостаса»[20].

В 1886 г. был возведен купол по проекту архитектора Модеста Александровича Иванова (1849–1909). На устройство купола Инженерным ведомством было выделено «до 35 тысяч» рублей[21]. Купол покоился на восьмиугольном барабане и был увенчан изящной главкой. В наружных нишах здания были «поставлены шесть больших икон, писанных на цинке художником П. П. Заболотским[22]: Св. Троица, св. Косьма и Дамиан, Благословение детей, Покров, Св. Александр Невский и Мария Магдалина»[23].

После перестройки купола в церкви был поставлен новый ореховый иконостас с живописными образами, пол в боковых частях храма был приподнят и отделен балюстрадой[24].

Для управления хозяйством и внешним порядком в батальонной церкви, как и во всех храмах

Церковь лейб-гвардии Саперного батальона во имя святых Косьмы и Дамиана. Вид со стороны Кирочной улицы. Фотография Левицкого. Начало 1890-х гг. ВИМАИВиВС ИДФ НВФ 1022/23

Интерьер церкви лейб-гвардии Саперного батальона во имя святых Косьмы и Дамиана. Иконостас. Фотография Левицкого. Начало 1890-х гг. ВИМАИВиВС ИДФ НВФ 1022/24

Интерьер церкви лейб-гвардии Саперного батальона во имя святых Косьмы и Дамиана. Слева, у окна, две витрины с мундирами и знамя на древке. Фотография Левицкого. Начало 1890-х гг. ВИМАИВиВС ИДФ НВФ 1022/27

военного ведомства Российской империи, была учреждена должность ктитора. Ктитор назначался из числа офицеров части. Так, в 1903–1904 гг. должность ктитора исполнял поручик Г. С. Габаев[25], незадолго до этого переведенный в лейб-гвардии Саперный батальон[26].

По традиции, в церкви хранились батальонные реликвии. 29 апреля 1879 г. в 10 часов утра из старой церкви в новую был перенесен мундир «в Бозе почивающего императора Николая I», торжественное перенесение завершилось церковным парадом роты Его Высочества[27]. Через два года, 29 апреля 1881 г. император Александр III в Зимнем дворце лично передавал гвардейским частям мундиры погибшего от рук террористов императора Александра II. Передача проходила в Зимнем дворце, куда прибыли представители гвардейских воинских частей. Это событие описано в батальонном Дневнике. В Белом зале дворца, на парчовых серебряных подушках были разложены царские мундиры. Когда дошла очередь до лейб-гвардии Саперного батальона, «государь, взяв со стола подушку с мундиром и передавая ее командиру батальона, сказал: “Последний мундир, который надел батюшка, был вашего батальона, я приказал дать не тот, в котором он скончался, потому что мундир весь изорван и производит слишком тяжелое и грустное впечатление”»[28]. Приняв мундиры, все части, с музыкой пройдя мимо командующего войсками округа, направились по назначению; для лейб-гвардии Саперного батальона церемония завершилась парадом во дворе батальонной церкви. В параде приняли участие все чины батальона. В церкви была отслужена панихида по императору Александру II, после чего командир поместил мундир в витрину[29].

7 мая 1882 г. в батальонную церковь было торжественно перенесено первое знамя, пожалованное лейб-гвардии Саперному батальону в 1824 г. Под навершием знамени красовался Георгиевский крест, собственноручно прикрепленный императором Николаем I 29 сентября 1828 г. под Варной, после молебствия по случаю взятия этой крепости. До этого знамя хранилось в церкви Инженерного замка. Для принятия реликвии «в 6 ½ часов утра полурота роты Его Величества, при хоре музыки, была выслана к вышеупомянутой церкви»[30]. Знамя было передано батальонному знаменщику генерал-инспектором по инженерной части великим князем Николаем Николаевичем старшим. Для встречи старого знамени у церкви св. Косьмы и Дамиана был выстроен весь батальон. По прибытии знамени оно было поставлено в церковь, батальон прошел перед великим князем церемониальным маршем[31]. Знамя и две витрины с мундирами видны на фотографии начала 1890-х гг. из собрания батальонного музея. 2 декабря 1894 г. в батальонную церковь «для хранения в витрине» был перенесен мундир «почившего в бозе» императора Александра III[32].

В 1853 г. в летнем лагере гвардейских саперов у деревни Бабигон по повелению императора Николая I

Памятник «Подвигам лейб-гвардии Саперного батальона» в Петергофе. XIX в. Фотография К. Фишера. Пересъемка. 1912 г. ВИМАИВиВС ИДФ НВФ 930

был установлен памятник «Подвигам лейб-гвардии Саперного батальона». С переводом в 1863 г. саперного лагеря из-под Петергофа на берег Невы близ села Усть-Ижора гвардейские саперы более чем на 30 лет лишились возможности ежегодно видеть дорогой для них памятник. Согласно записи в батальонном Дневнике, высочайшее указание о перенесении памятника к батальонной церкви последовало летом 1893 г.[33], причем императором Александром III было высказано мнение, что «если самый камень выветрился или если он лежит глубоко в земле, что может вызвать затруднения при извлечении его из земли и при перевозке в С.Петербург, то природный камень можно заменить искусственным и перевезти только орла и доску с надписью»[34]. На решение вопроса ушло несколько лет. В 1898 г., Главным Инженерным управлением на перенесение памятника было выделено 10 000 рублей[35].

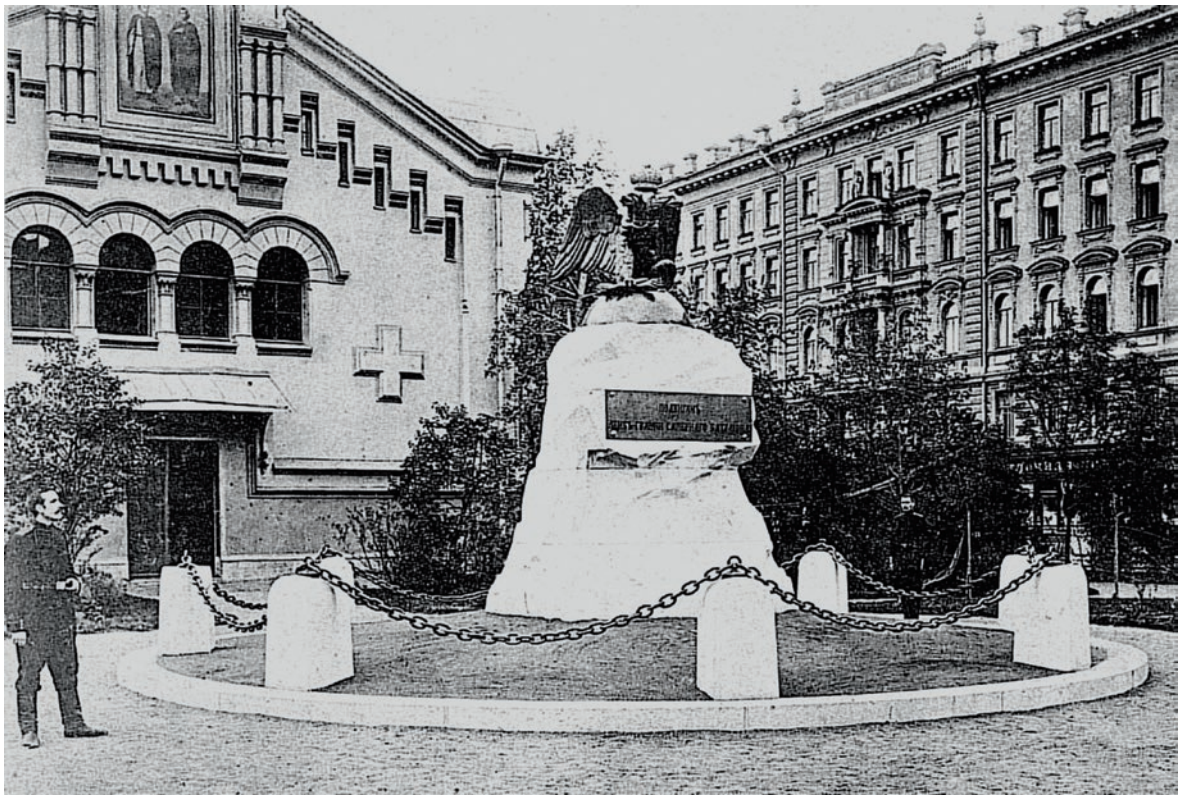
6 июня 1899 г., в день батальонного праздника, приходившегося на день святой Троицы, перенесенный из Петергофа памятник был открыт в сквере у входа в храм со стороны Кирочной улицы, в торжественной обстановке при участии всех чинов батальона и большом скоплении жителей города. Торжество началось с молебствия, по окончании которого «с памятника спала завеса, и взорам представился на вершине скалы величественно распростерший крылья бронзовый двуглавый орел, а ниже золоченая доска с подписью “Подвигам Лейб-Гвардии Саперного батальона”»[36].

31 октября 1911 г. в батальонной церкви был захоронен прах прославленного боевого командира лейб-гвардии Саперного батальона, известного инженера-изобретателя Карла Андреевича Шильдера (1785–1854), погибшего на Дунае при подготовке штурма турецкой крепости Силистрии.

После революции 1917 г. церковь постигла типичная для того времени судьба. В 1933 г. она была закрыта, в 1936 г. частично разобрана. Судьба икон, захоронения К. А. Шильдера и памятника «Подвигам лейб-гвардии Саперного батальона» неизвестна; скорее всего, участь этих реликвий была печальной. Построенные в 1936 г. две школы, на Кирочной и Фурштатской улицах, использовали сохранившуюся часть церковного здания в качестве общего спортзала. В начале 1950-х гг. и она была снесена в связи со строительством станции метро «Чернышевская».

Характерная примета нынешнего времени — возрождение исторической памяти. Более 10 лет педагогический коллектив школы № 197 (в 2022 г. была объединена со школой № 183) реализует программу духовно-нравственного воспитания и развития школьников. Ежегодно 14 ноября, в день памяти святых Косьмы и Дамиана, в школе проводятся «Космодамиановские чтения», на которых с историко-краеведческими сообщениями выступают ученики и приглашенные гости — сотрудники музеев, краеведы, духовные лица; важное место в чтениях отводится истории лейб-гвардии

Лейб-гвардии Саперный батальон у ограды батальонной церкви на Кирочной улице, на церемонии открытия памятника «Подвигам лейб-гвардии Саперного батальона». 6 июня 1899 г. Фотограф Карл Булла. ВИМАИВиВС ИДФ А-1021/43



Карточка почтовая. Памятник «Подвигам лейб-гвардии Саперного батальона». Издательство «Ришар» («Richard»). Санкт-Петербург. Начало XX в. ВИМАИВиВС ИДФ НВФ 1019/23

Саперного батальона и батальонной церкви. В рамках проекта развития школы предполагается преобразование ее в Космодамиановский лицей, возвращение расположенному за школой Мелитопольскому переулку первоначального названия — Космодамиановский переулок, строительство часовни Косьмы и Дамиана на прилегающей к школе территории за вестибюлем станции метро «Чернышевская».

---

[1] Церковь святых Косьмы и Дамиана. Рукопись // ВИМАИВиВС ИДФ НВФ 1019/35. Л. 1.
[2] Там же.
[3] Там же. Л. 1, 2.
[4] «Нива». 1885. № 40. С. 946.
[5] Там же. С. 945.
[6] ВИМАИВиВС ИДФ НВФ 1019-35. Л. 2.
[7] Бажанов Василий Борисович (1800–1883) — выпускник Петербургской духовной академии, воспитатель наследника престола великого князя Александра Николаевича, будущего императора Александра II; член святейшего Синода (1844); духовник императора Николая I (1848), после кончины императора — духовник Александра II, затем Александра III; в 1849 г. вступил в управление духовенством гвардейского и гренадерских корпусов; автор ряда религиозно-нравственных сочинений.
[8] Даты даны по старому стилю.
[9] АВИМАИВиВС. Ф. 51. Оп. 96/2А. Д. 26-1. Л. 164.
[10] ВИМАИВиВС НВФ ИДФ 1019/35. Л. 2.
[11] Николай Николаевич Старший (1831–1891) — великий князь, третий сын императора Николая I, генерал-фельдмаршал (1878), генерал-инспектор по инженерной части (с 1852, в обязанности вступил с 1856 г.), командующий (с 1867 — главнокомандующий) войсками гвардии и Петербургского военного округа (1864–1880). Зачислен в списки роты его величества лейб-гвардии Саперного батальона при рождении (27 июля 1831 г.). Зачислен в списки 2-й минерной (с 1844 г. — 3-й саперной) роты батальона 5 мая 1832 г. Назначен шефом 3-й саперной роты имени его высочества 25 января 1856 г.
[12] Николай Николаевич Младший (1856–1929) — великий князь, первый сын Николая Николаевича Старшего. Зачислен в списки лейб-гвардии Саперного батальона с 6 ноября 1856 г., зачисление состоялось в день рождения.
[13] Петр Николаевич (1864–1931) — великий князь, второй сын Николая Николаевича Старшего. Зачислен в списки лейб-гвардии Саперного батальона с 10 января 1864 г., зачисление состоялось в день рождения.
[14] Александра Петровна (1838–1900) — великая княгиня, супруга великого князя Николая Николаевича Старшего.
[15] АВИМАИВиВС. Ф. 51. Оп. 96/2А. Д. 26-1. Л. 164 об.
[16] Гефнер О. В. Праздничная культура военных русской армии (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Вестник Омского университета. 2009. № 3. С. 79.
[17] ВИМАИВиВС НВФ ИДФ 1019-35. Л. 2.
[18] АВИМАИВиВС. Ф. 51. Оп. 96/2А. Д. 26-1. Л. 166.
[19] Орловский Николай Осипович (1822–1895) — военный инженер, окончил офицерские классы Главного инженерного училища (1841), участник Туркестанских и Кавказских походов, Георгиевский кавалер (1854), командир лейб-гвардии Саперного батальона (1863–1873), член Военного совета, инженер-генерал (1892).
[20] «Нива». 1885. № 40. С. 946.
[21] Там же. Л. 3.
[22] Заболотский Петр Петрович (1842 – не ранее 1916) — русский художник-портретист, сын академика портретной живописи Петра Ефимовича Заболотского. С 1858 г. состоял вольноприходящим учеником Императорской Академии художеств по классу исторической живописи, за время обучения награжден малой золотой медалью (1863) и по 2 раза — малой и большой серебряными (1860). На счету Заболотского портреты многих дворян, он также написал иконы для церкви св. Косьмы и Дамиана лейб-гвардии Саперного батальона, Сергиевского всей артиллерии собора, домовой церкви Приюта принца Ольденбургского.
[23] ВИМАИВиВС НВФ ИДФ 1019-35. Л. 2 об., 3.
[24] ВИМАИВиВС НВФ ИДФ 1019-35, Л. 3
[25] Габаев Георгий Соломонович (1877–1956) — известный военный историк, архивист, создатель музея и составитель истории лейб-гвардии Саперного батальона, последний командир гвардии Саперного полка (1917–1918).
[26] Послужной список командующего гвардии Саперным полком полковника Георгия Габаева. Составлен 23 сентября 1917 г. Машинописная копия, принадлежавшая Г. С. Габаеву. Л. 3 об. // Архив А. В. Жданова.
[27] АВИМАИВиВС. Ф. 51. Оп. 96/2А. Д. 26-1. Л. 164 об.
[28] Там же. Л. 170 об.
[29] Там же.
[30] Там же. Л. 174 об.
[31] Там же.
[32] Там же. Л. 177.
[33] АВИМАИВиВС. Ф. 51. Оп. 96/2А. Д. 26-1. Л. 181 об.
[34] Там же. Л. 182 об.
[35] Там же. Л. 183.
[36] Там же. Л. 185.

А. С. Харьков

«Французский немец», несший смерть Ленинграду

В КОЛЛЕКЦИИ Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи имеется немало уникальных образцов вооружения, военной техники, обмундирования, наград, прекрасная коллекция живописи и графики... И на фоне всего этого разнообразия и великолепия отступает на второй план прекрасная коллекция боеприпасов музея. И замечательна она не только своей многогранностью, но и тем, что некоторые из ее образцов до сих пор не раскрыли до конца свои тайны. А когда «загадочный» боеприпас огромного размера, то он, пожалуй, еще более интересен. Об одной из таких загадок и пойдет речь.

Этот снаряд, невольно поражающий своими габаритами, можно увидеть, едва войдя в здание музея. Он находится справа от входа, у лестницы с пандусом, ведущей на третий этаж здания. Рядом с этим снарядом расположены боеприпасы меньшего размера и калибра.

Согласно архивным документам, снаряд поступил в музей по акту № 4 от 6 июля 1950 г.[1] В акте № 9 от 4 мая 1953 г. снаряд обозначен как «500-мм граната германская»[2]. В 1950 г. снаряду присвоен инвентарный номер Фонда артиллерийских боеприпасов[3].

А вот дальше в документах и литературе начинается непонятный разнобой.

В вышедшем в 1960 г. каталоге боеприпасов музея снаряд описан следующим образом: «Корпус 520-мм фугасного снаряда к опытной 520-мм мортире.

Привинтная головка корпуса снаряда с резьбовым очком под головной взрыватель; дно ввинтное с резьбовым очком под донный взрыватель.

Длина снаряда 3,5 калибра»[4].

Калибр 520 мм указан и в научно-инвентарной карточке снаряда (НИК), составленной в 1967 г. Длина снаряда указана 1870 мм. А вот в составленной в начале 1950-х гг. Книге поступлений артиллерийского фонда, ч. 3 калибр снаряда указан в 510 мм, длина — также 1870 мм.

Итак, в актах начала 1950-х гг. снаряд именуется германским, а с 1960-х гг. уже отнесен к боеприпасам отечественной артиллерии. Но самое странное — это его «гуляющий» калибр — от 510 до 520 мм.

Проведенные в ходе внесения боеприпаса в Государственный каталог Российской Федерации дополнительные измерения позволили уточнить данные снаряда: калибр — 520 мм, длина — 184 см (1840 мм).

При визуальном осмотре видно, что головная часть снаряда не полностью ввинчена в корпус, головной взрыватель отсутствует, а ведущие пояски целы, т. е. не деформированы в результате движения по каналу ствола при стрельбе. Снаряд, вероятно, подвергся разборке для демилитаризации (охолащивания) и изучения, а при последующей повторной сборке головная часть не была смонтирована штатно.

Но остались главные вопросы: к какой артиллерийской системе какой страны и какого времени принадлежит этот боеприпас?

Попробуем разобраться.

Начнем поиск исходя из того, что это боеприпас к отечественному орудию.

Старшие научные сотрудники С. С. Назарова и М. В. Дьяконов у 520-мм снаряда из собрания ВИМАИВиВС. Санкт-Петербург. 2024 г.

В СССР в 1938 г. была начата разработка сверхмощной железнодорожной 500-мм гаубицы ТГ-1, предназначенной для поражения сухопутных целей. Головным разработчиком проекта стало Особое техническое бюро Управления НКВД по Ленинграду и области (ОТБ УНКВД ЛО), расположенное в ленинградской тюрьме «Кресты». К лету 1941 г. удалось изготовить только один экспериментальный образец установки, который из-за начала войны даже не смог пройти испытания. Впоследствии работы по этой установке не возобновлялись[5].

Таким образом, в СССР разрабатывалась установка калибром 500 мм, причем она не принимала участия в боевых действиях.

Теперь попробуем выяснить, имелось ли в артиллериях иностранных армий в 1-й половине XX в. орудие калибром 510 или 520 мм?

Да, имелось! Это 520-мм французская железнодорожная гаубица обр. 1916 г. «Орудие, в отличие от всех прочих французских железнодорожных установок — специальной разработки. Все операции по подаче боеприпасов и заряжанию механизированы, а на тележках транспортера установлены электродвигатели для перемещения установки по криволинейным участкам пути (осуществления горизонтальной наводки) без помощи локомотива. Электропитание обеспечивается дизель-генератором, находящимся в специальном вагоне. Одна из двух изготовленных установок в июле 1918 г. взорвалась при испытаниях. Вторая в 1940 г. стала трофеем вермахта», — пишет А. И. Харук[6].

Вся система (гаубица с транспортером) весила 260 тонн, общая длина системы составляла 30,38 м. Скорострельность орудия — 1 выстрел в 5 минут. Заряд переменный. Заряжание картузное. Дальность стрельбы гаубицы, в зависимости от типа снаряда, составляла от 15,6 до 18 км[7].

Дальнейшую судьбу орудия можно проследить, благодаря исследованию А. Б. Широкорада: «Гаубица... в составе одноорудийной 686-й железнодорожной батареи прибыла под Ленинград 21 ноября 1941 г. При стрельбе 5 января 1942 г. произошел взрыв снаряда в канале ствола. Немцы не стали ее ремонтировать и оставили на позиции. В январе 1944 г. поврежденная гаубица была захвачена Красной армией»[8]. Таким образом, вторая гаубица повторила судьбу первой.

Судя по данным П. А. Аниконова, до конца декабря 1941 г. батарея не успела вступить в строй[9]. Таким образом, 5 января она произвела свой первый и последний выстрел, уничтоживший орудие.

Кстати, эта гаубица была самым мощным из всех артиллерийских орудий немцев, обстреливавших блокадный Ленинград[10]. К счастью, она так и не

Военнослужащие стран Антанты у 520-мм снаряда в Елисейском дворце. Париж. 1919 г.

смогла ни разу выстрелить по городу, поэтому и экспонируемый сегодня в музее снаряд имеет целые ведущие пояски.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно уточнить атрибуцию, время и место изготовления вышеописанного снаряда. Это снаряд 520-мм французской железнодорожной гаубицы обр. 1916 г., захваченной в 1940 г. гитлеровцами при разгроме Франции в качестве трофея. Снаряд изготовлен во Французской Республике в 1916–1940 гг. Орудие и снаряд в ноябре 1941 г. были доставлены под Ленинград. Из-за разрыва снаряда в стволе в начале января 1942 г. гаубица была выведена из строя и оставлена на позициях. В январе 1944 г., в ходе боев по полному освобождению Ленинграда от фашистской блокады, орудие и снаряд были захвачены частями Ленинградского фронта. В 1950 г. снаряд был передан в Артиллерийский исторический музей.

Такова история этого снаряда, которому, к счастью, не довелось разорваться на ленинградских улицах.

---

[1] Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (АВИМАИВиВС). Ф. 3Р. Оп. 9. Д. 133. Л. 17.
[2] АВИМАИВиВС. Ф. 3Р. Оп. 9. Д. 133. Л. 19, п. 105.
[3] ФАБ 44-590.
[4] Каталог боеприпасов отечественной артиллерии / Сост. П. В. Михневич. Л., 1960. С. 169. П. 527.
[5] Широкорад А. Б. Энциклопедия отечественной артиллерии. Минск, 2000. С. 1138–1142.
[6] Харук А. И. Артиллерия Вермахта. М., 2010. С. 89.
[7] Широкорад А. Б. Кто спас Ленинград в 1941-м? М., 2017. С. 154.
[8] Там же, с. 154.
[9] Аниконов П. А. Артиллерийские обстрелы Ленинграда: 1941 год. СПб., 2023. С. 58–88.
[10] Широкорад А. Б. Кто спас Ленинград в 1941-м? С. 153.

Н. Ю. Ефимова

«В нас подвигу память верна…»

Экспозиции и выставки Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи к 80-летию полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ артиллерии, инженерных войск и войск связи бережно хранит реликвии Великой Отечественной войны, среди которых немало подлинных свидетельств подвига и героизма ленинградцев в те страшные 900 дней (а точнее, 872 дня), выпавшие на долю нашего города. В канун памятной для каждого петербуржца-ленинградца даты в одном из залов музея была представлена новая экспозиция, посвященная обороне и блокаде Ленинграда. Она состоит из нескольких разделов, которые рассказывают о важнейших этапах этой грандиозной битвы, битвы за великий город: сражения на подступах к Ленинграду в июле 1941 г., блокада Ленинграда, ее прорыв в 1943 г. и окончательное снятие в 1944 г. Здесь в полном объеме можно увидеть Ленинград сражающийся: контрбатарейная борьба, противовоздушная оборона, работа промышленных предприятий города в условиях блокады.

Открывает экспозицию уникальная пушка, известная специалистам под названием «Ленинградка». Это поистине легендарное орудие, которое отличается своим необычным внешним видом и необычной историей создания. При формировании Ленинградской армии народного ополчения остро встала проблема ее вооружения. Катастрофически не хватало артиллерийских орудий, а противотанковых пушек не было совсем. На нескольких ленинградских заводах были обнаружены старые 45-мм танковые пушки, которые ленинградские инженеры-артиллеристы смогли переделать в «полевые противотанковые». Несмотря на то, что они изготавливались по одним чертежам, все пушки в мелочах отличались друг от друга. Так, например, в ходе производства на них ставили различные колеса: автомобильные, тележные, специальные цельностальные и т. д. (те, что можно было достать), а ввиду хронической нехватки прицелов в некоторых случаях даже использовались винтовочные. Хотя боевые возможности «Ленинградки» были весьма скромными, тем не менее пушка пробивала броню некоторых немецких танков, а также уверенно уничтожала вражеские пулеметы. Орудие находилось в войсках Ленинградского фронта до полного снятия блокады города на Неве.

По-новому в экспозиционное пространство вписаны различные образцы крупных артиллерийских орудий, как, например, 37-мм автоматическая зенитная пушка обр. 1939 г., боевым расчетом которой командовал старший сержант Шалов И. А. На ее стволе 18 жестяных пятиконечных звездочек по количеству сбитых фашистских самолетов. Это второе по результативности орудие Великой Отечественной войны (в среднем советские зенитки сбивали 4–6 вражеских самолетов).

О подвиге командира 2-го дивизиона 596-го истребительно-противотанкового артполка капитана Родионова Н. И. напомнит 76-мм полковая пушка. Дивизион занимал огневые позиции на танкоопасном направлении у деревни Марьино. В критический день операции по прорыву блокады Ленинграда, 13 января 1943 г., когда создалась реальная угроза окружения ударной группировки 67-й армии, против

Директор ВИМАИВиВС В. М. Крылов и Л. И. Шалова, дочь командира расчета 37-мм автоматической зенитной пушки Ивана Шалова, на открытии экспозиции к 80-летию полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады

наступавшего врага был выдвинут дивизион Родионова. Артиллеристы, в жесточайших условиях боя, после полуторачасового артиллерийского обстрела, оставшись без поддержки пехоты, устояли против контратак двух рот автоматчиков с восьмью средними и тяжелыми танками. В результате многочасового упорного боя бойцы дивизиона не дали противнику выйти в тыл своим частям. В живых осталось 12 человек. Капитан Родионов погиб после того, как в решающую минуту заменил у орудия убитого наводчика и метким выстрелом подбил головной танк противника.

В зале экспонируются и другие орудия, принимавшие участие в прорыве блокады Ленинграда. Одно из них — легендарный 120-мм миномет братьев Шумовых, добровольно прибывших на фронт из далекой Тувы. Из шестерых братьев трое пали смертью храбрых в боях с фашистскими захватчиками. Благодаря слаженной работе боевому расчету Шумовых удалось достичь максимального количества залпов в минуту — 20 (вместо привычных 15)! Как рассказывал один из братьев, когда первый снаряд достигал земли, двадцатый уже закладывался в ствол, а 18 мин находились в это время в воздухе.

Основное отличие новой экспозиции — большое количество мемориальных предметов, в том числе именные снайперские винтовки, сабля маршала Говорова Л. А., командующего Ленинградским фронтом, с которой он участвовал в параде Победы на Красной площади. Одна из реликвий — овчинный полушубок, принадлежавший старшему лейтенанту Глену А. И., его подразделение в марте 1943 г. во время боев вблизи станции Колпино на только что отвоеванном у врага рубеже сумело отразить 11 контратак превосходящего по численности противника и при этом подбить шесть немецких танков.

В витринах представлены и другие образцы военной формы одежды: мундиры видных военачальников, обмундирование партизан и ополченцев, комбинезон летчика. Особенно трогательно на их фоне смотрится маленькая детская гимнастерка с полевыми погонами капитана Красной Армии. Она была сшита для трехлетнего мальчика Павлика Павлова. Он потерял родителей в блокадном Ленинграде, и тогда его тетя, дивизионный врач, чтобы спасти ребенка от голодной смерти, привезла его с собой в медсанбат в Синявино. Мальчик оказался на передовой, у самой линии фронта. Гимнастерку для него сшили бойцы 45-й гвардейской дивизии. В одном из карманов гимнастерки сохранилась записка Павлику от бабушки. На листе бумаги, вырванном из блокнота, написан от руки пронзительный текст: *«Дорогой мой Павлушенька! 14 сентября 1943 года проклятые гитлеровские звери обстреляли из тяжелых орудий детский сад на Певческ. переулке, в котор. ты в эту время находился. Были убитые и раненые дети. На тебе была надета эта гимнастерка, котор. вся покрылась густой кирпичной пылью от рушавшагося дома. Храни ее как память о своем случайном спасении и о всех наших ужасных переживаниях в те страшные дни и часы. Будь счастлив в жизни. Твоя бабушка Ева. 1/X 44 г.»*.

Экскурсию по новой экспозиции проводит научный сотрудник Д. Галеев

Тут же можно увидеть и маленькое красное платьице. У этого предмета из детского гардероба по-своему героическая судьба. Прибитое к древку и водруженное на крыше замковой башни, именно оно возвестило об освобождении от фашистских захватчиков города Выборга.

Достойное место среди экспонатов заняли образцы оружия, изготовленные непосредственно в блокадном Ленинграде. Среди них хорошо всем знакомые пистолеты-пулеметы и ручные пулеметы известных советских оружейников Судаева и Дегтярева, винтовки и штыки...

Об одной из редчайших профессий периода Великой Отечественной войны, слухачах, призван поведать представленный на экспозиции звукоулавливатель. С помощью таких приборов ночью, когда в основном и совершались налеты, на слух определялось направление движения вражеских самолетов. А становились слухачами чаще всего люди незрячие, которые, как правило, являются обладателями острейшего слуха.

Посетители узнают о партизанском движении в Ленинградской области, единстве фронта и тыла, а также наступательных операциях «Искра» и «Январский гром», успешное проведение которых полностью освободило Ленинград от блокады.

Необычно и дизайнерское решение экспозиции. Ее авторы постарались наглядно продемонстрировать, как протекала жизнь в осажденном городе и как проходили бои на его подступах. Военные укрепления, сделанные из мешков с песком, боевые расчеты вокруг артиллерийских орудий...

Прекрасным примером маскировки стратегических объектов является представленный на экспозиции макет командного пункта «Нева», который ничем не отличается от типичного дачного домика в районе Шувалово–Озерки. И только его вид в разрезе говорит о том, какое это сложное инженерное сооружение.

В зале можно увидеть реконструированный кабинет музейного хранителя, с печкой-буржуйкой, рабочим столом, карточками для учета музейных экспонатов и другими предметами. Это еще и дань памяти членам так называемой «ленинградской команды», состоявшей из 20 сотрудников Артиллерийского музея, оставшихся в осажденном городе. Из них почти никто не выжил, но им удалось сберечь бесценные музейные реликвии, свести к минимуму потери от бомбежек и обстрелов в неимоверно тяжелых условиях. Еще одним из направлений работы музея в блокадном Ленинграде стал отбор любых видов вооружения, годного к обороне. Музейные хранители организовали восстановление стволов, выведенных когда-то из боевого состояния. Из фондов музея на фронт отправлялись артиллерийские системы, винтовки, автоматы, охотничьи ружья, боевые патроны различных систем, артиллерийские и стрелковые приборы, а также обоймы, прицелы, затворы, зенитные треноги, боеприпасы — отечественное оружие и трофеи Первой мировой, Гражданской и Советско-финляндской войны.

Экспозицию дополняют редкие фотографии, архивные документы, плакаты военных лет, батальная живопись и рисунки фронтовых художников.

Афиша к выставке «Непокоренный Ленинград»

Своеобразным продолжением новой экспозиции стала выставка «Непокоренный Ленинград». На ней можно было увидеть образцы оружия и боеприпасов, изготовленные непосредственно в осажденном Ленинграде, а также образцы трофейного оружия, захваченные войсками Ленинградского фронта во время проведения операции «Искра» и «Январский гром». Среди них немецкие, японские, финские, американские, бельгийские, итальянские, австрийские и швейцарские винтовки, пистолеты, пистолеты-пулеметы и др. Многие из них были представлены широкой публике впервые.

Санкт-Петербургским кадетским корпусом «Пансион воспитанниц Министерства обороны Российской Федерации» была подготовлена выставка «Одним дыханьем с Ленинградом». Она объединила живописные и графические работы, отражающие героическое прошлое Ленинграда и величайшие испытания, выпавшие на долю его жителей в годы Великой Отечественной войны. Именно об этом такие произведения, как «Ленинград в годы войны», «Тревожная ночь», «Ленинградский двор. 1941 год», «На Неве. 1941 год», «125 блокадных граммов», «Хлеб блокады», «Вода блокады», «У блокадного колодца», «Блокадное детство», «Защитница Ленинграда», «На защите осажденного города», «Дорога жизни», «Ленинградский салют» и др.

В то же время они стали своеобразным фоном для другой выставки, развернутой в том же пространстве. Организаторы назвали ее экспо-выставка «Эхо блокады». Она была подготовлена студией архитектуры и дизайна и представляла собой аудиовизуальную инсталляцию, поделенную на определенные зоны, сориентироваться в которых позволила специально разработанная система навигации. В центре инсталляции размещался бумажный макет с объемными изображениями, состоявший из восьми плоскостей, каждая из которых была посвящена разным аспектам спасения культурного наследия в условиях блокады: подготовка к эвакуации музейных ценностей, спасение памятников, работа театров и библиотек в осажденном городе... Светодиодная лента указывала на соответствующие текстовые блоки, читая которые, можно было познакомиться с воспоминаниями тех, кто жил и работал в блокадном Ленинграде, редкими архивными документами, выдержками из газетных статей военной поры и т. д. В дополнение к ним были созданы тематические аудиофрагменты. Так, во время чтения того или иного фрагмента можно было надеть наушники, размещенные рядом с ним. В этот момент включалась музыка фонового погружения, тем самым имитируя и перенося зрителя в историю, о которой он читает.

Также на выставке был представлен проект «Вклад ученых Ленинграда в Победу», реализованный учащимися студии дизайна и авторской игрушки. Выполненный в виде инсталляции, он был призван напомнить о таких замечательных деятелях науки, как В. М. Тучкевич, который во время блокады работал в Ленинградском физико-техническом институте АН СССР и занимался разработкой систем защиты кораблей от магнитных мин на Балтийском и Северном морях, В. И. Шарков, который вместе с коллегами разработал технологию производства пищевой целлюлозы, Б. И. Шелищ, который после того, как осенью 1941 г. в Ленинграде закончился бензин, сумел перевести автомобильные двигатели на использование отработанного аэростатами водорода, а также целая плеяда ученых-медиков, которые не только лечили больных жителей блокадного Ленинграда, но и продолжали свои научные изыскания, направленные на то, чтобы облегчить жизнь горожан в чрезвычайных условиях. Отдельного упоминания заслуживают военные инженеры, благодаря которым появилось гениальное изобретение военной поры, позволившее превратить дорогу по льду в дорогу жизни!

В 2024 г. продолжила свою работу выставка «Великая Отечественная война в графике ленинградских художников. 1941–1945 гг.». Она была организована Фондом современного искусства «АРТСИ» совместно с Военно-историческим музеем артиллерии, инженерных войск и войск связи при поддержке Президентского фонда культурных инициатив, при участии музея-заповедника «Прорыв блокады Ленинграда» и Музейного агентства Ленинградской области. На ней были представлены работы ленинградских художников, в том числе прославленных мастеров отечественного искусства, созданные во

Открытие выставки «Одним дыханьем с Ленинградом»

время Великой Отечественной войны, из собраний государственных музеев и частных коллекций.

С первых дней Великой Отечественной войны художники Ленинграда записывались в ряды ополчения, отправлялись добровольцами на фронт. Героизм мастеров искусств проявлялся не только на полях сражений. Художники, оставшиеся в тылу, стремясь отдать свои силы защите родного города, превращали искусство в оружие. Уже 24 июня 1941 г. в Ленинграде появились первые печатные плакаты — заработал «Боевой карандаш», ядром которого стали художники И. Остапов, В. Курдов и Н. Муратов, прозванные собратьями по карандашу и кисти «тремя богатырями». В дальнейшем в «Боевом карандаше» будет работать от 20 до 25 человек. Среди них В. Гальба, которого за острые сатирические плакаты на фашистов, на высшее руководство рейха, в том числе фюрера, Гитлер назвал врагом рейха № 1 и обещал повесить лично, В. Серов, И. Серебряный и другие. Художники создавали плакаты, полные отваги и оптимизма, которые поднимали боевой дух горожан и бойцов, вдохновенно призывая людей на подвиг. А. Пахомов стал идейным вдохновителем создания специальной серии плакатов для детей в ленинградском отделении издательства «Детгиз». Герои его работ — юные защитники Родины, стремящиеся помочь взрослым приблизить победу.

Воздействие политического плаката было огромным и на солдат на фронте, и на осажденных жителей Ленинграда. Кроме «Боевого карандаша», выпускались плакаты «Окна ТАСС», сначала в рисованном виде (выставлялись в витринах Елисеевского магазина), позже в печатном виде небольшими тиражами. По мере того как фашисты замкнули блокаду города, плакат, как и голос поэта Ольги Берггольц, звучавший по радио, стал единственным «живым источником», из которого черпали надежду жители блокадного города.

Зимой 1941–1942 гг. в холодном, без воды, света и продовольствия городе художники решают собирать свои работы для будущего музея блокадного города (Музей обороны Ленинграда будет открыт в 1946 г.).

Многие художники, которые остались без семьи, живут и работают в помещении Ленинградского отделения союза художников на Большой Морской улице. Там, в «Голубой гостиной», теплится печурка, подогревается кипяток, делится паек, а иногда кто-нибудь из художников приносит лакомство — кусок столярного клея, из которого готовят суп-кисель.

Новый 1942-й год художники отмечали в помещении Ленинградского областного союза художников. Принесли с собой угощения: новогоднего гуся, жареного поросенка, рыбу, были и фрукты, и вино... это были натюрморты, искусно сделанные муляжи и шутихи, выполненные из картона, пластилина, гипса и других подручных материалов. В первую блокадную зиму у них еще были силы и шутить, и радоваться. Последующие новогодние праздники никак не упоминаются в воспоминаниях художников.

На выставке «Великая Отечественная война в графике ленинградских художников. 1941–1945 гг.» можно было увидеть более 70 графических листов, созданных в 1941–1945 годах. Это эскизы агитационных плакатов, графические и акварельные картины. Вниманию посетителей был представлен

Выставка «Великая Отечественная война в графике ленинградских художников. 1941–1945 гг.»

первый пробный оттиск известного плаката Николая Тырсы (погиб в 1942 г.) «Тревога», эскиз плаката «Единство военного и домашнего фронтов» Василия Николаева (погиб в 1943 г.), эскизы плакатов «Встаньте, герои, стальною оградой...», «За Родину», «За город Ленина» и «Да здравствует XXIV годовщина Октября! Крепче удар по врагу!» Владимира Серова, эскизы плакатов «Дружинница», «На защиту Ленинграда» и «Слава воинам Ленинградского фронта» Иосифа Серебряного, эскизы плаката «Отважные пехотинцы» Евгения Кибрика и др.

Произведения ленинградских художников, которые были представлены на выставке, посвящены темам защиты, сохранения города и жизни в тяжелых условиях блокады. В работе Адриана Каплуна Ленинград предстает цитаделью сопротивления, на страже которой стоят грозные зенитные орудия. Художник Анатолий Яр-Кравченко служил на Ленинградском фронте стрелком-радистом в военно-воздушных войсках, где создал портретную галерею бойцов-летчиков. В образах героев воздушных боев отражена стойкость и отвага, бесстрашие и твердая решимость победить врага. Военный аэродром 1943 года изобразила художница Лидия Гагарина. Павел Кондратьев служил на Ленинградском и Прибалтийском фронтах в военно-воздушных силах, был награжден многими боевыми наградами. В работах художника с убедительной силой и конкретностью передан характер военного времени. На его рисунках на подступах к Ленинграду горят подбитые вражеские самолеты, виднеются разрушенные до основания дома. А портреты однополчан, запечатленные в короткие минуты отдыха после боя, привлекают своей человечностью. Старейший художник Иван Владимиров (1869–1947), учившийся в свое время в Академии художеств в батальной мастерской Богдана Виллевальде и Франца Рубо, был художественным корреспондентом в Русско-японскую войну 1904–1905 гг., Балканские войны 1912–1913 гг., Первую мировую войну. Запечатлел он и Великую Отечественную войну 1941–1945 годов. В его батальной композиции фигуры всадников, полные напряженного действия, нещадно громят вражеские войска. В акварели Виктора Морозова корабли военной флотилии, словно скованные морозом, неподвижно стоят в устье Невы. В композиционно законченных, проработанных до мельчайших деталей произведениях Николая Дормидонтова пожарные наряды слаженно тушат пожар в жилом доме после обстрела, а на руинах уничтоженных бомбежками зданий группы людей возводят оборонительные дзоты. Художник Владимир Успенский запечатлел момент укрытия памятника Петру I, знаменитого «Медного всадника» во время маскировки монументальной скульптуры города. За повседневными трудностями истерзанных страданиями ленинградцев живописец Николай Рутковский в произведениях «В театре» и «В трамвае» мастерски уловил атмосферу душевного состояния людей, сохранивших достоинство и красоту. Подробностью сюжетных деталей запомнился рисунок Александра Медельского, где дети и взрослые, сплоченные единой целью и верой в общее дело, трудятся в цеху во время артобстрела. Варвара Раевская-Рутковская создала несколько работ о детях блокадного города: «Водопроводчики. Герои Блокады» (1942), «Награжден медалью» (1943) и др. В этих работах

она запечатлела реальных мальчишек, фамилию одного из них (с медалью) Раевская упомянула в своих воспоминаниях. Это был младший брат девочки Веры Смирновой, которая послужила моделью для многих графических работ художницы. В ее мягких, выполненных в живописной манере работах нет напряженности и трагических примет военного времени, но они не оставляют равнодушными ни одного зрителя, в них главное — дети, мечтающие о мире. Несмотря на все тяготы военного времени, и в мороз и в стужу выходил на улицу с этюдником и мольбертом Вячеслав Пакулин. Художник писал пейзажи любимого города, опаленного войной. После эвакуации музейных ценностей из Государственного Эрмитажа он был командирован запечатлеть опустевший музей. В этюдах, написанных с натуры, сквозь зияющие оконные проемы пустых, промерзших эрмитажных залов запечатлена неповторимая красота военного города.

Отдельное место в экспозиции заняли произведения Михаила Бобышова, выдающегося театрального художника, профессора Академии художеств. Великая Отечественная война застала его в Ленинграде. В условиях блокады тяжело больной художник трудился над созданием работ, отражающих жизнь города-героя. Каждый лист из серии пейзажей «Героический Ленинград» словно документ истории проникновенно воссоздает облик города. В холодной цветовой гамме пейзажей Михаила Бобышова чувствуется атмосфера суровых будней несдающихся ленинградцев. Весной 1942 г. больных и ослабленных преподавателей и студентов Академии художеств эвакуировали в Самарканд. Обессиленный художник даже в пути не расставался с альбомом, создавая зарисовки путевых впечатлений по Турксибу. За время пребывания в эвакуации он завершил начатую еще в Ленинграде серию работ о блокадном городе. Год спустя М. Бобышов прибыл в Москву для участия в оформлении спектаклей на сцене Малого театра. В это время художник посетил Загорск, разрушенный фашистами Калинин и запечатлел их в своих произведениях. Завершением военного цикла его работ стала серия «Москва в дни Победы». Пейзажи этой серии проникнуты светлым, радостным ощущением окончания войны. Площади столицы заполнены ликующими толпами людей, озарены симфонией света и праздничным многоцветьем победоносных огней салютов и фейерверков.

Художники, прошедшие длинными фронтовыми дорогами к победе, отразили в своих работах то, как непреклонно, самоотверженно и отважно боролись за свою свободу, за свою страну жители блокадного города. Как в тяжелейших условиях, превозмогая страдания и боль утрат, они сохраняли беспримерную стойкость и силу духа. Произведения, созданные непосредственными свидетелями и участниками Великой Отечественной войны, в очередной раз напомнили о величии минувшего героического подвига.

Большой интерес вызвало оформление выставки. В декорациях были использованы современные методы художественного проектирования, которые дали возможность универсального восприятия трагедии блокадного города. Созданная архитектурная инсталляция — это аллюзия на судьбы жителей блокадного города. Истощенные голодом, измученные постоянными бомбежками, они остались несломленными. Использование современных технологий усиливало вовлеченность посетителей и эмоциональное восприятие ими экспонатов. Главные герои здесь, живые свидетели эпохи, — работы художников блокадного города. Они наполнены энергетикой, которую могут дать только подлинные произведения искусства, впитавшие в себя дух эпохи и личные переживания авторов. 3D проекции, созданные с помощью искусственного интеллекта, погружали зрителей в атмосферу блокадного города. В окружении уникальных орудий периода Великой Отечественной войны из собрания музея 3D проекции создавали универсальный фон, который усиливал значимость произведений искусства.

Н. Ю. Ефимова

СВОИ в Артиллерийском музее

Выставочные проекты Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, посвященные Специальной военной операции

В 2023 ГОДУ музей артиллерии стал одним из первых музеев страны, где была создана постоянно действующая экспозиция, посвященная конфликту на Украине. Она оказалась очень востребованной и вызывает большой интерес у посетителей. Музей продолжил работать в этом направлении, и спустя год в его залах было открыто сразу несколько выставок, затрагивающих тему СВО.

К Дню защитника Отечества была подготовлена выставка «Не смеют крылья черные над Родиной летать». На ней были представлены трофейные беспилотные летательные аппараты Вооруженных сил Украины и средства вооруженной борьбы с ними, применяемые российской армией в ходе проведения Специальной военной операции.

С начала Специальной военной операции Вооруженным силам Российской Федерации пришлось столкнуться на поле боя с различным вооружением, в том числе новыми его видами, к которым относятся беспилотные летательные аппараты (БПЛА). Они представляют собой малогабаритные дистанционно-управляемые летательные аппараты, предназначенные для ведения разведки, корректировки огня артиллерии и поражения наземных целей. Ввиду незначительных габаритов и других особенностей БПЛА их трудно обнаружить в полете и нелегко уничтожить. Эти свойства делают их грозным оружием, способным существенно влиять на ход боев.

Защита от вражеских БПЛА и развитие своего вооружения данного вида — одна из важнейших задач российской армии. Вооруженные силы Российской Федерации активно противостоят нападениям украинских БПЛА. Для этого используются все средства борьбы с воздушными целями: стрелковое оружие (автоматы, пулеметы), зенитные ракетные комплексы, мобильные и стационарные средства радиоэлектронной борьбы.

Выставка «Не смеют крылья черные над Родиной летать» была посвящена боевой деятельности наших воинов-зенитчиков по борьбе с вражескими БПЛА в зоне проведения Специальной военной операции. На ней были представлены образцы беспилотных летательных аппаратов различного типа и назначения, сбитые средствами ПВО ВС РФ в зоне проведения СВО или захваченные там же в качестве трофеев, а также средства борьбы с этой

Большой разведывательный БПЛА «Орлан-10» (Россия)

новой разновидностью военной техники. К числу трофейных БПЛА относятся: «Валькирия», «Фурия», «Лелека», «Щедрик», «Баба-Яга», «Fly Eye» и другие. На крыле одного из украинских БПЛА нарисован опознавательный знак «Балкенкройц» — крест особого начертания, который в годы Второй мировой войны наносили на танки и самолеты немецко-фашистские войска. Также был показан фрагмент французской крылатой ракеты «Storm Shadow/SCALP-EG», которая была сбита российскими средствами ПВО над Крымом. Оригинальная надпись «FRANCE», выявленная на этом фрагменте, является прямым свидетельством участия стран НАТО в конфликте на Украине. Интересным образцом украинского БПЛА, представленным на выставке, стал ударный «дрон-камикадзе», сбитый военнослужащими ВС РФ стрельбой из автомата Калашникова.

Собранию трофейных украинских БПЛА была противопоставлена сила русского зенитного оружия, начиная от пулеметной установки до зенитных ракет ЗРК «Тунгуска», «Тор», «Стрела», «Оса», «Игла». Также были продемонстрированы образцы современных средств радиоэлектронной борьбы.

Яркой частью выставки стали образцы больших и малых отечественных беспилотных летательных аппаратов, используемых ВС РФ в зоне проведения СВО, в том числе большие разведывательные БПЛА «Орлан-10», выпускаемые компанией «Специальный технологический центр», и «Гранат-4», выпускаемый ООО «Ижмаш — беспилотные системы». Все представленные на выставке БПЛА были показаны широкой публике впервые.

Выставка была оформлена современными изобразительными материалами, выполненными телеграмм-каналом «Рыбарь» с использованием технологии искусственного интеллекта и видеоматериалами из зоны проведения СВО, предоставленными Главным военно-политическим управлением ВС РФ и компанией «Специальный технологический центр».

Техническую поддержку выставки обеспечило ООО «Специальный технологический центр» (Санкт-Петербург).

На выставку предоставили свои изделия российские промышленные компании, выпускающие БПЛА и средства радиоэлектронной борьбы, такие как ООО «Специальный технологический центр» (Санкт-Петербург), Компания «Зmx», ОАО «Тамбовский хлебокомбинат» (Тамбов), АО «Лаборатория противодействия промышленному шпионажу» — «ППШ» (Санкт-Петербург), компания «Октагон» (Санкт-Петербург).

В этот же день музей открыл фотовыставку «Дыхание Донецка».

Автор фотографий Жаннет Шершицкая — член Творческого союза художников (секция фотографии), участник многочисленных выставок, блогер, активно занимается волонтерским движением. Она регулярно ездит в Донецкую Народную Республику, собирает и отправляет посылки для участников СВО, посещает раненых в военных госпиталях, выступает перед бойцами. За время этих поездок было сделано немало фотографий, передающих облик нынешнего Донецка, его дух и дыхание. Они и легли в основу выставки.

Экскурсию по выставке «Дыхание Донецка» проводит ее автор, фотограф Жаннет Шершицкая

На открытии выставки «Люди, опаленные войной» директор ВИМАИВиВС В. М. Крылов и директор Фонда помощи ветеранам и участникам боевых действий «Время выбрало нас», организатор выставки Артур Закиров

Несмотря на то, что Жаннет бывала в Донецке, когда тот нещадно бомбили, и испытала весь ужас артобстрелов, она влюбилась в этот город и искренне восхищается тем, что гордый, непокоренный, свободный Донецк продолжает жить несмотря ни на что!

На ее фотографиях есть прекрасные городские пейзажи. Однако, это не просто виды города. За каждым снимком своя история. Купол храма за два дня до того, как туда попадет снаряд и в нем образуется пробоина... Донецк в тумане... Можно даже не понять, что это Донецк, и тем более не знать, каким спасительным бывает туман. Оказывается, при сильном тумане не летают вражеские дроны, не скидывают гранаты.

Но такое явление не часто. И поэтому на фотографиях Жаннет Шершицкой, конечно же, преобладают совсем другие «достопримечательности». По ним можно понять, к примеру, что осталось от центрального рынка после мощнейшего обстрела в декабре 2022 года. По словам Жаннет, запах гари на этом месте сохранялся целую неделю... Объектив ее фотоаппарата запечатлел обыденные для сегодняшнего Донецка объявления: «По газону не ходить. Мины», «Укрытие», «В связи со сложившейся ситуацией временно работаем только на доставку», «Не приближайтесь к взрывоопасным объектам», «Мусор не бросать. Живут люди», «Если вы нуждаетесь в одежде, предметах быта или других вещах, вы можете бесплатно взять их с полки для себя и своих близких» и др. На улицах Донецка можно увидеть и большой баннер с фотографией погибшего главы Донецкой народной республики Александра Захарченко с надписью «Скорбим. Помним» и от руки написанную записку, вставленную в пластиковый файлик: «Глубоко скорбим... Светлая вам память, ребята» на месте разрушенного ПТУ.

И, тем не менее, несмотря на то, что все еще падает «град из ГРАДа по граду», как метко выразилась художница, Донецк — это живой город! В магазине продается «Мандарин. Абхазия», накануне Нового 2024 года украшались окна и вешались гирлянды, открыты парки и скверы, в храмах проходят службы, работает Дворец спорта «Дружба», на улицах много плакатов «РОССИЯ это наша ПОБЕДА! Это наша страна» и надписей на домах, схожих по содержанию с граффити «За Родину! За русских! За Донбасс!», а в местной поликлинике рядом с объявлением о правилах поведения в случае обнаружения коронавирусной инфекции вывешен гимн Донецкой Народной Республики, где есть такие слова:

Врагу не сломить нашу крепкую волю:
Мы духом и сердцем вовеки сильны!
Единству и братству славянских народов
Мы будем всегда беззаветно верны!

Портреты героев, защищающих Донецк, и других бойцов, проливающих кровь за свою родную землю, создает их землячка Юлия Толстоусова. Выставку этих портретов можно было увидеть на выставке «Люди, опаленные войной».

Юлия Толстоусова родилась 28 ноября 1983 г. в Макеевке Донецкой области Украинской ССР.

Афиша к выставке Ю. Толстоусовой

Рисовать начала с ранних лет. Училась в Донбасской национальной академии строительства и архитектуры на архитектора-дизайнера и, окончив ее, несколько лет работала по специальности. Однако с первых же дней борьбы за освобождение Донбасса еще в 2014 г. встала на защиту родного края. Вступила в Казачий союз «Область войска Донского», воевала снайпером, оператором БПЛА, прошла многие горячие точки — Иловайск, Горловку, Мариуполь, Докучаевск, Купянск, Угледар, Артемовск, Соледар, а в перерывах между боями делала в блокноте карандашные зарисовки. Среди работ Юлии — преимущественно портреты. Художница всегда стремилась как можно быстрее запечатлеть сослуживцев, осознавая, что в любой момент может потерять кого-то из товарищей. В то же время Юлия призналась в одном из интервью, что истоки ее творчества часто рождаются спонтанно, для того, чтобы поднять настроение бойцам. Некоторые удивляются: «Ой, ты меня нарисовала? А за что?», и Юля в таких случаях говорит нечто подобное: «“Да ни за что! Вот на тебя так свет упал, и ты сейчас очень красивый!” И он таким останется в моей памяти и в памяти всех, кто знал его».

В силу некоторых обстоятельств Юлии пришлось уйти с передовой, и она вновь вернулась к мирной жизни. Вот, что о ней говорит художница: «Насмотревшись на войне на смерть и ужасы, являющиеся неизменным спутником любых конфликтов, я решила привнести в этот мир что-то красивое и доброе. Так мой выбор пал на создание иллюстраций к книгам. Моим основным жанром являются фэнтези и сказки для детей».

Юлия сделала обложки к десяткам книг. Одна из самых известных — «Шахтерская дочь». Ее работы неоднократно демонстрировались на различных выставках.

«Люди, опаленные войной» — первая персональная выставка Юлии Толстоусовой. Еще одна готовится к открытию в Музее Победы на Поклонной горе в Москве. К творчеству художницы проявляют интерес и другие крупные музеи страны.

На выставке в Кронверке были представлены работы, которые создавались в боевых условиях с осени 2022 г., последние были написаны весной 2024 г.

На своей страничке в одной из социальных сетей Юлия Толстоусова написала: «Время на войне течет по иному графику, события сменяют друг друга незаметно для меня самой, меняются отряды и направления, приходят в мою жизнь новые люди. Неизменно одно — люди эти всегда хорошие, несущие с собой что-то доброе и светлое».

Там же можно прочитать и отзывы о ее работах:

— Юлия Толстоусова — один из самых пронзительных художников, каких я знаю. Ее портреты наполнены характерами, в лицах ее героев есть страсть и страдания. Безусловно, выставку с ее картинами стоит посетить!

— Ее рисунок всегда точен, характеры ее героев очевидны, описание их судеб, кажется, высечено перед полотнами простым текстом на прозрачном волшебном граните — с интерпретацией не ошибешься.

Действительно, графика Юлии Толстоусовой очень напоминает плакатное искусство.

На выставке в музее можно было увидеть 20 работ художницы. К сожалению, автор не смогла представить их лично, так как в настоящее время в должности оператора БПЛА она вновь находится на фронте...

Выставка «Люди, опаленные войной» была подготовлена при участии Фонда помощи ветеранам и участникам боевых действий «Время выбрало нас».

Портреты участников СВО можно увидеть и на выставке «СВОИ». Она — часть большого проекта, призванного объединить работы художников из разных регионов России, как профессионалов, так и любителей, которые поддержали идею создать портреты своих земляков — участников Специальной военной операции.

По задумке авторов проекта, реализуемого продюсерским центром «Бабель Арт» совместно с благотворительным фондом «Музыка добрых дел», художники заранее знакомятся с биографиями героев, узнают истории военнослужащих, чьи портреты собираются запечатлеть для потомков, общаются с членами их семей, а впоследствии передают им на память созданные работы. Часть работ остается в собраниях музеев, где проходили и пройдут в дальнейшем аналогичные выставки.

Открытие выставки «СВОИ»

Выставки проекта «СВОИ» с успехом демонстрировались в Москве и Московской области, Владимирской, Тверской, Курской, Тульской, Омской областях, а также Краснодарском крае, найдя отклик не только у участников СВО и их семей, но и широкого круга неравнодушных граждан.

«Самое главное, что большую часть портретов писали художники — друзья тех, кто изображен на этих работах, их соседи, знакомые... Поэтому она получилась такой светлой и теплой за счет того, что мы все друг друга знаем, и все стали друг другу близки», — сказал Алон Бабель, организатор выставки.

На выставке представлены работы художников из Санкт-Петербурга и Ленинградской области, к которым присоединились участники проекта из других городов от Калининграда до Омска и от Мурманска до Сочи. Они работают в разных стилях и жанрах, но задача у них одна — увековечить имена героев спецоперации, показать их лица, изобразить родные для них места. Картины, связанные с жизнью солдат, сопровождает фронтовая поэзия.

В заключительный день работы выставки в торжественной обстановке портреты героев будут переданы их родственникам.

Новые выставки показали, что интерес к теме Специальной военной операции по-прежнему очень высок, и в планах музея открыть обновленную, значительно расширенную экспозицию по СВО. Тем более, что фонды музея за это время существенно пополнились различными экспонатами, многие из которых были доставлены непосредственно из зоны проведения спецоперации. Так, в частности, в конце 2023 г. на территорию музея были доставлены три образца трофейной военной техники: боевая бронированная машина International MaxxPro, бронетранспортер БТР-3 и бронетранспортер БТР-4 МВ.

Автомобиль International M1224 MaxxPro MRAP (Mine Resistant Ambush Protected) — это боевая бронированная машина, разработанная дочерней компанией Navistar Defense американской компании Navistar International вместе с израильской Plasan Sasa, которая спроектировала и изготовила броню машины. Автомобиль создан для участия в программе по противоминной защите от засад, возглавляемой Корпусом морской пехоты США. Машина рассчитана на экипаж в 6–10 человек, развивает скорость по шоссе до 110 км/ч и 40–50 км/ч по местности.

22 мая 2023 г. подразделениями Вооруженных сил Российской Федерации была пресечена попытка проникновения диверсионно-террористической группы с территории Харьковской области в Гайворонский городской округ Белгородской области. В результате самоотверженных и грамотных действий российских подразделений боевики террористических группировок «Кракен» и «Азов» (запрещенных в РФ) были нейтрализованы. Несколько бронемашин, использовавшихся для прорыва, стали трофеями российских подразделений. Одна из них — International MaxxPro с тактическим знаком в виде белой вертикальной стрелки на двери.

БТР-3 — украинский бронетранспортер, разработанный Харьковским конструкторским бюро по машиностроению имени А. Морозова. Он является усовершенствованной модернизацией БТР-80, предназначен для транспортировки личного состава

Поступление трофейной техники из зоны СВО в собрание музея

мотострелковых подразделений и их огневой поддержки в бою. Производится с 2001 г. Управляется экипажем, состоящим из трех человек, и рассчитан на перевозку десанта в 10 человек. Вооружен 30-мм нарезной автоматической пушкой КБА-1, пулеметом 7,62 КТ, ПТРК «Барьер» и 30-мм автоматическим гранатометом КБА-117. Произведен на Киевском бронетанковом заводе. Бронетранспортер развивает скорость по шоссе до 100 км/ч и 50 км/ч по местности.

30 мая 2023 г. у населенного пункта Синьковка Харьковской области бойцами 200 омсбр пресечена деятельность украинской диверсионно-разведывательной группы. Умелыми действиями оператора многоцелевого БПЛА с высоты 50 метров был уничтожен БТР ВСУ Украины. В ходе боевого применения БТР-3 выявлены многочисленные недостатки, особенно низкая живучесть. Как правило, попадание противотанковых средств сразу же приводит к фатальным последствиям. В настоящее время эти бронетранспортеры считаются исчезающим видом в ВСУ, так как большая часть из них уже уничтожена или захвачена в виде трофеев.

БТР-4 МВ предназначен для транспортировки личного состава мотострелковых подразделений и их огневой поддержки в бою. Он может быть базовой машиной для оснащения специальных сил быстрого реагирования и морской пехоты. Способен вести боевые действия в различных условиях, в том числе в условиях применения оружия массового поражения. Может выполнять поставленные задачи как днем, так и ночью, в различных климатических условиях, на дорогах с различным покрытием и в условиях полного бездорожья. С 2013 г. БТР-4 МВ оснащается немецким двигателем «Deutz» BF6V1015CP. Машина управляется экипажем, состоящим из трех человек и рассчитана на переброску десанта в семь человек. БТР вооружен 30-мм нарезной автоматической пушкой КБА-1, пулеметом 7,62 КТ, ПТРК «Барьер» и 30-мм гранатометом КБА-117. Изготовлен Харьковским заводом машиностроения. Бронетранспортер способен развивать скорость по шоссе до 110 км/ч и 50 км/ч по местности.

20 июня 2023 г. подразделениями Южной группировки войск были успешно подавлены попытки штурмовых групп ВСУ атаковать первую линию обороны у населенных пунктов Раздоловка, Веселое, Спорное, Белогоровка. В ходе контрбатарейной борьбы подразделениями 61-й бригады морской пехоты Северного флота уничтожены два минометных расчета с орудиями у населенных пунктов Ступочки и Богдановка, захвачен БТР-4, личный состав которого без сопротивления сдался в плен российским военнослужащим.

Сведения об авторах

Гордеева Ульяна Александровна — научный сотрудник ВИМАИВиВС

Ефимов Сергей Владимирович — заместитель директора ВИМАИВиВС, кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры Российской Федерации

Ефимова Наталья Юрьевна — старший научный сотрудник ВИМАИВиВС

Ильина Татьяна Николаевна — старший научный сотрудник ВИМАИВиВС, кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры Российской Федерации

Крылов Валерий Михайлович — директор ВИМАИВиВС, доктор исторических наук, академик РАРАН, заслуженный работник культуры Российской Федерации

Незговорова Валерия Вадимовна — старший научный сотрудник ВИМАИВиВС

Низовский Андрей Юрьевич — писатель, историк, архивист, член Союза писателей России

Павлов Константин Александрович — историк-исследователь

Тимофеева Римма Александровна — доцент Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат искусствоведения

Харьков Алексей Сергеевич — начальник отдела ВИМАИВиВС

Чумак Руслан Николаевич — начальник отдела ВИМАИВиВС, кандидат технических наук

Шутиков Вадим Алексеевич — историк-исследователь, член Союза писателей Санкт-Петербурга

Юркевич Евгений Иванович — старший научный сотрудник ВИМАИВиВС, кандидат исторических наук

Составляли Черкасов и Разумихин. Рисовалъ на камнѣ Жуковскій 2.

МАСТЕРЪ И СТОЛЯРЪ

Артиллерійскаго полка, съ 1728 по 1732^й годъ.

Видъ изображаетъ того времени пушечный литейный анбаръ, на берегу рѣки Невы, въ С.тъ Петербургѣ, на мѣстѣ нынѣшней литейной башни.

Мастер и столяр артиллерийского полка. 1728–1732 гг. Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Ч. 2. СПб., 1842

@RYBAR

@RYBAR